

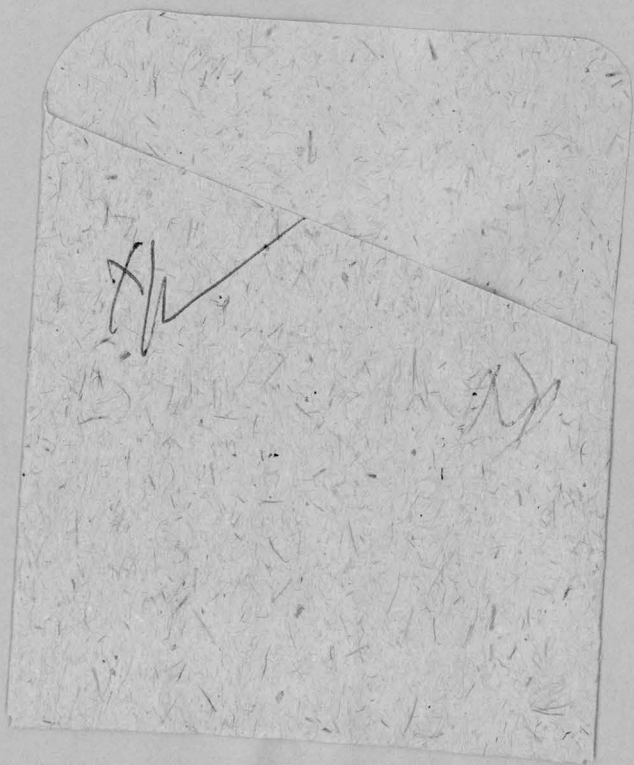
0-38

Э 1641

№ 14
1961

ОГНИ КУЗЬБАСА

ОГНИ КУЗБАССА

0-38

Содержание

На передовую линию жизни	3
А. ШИШКИН. Юность. Стихотворение	4
И. БАЛИБАЛОВ, П. БЕКШАНСКИЙ, Р. ЛОБАНОВА Всходы	
М. НЕБОГАТОВ. Отчий край. Звездочка. Здравствуй, день! Стихи	14
З. ЧИГАРЕВА. Шахтерская поэма. (Пьеса)	15
А. ПОЛОЗОВА. В степи. Стихи	29
В. МАХАЛОВ. Утес. Ночь на Бель-Су. Золотинка. Стихи	30
В. МИХАЙЛОВ. Ветерок. Тревога. Рассказы	31
В. ИЗМАЙЛОВ. Покой. Хлебозоры. О любви. Осина. Береза. Стихи.	37
В. МАЗАЕВ. Конец Лосиног камя. Повесть	38
С. РЫБАК. Ветка черемухи. Рассказ	47
А. ДИАМАНТ. Вечером в общежитии. Мужская дорога. Стихи	48
А. КЛИМОВА. Поздно. Ради Лени. Рассказы	49
А. СУЗДАЛЬЦЕВ. Зинка. Стихи	51
И. КИСЕЛЕВ. Осенью в синем вечернем пруду. Какого цвета Африка. Стихи.	52
В литературных группах Кузбасса	
Ю. ТИТОВ. Кемерово	53
Г. ЮРОВ. Аквариум. Стихи	55
А. ГУКОВСКИЙ. Геолог. Стихи	—
А. ТОМИЛОВ. Апрель. Туча. Стихи	—
Ю. КОТЛЯРОВ. Рабочее счастье. Очерк	56
Л. ХАЗАНОВ. Нет прекрасней назначения	61
А. СМЕРДОВ. Путешествие продолжается	67
Б. ЧЕЛЫШЕВ. По следам легенд и преданий	70
П. БУРДОВИЦИН. Поэт и воин Сибирской дивизии	73
С. РОДИОНОВ. Кузбасс после разгрома колчаковщины	75
Коротко о книгах	80
Памятные места	83
В. МАТВЕЕВ. Колючие строки	84

Литературно-художественный
и общественно-политический

АЛЬМАНАХ

Кемеровского областного
литературного объединения

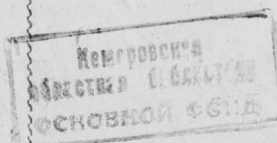

393066

14

1961 г.

Год издания 13-й

КЕМЕРОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Художник Е. Смирнов

Редактор А. Н. Волошин

Редакционная коллегия: П. И. Бекшанский, Е. С. Буравлев, А. И. Кыков, В. В. Махалов, В. Д. Соколов, Э. В. Суворова

Ответственный секретарь Л. Глебова

Техн. редактор З. Герасевич

Корректор Е. Тимошук

Сдано в набор 1/II-1961 г.	Подписано к печати 28/VII-1961 г.
Формат 84×108 ¹ / ₁₆ .	Печ. л. 8,61. Уч.-изд. л. 12,2.
Цена 50 коп.	Тираж 5000 экз.
ОП00674	Заказ № 890

Кемеровское книжное издательство, Кемерово, Кирова, 26.

Типография «Кузбасс», Кемерово, Сталина, 66.

НА ПЕРЕДОВУЮ ЛИНИЮ ЖИЗНИ!

«Нам нужны такие книги, кинофильмы, спектакли, произведения музыки, живописи и скульптуры, которые воспитывали бы людей в духе коммунистических идеалов, пробуждали в них чувство восхищения всем замечательным и прекрасным в нашей социалистической действительности, рождали бы в людях готовность отдать свои силы, знания и способности беззаветному служению своему народу, желание следовать примеру положительных героев произведений и вызвали непримиримость ко всему антиобщественному, отрицательному в жизни».

Эти слова Н. С. Хрущева, сказанные им в статье «К новым успехам литературы и искусства», писатели, артисты, художники, композиторы, все деятели культуры восприняли как главную программу, главное направление в своем творческом труде.

В статье Н. С. Хрущева — этом партийном документе огромного значения — с новой силой выражена неустанная отеческая забота Коммунистической партии об укреплении и путях дальнейшего развития многонациональной советской литературы и искусства.

Тесная, нерушимая связь с народом, высокая идейность, человечность, непоколебимая верность ленинским принципам партийности всегда отличали и отличают нашу литературу. Особенно возросла роль литературы в жизни народа сейчас — в период развернутого строительства коммунизма. Одной из самых насущных задач этого периода партия считает воспитание масс в духе коммунистической сознательности. Чем крепче коллективизм, чем сильнее трудолюбие, патриотизм, чем выше моральные качества людей, тем успешнее будут выполняться конкретные планы коммунистического строительства. Партия видит в литературе одного из своих могучих помощников в борьбе за человека нового общества. И эта светлая миссия вдохновляет советских писателей на создание произведений, достойных нашей великой эпохи.

Присуждение Ленинских премий 1961 года ряду писателей и работников искусства свидетельствует о новых высотах, о новых рубежах, занятых литературой и искусством нашей Родины.

Небывалый подъем творческих и духовных сил своих испытывает советский народ сейчас — накануне XXII съезда КПСС. Каждый новый день и нашего родного Кузбасса до краев наполнен трудовым вдохновением. Партия ведет вперед, открывает нам новые горизонты в настоящем и будущем. И это окрыляет наш труд, всю нашу жизнь. В звездном полете покорителя космоса коммуниста Юрия Гагарина шахтер и металлург, химик и хлебороб, ученый и строитель, писатель и учитель видят частицу и своего повседневного труда для счастья коммунизма.

Отразить в своих произведениях великий подвиг народа, силой своего таланта запечатлеть неповторимые черты нашего современника — нет для художника слова задачи более возвышенной, более важной.

Литераторы Кузбасса по мере сил своих стараются не отстать от времени, вместе со всем народом достойно встретить исторический съезд. Так, Зинаида Чигарева написала пьесу о шахтерах, Евгений Буравлев создал поэмы, прославляющие труд строителей, члены Союза журналистов А. Чемонин, А. Срывцев, В. Оленева, И. Балибалов и другие активно участвуют в выпуске к съезду серии очерков о маяках промышленности, сельского хозяйства, науки и культуры, Г. Емельянов и Г. Немченко выступают с книгой рассказов о строителях Запсиба.

Однако следует сказать, что нашим литераторам предстоит большая работа по овладению писательским мастерством. Подчас в произведениях о людях Кузбасса фиксируются лишь результаты их труда. Самая же суть становления нового, конфликты, рожденные борьбой со старым, отсталым, не раскрываются. Еще не нашли в наших произведениях полного и яркого отражения черты, привнесенные в социалистическую действительность величайшим движением современности — соревнованием за коммунистический труд. В Кузбассе еще нет произведений, осмысливающих перемены, происшедшие в связи с этим в труде, в моральном облике людей. А ведь герои наших дней — это живые люди, со своей индивидуальностью, сильными характеристиками, смелыми мыслями, богатыми чувствами. И к своему подвигу идут они не по гладкой дороге. На пути к новому, передовому они преодолевают немало препятствий, испытывают горести и радости, сомнения и разочарования.

Для того чтобы показать героя наших дней во всем его многообразии и сложности, литератору надо быть в самой гуще жизни, постоянно общаться с народом, жить его интересами и помыслами. Высокая идейность, мастерство, крепкая связь с жизнью — вот что поможет нам создавать правдивые, волнующие книги, нужные народу, достойные его.

Устами Никиты Сергеевича Хрущева партия зовет работников литературы и искусства к новым свершениям, к новым и новым творческим далям, зовет на передовую линию жизни.

Мысли и чувства писателей, вызванные статьей Н. С. Хрущева, хорошо выразил лауреат Ленинской премии Александр Твардовский:

Нет выше долга, жарче
страсти

Стоять на том
В труде любом!
Спасибо, Родина, за счастье
С тобою быть в пути

твоим.

А. ШИШКИН

ЮНОСТЬ

Ну, где вы слыхали,
ну, где вы видали,
чтоб юность не звали
бескрайние дали;

чтоб не было в сердце
задора и пыла?!
Чтоб даром пропала
горячая сила?!

Скажи, что воскресник —
пойдем на воскресник!
Скажи, что гулянье —
и вырвутся песни!

И вырвутся песни
такого задора,
что тесно им в залах,
дворцах, коридорах, —

им нужно, крылатым,
и небо, и землю —
они все охватят!
Они все объемлют!

Знай наших! И пашем,
и пляшем, и строим!
Герои? Ну, что вы —
какие герои?!

Обычные парни,
простые девчата,
лишь возраст такой,
только кровь горяча так,

да сильные руки,
да крепкие плечи,
да сердце, зовущее
счастьем навстречу!

И. Балибалов
П. Бекшанский
Р. Лобанова

26 декабря 1958 года горняки шахты «Полысаевская-2» вступили в соревнование за высокое, ко многому обязывающее звание коллектива коммунистического труда.

23 августа 1960 года Кемеровский совнархоз и областной совет профсоюзов присвоили «Полысаевской-2» звание шахты коммунистического труда, первой в Кузбассе. Да и во всей стране только еще одна шахта «Коммунист-Новая» в Донбассе одновременно с «Полысаевской-2» получила это звание.

ШАХТА КОММУНИСТИЧЕСКОГО ТРУДА! Сказать легко, но взять такой рубеж и, не сбавляя шагу, двигаться дальше... Это — труд. Большой, сложный труд всего горняцкого коллектива и его партийной организации. Это — борьба. Постоянная, изо дня в день борьба с тем, что отживает, но не сдается, с сорняками, что порой душат молодые всходы. Это — жизнь. Со всеми ее противоречиями, конфликтами, горечью поражений и радостью побед.

506 дней соревнования за высокое звание и увенчавшая их победа — это лишь наиболее яркий и насыщенный этап движения вперед, к коммунизму. Шахта коммунистического труда — еще не островок зрелого коммунизма. 2500 шахтеров «Полысаевской-2» еще не коммунистическое общество. Но люди «Полысаевской» настойчиво и упорно

учатся работать и жить по-коммунистически, воспитывают в себе черты, которые будут присущи людям коммунистического общества.

Люди «Полысаевской-2» ведут разведку боем на главном направлении жизни советского общества. «Уже сейчас, — писала «Правда» в передовой статье 24 октября 1960 года, — шахтеров «Полысаевской» отличает сознательное отношение к труду и общественному долгу, умение выполнять обязательства, взятые в соревновании, подлинный коллективизм и бескорыстная товарищеская взаимопомощь, неудержимая тяга к знаниям, стремление не только на производстве, но и вне его, в быту, высоко держать честь советского человека — строителя

коммунизма... постоянное устремление вперед, чувство благородной внутренней тревоги, не позволяющее довольствоваться достигнутым, помогающее видеть недостатки, нерешенные задачи».

И вот о том, как люди «Полысаевской» берут рубеж за рубежом, как началось и росло соревнование, как трудятся, учатся и живут горняки шахты коммунистического труда, какую большую воспитательную работу ведут в горняцком коллективе партийная, профсоюзная и комсомольская организации, рассказано в книге «Всходы», выпускаемой областным издательством. Ниже публикуются отдельные очерки из книги.

И они не ошиблись, поток хлынул. Бригада Александра Шуварикова будто открыла шлюзы мощной плотины.

— Хотим работать, жить и учиться по-коммунистически, — сказали все бригады, все участки, наконец вся шахта целиком. Все бурлило и кипело на шахте в эти незабываемые дни. Люди откликались на великое и необычное, что входило с новым обязательством в их труд, в их жизнь, по-разному. Одни приподнято-радостно, с открытой душой и сердцем, другие — с честной тревогой и раздумьем о большой ответственности перед собой, перед товарищами, третьи — с опаской, настороженно, недоверчиво, а то и враждебно. Правда, таких было мало.

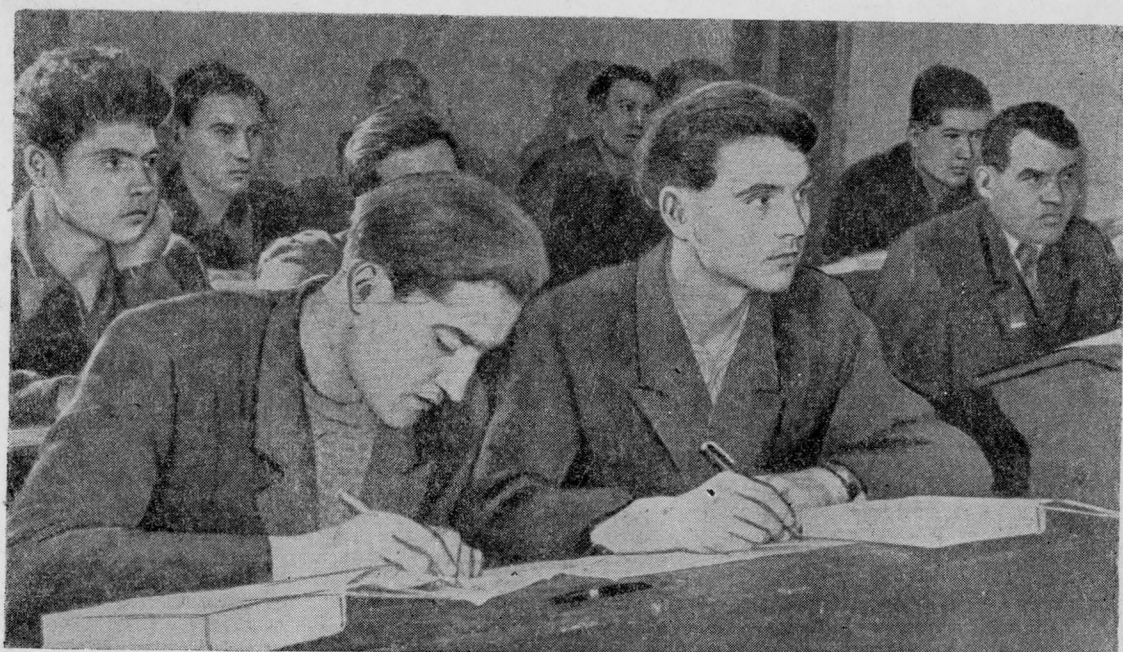
Единицы. А голос единицы — «тоньше писка».

Школа добрых шахтеров

...Всем без отрыва от производства изучить углепогрузочные машины и проходческий комбайн.

Так записала в своих обязательствах бригада Александра Шуварикова, первая на шахте вступившая в соревнование за звание коллектива коммунистического труда.

— Что будем делать? — озабоченно спрашивали друг друга работники учебного пункта. — Ведь не сегодня-завтра все бригады вступят в такое соревнование. А где проводить занятия, как организовывать дело, когда хлынет на нас этот поток?

В школе рабочей молодежи

— Посмотрим, что из этого получится, — пищали единицы. Но этот писк затерялся, сгинул в кипении горячих мыслей, устремлений, дел.

— Получится! — и, расправив плечи, шахтеры делали саженный шаг вперед, в будущее. Машинистам горных комбайнов вдруг срочно, немедленно потребовались знания электрослесарей. Электрослесари спали и видели себя специалистами по автоматике. Просто взрывник уже никого не устраивал, взрывник-мастер — вот это другое дело!

Старая одежда была уже не по росту.

Но ведь еще только вчера, казалось, все было впору, все было на месте. Что же произошло между вчера и сегодня?

— У нас на глазах, — говорит Анна Матвеевна Сюсина, инструктор учебного пункта, — менялись масштабы всего. Вчера мы довольствовались старой, годами сложившейся организацией подготовки и обучения кадров. А сегодня мы увидели, что нам нужен не обычный учебный пункт, а буквально учебный комбинат, со своей лабораторией, со своей солидной технической базой. Мы должны не только поспевать за новой техникой, но и открывать шахтерам новые горизонты, если можно так выразиться, — морально готовить кадры для техники будущего. Сегодня у нас автоматические пускатели, дистанционное управление, а завтра на шахту придет телемеханика.

Сорок лет назад, когда еще только-только забрезжила заря нового, коммунистического отношения к труду, Ильич сказал: тяжеловеснейшая машина неслыханной тяжести, глыба косности, невежества сдвинута с места.

«... мы даем друг другу торжественное и твердое обещание, что мы готовы на всякие жертвы, что мы устоим и выдержим в этой самой трудной борьбе, борьбе с силой привычки, что мы будем работать годы и десятилетия не покладая рук. Мы

будем работать, чтобы вытравить проклятое правило: «Каждый за себя, один бог за всех», чтобы вытравить привычку считать труд только повинностью и правомерным только оплаченный по известной норме труд. Мы будем работать, чтобы внедрить в сознание, в привычку, в повседневный обиход масс правило: «все за одного и один за всех», правило: «каждый по своим способностям, каждому по его потребностям», чтобы вводить постепенно, но неуклонно коммунистическую дисциплину и коммунистический труд».

Так сказал Ленин.

И если ты захочешь осмыслить «полысаевские масштабы», масштабы величавой поступи твоего современника, обратиться к Ленину. Свет мудрой ленинской мысли поможет правильно понять и по достоинству оценить происходящее.

«Все за одного и один за всех» — это ленинское веление начертано на знаменах коллективов коммунистического труда. Его приняли и полысаевцы как свой моральный кодекс, как закон своей трудовой жизни. И это уже не только лозунг — это практика. Тому свидетельство — труд, организованный на шахте, по принципу сквозного комплекса. Может быть, в будущем, и даже в ближайшем будущем, формы организации труда изменятся, станут более совершенными. Но сейчас сквозной комплекс является тем началом, которое ставит в прямую зависимость каждого от всех и всех от каждого. Комплекс — это когда от сноровки, знаний, добросовестности и сознательности каждого работника зависит материальное благополучие и доброе имя всех членов коллектива.

Если в комбайне случилась поломка, машинист должен сам уметь устранить ее и не жадать, как бывало, специалиста-ремонтника.

Если ты кончил свою работу раньше, помоги то-

му, кто замешкался. Чем больше ты знаешь и умеешь, тем нужнее ты в коллективе. На этом держится закон шахтерского товарищества, на этом стоит комплекс.

И не потому ли, когда объявили по шахте запись на курсы электрослесарей, в первый же день пришлось прием прекратить: вместо 40 записалось 80 человек.

Новая техника требует новой организации труда, которая в свою очередь немислима без нового, коммунистического отношения к труду. И весь теперешний настрой жизни на шахте скрепляет эти звенья в единый монолитный чудесный сплав. Вы увидите этот настрой везде — в забое, у книжного киоска, в столовой, в библиотеке, в учебном пункте.

Здесь, в учебном пункте, почти нет дня, когда бы не принимались экзамены. Идут шахтеры для проверки разряда, идут вновь поступающие на шахту после обязательного 15-дневного обучения; идут освоившие на очередных курсах очередную — третью, пятую — профессию...

Все это — побег одного могучего дерева, уже пустившего здесь, на шахтерской почве, крепкие корни коммунистического отношения к общественному труду.

...Сегодня экзаменуются в основном «свои», шахтовые, прошедшие переподготовку. Это преимущественно молодые люди, хорошо, даже щеголеватые одетые. Модные костюмы. У многих через плечо фотоаппараты. В маленькой приемной они пооставляли свои шляпы и, осторожно покашливая, проходят в комнату, где заседает комиссия, возглавляемая Иваном Елисеевичем Ткаличем.

Покшливают неспроста. Разговор предстоит серьезный. Иван Елисеевич слышит на шахте за человека дотошного, особенно, если речь идет о правилах техники безопасности. Полная безопасность труда на шахте, носящей звание коммунистической, рассматривается не иначе, как священный долг, как вопрос чести. Не меньше. Мы были свидетелями случая с электрослесарем отдела главного механика, Николаем С. Собирая на экзаменах магнитный пускатель, он сделал короткое замыкание.

— Небрежное отношение к схеме может дорого стоить людям в шахте, — сказали ему и сроком на три месяца снизили разряд.

Но мы немного отвлечлись от того, что происходит сейчас в комнате экзаменационной комиссии.

— А-а, пришел все-таки, — воскликнул Ткалич, увидев молодого парня, остановившегося в дверях.

Парень резко выделяется своим внешним видом, манерой держаться. Одет он неряшливо, сам какой-то заспанный, вострапанный. Засунув руки в карманы, он небрежно остановился посреди комнаты и исподлобья уставился на председателя комиссии. Несколько дней назад, не ответив почти ни на один вопрос, он бросил экзаменационные билеты чуть ли не в лицо членам комиссии.

— Нехорошо, Андреев, себя ведете, — говорит Ткалич. — Да и вид у вас...

— На танцы, небось, в другом виде является, — насмешливо заговорили кругом.

Парень, смутившись, вынул руки из карманов и, не зная куда их деть, стал приглаживать волосы на голове.

— Долго я тут проживаться буду? — заговорил он. — Я же мотористом уже работал...

— Надо было не баклуши бить 15 дней, а серьезно заниматься. Хотите работать у нас на шахте — овладейте минимумом знаний. Учтите, требуется минимум! А потом пойдете на курсы без отрыва

от производства. Такой на нашей шахте порядок. Вот и подумайте, прежде чем взять билеты...

Потоптавшись на месте, Андреев берет билеты. Уже несколько человек получили справки о сдаче экзамена, а он все сидит, не подавая голоса.

— Ну, как, подготовились? — спрашивает Ткалич. — Тогда отвечайте на первый вопрос.

— Устройство и назначение лампы «Свет шахтера», — невнятно читает Андреев.

Не менее невнятно и путано он отвечает и потом, всердцах махнув рукой, надолго замолкает.

— Вот что, Андреев, даю вам возможность прийти в третий раз, хотя это и не положено, — говорит председатель комиссии.

Опустив голову, Андреев молчит.

— Как же тебе не стыдно! — вдруг срывается Ткалич. — Молодой, здоровый, полный сил — и на кого похож! Имеешь семилетнее образование, а пальцем пошевелить не желаешь, чтобы хоть одну профессию как следует освоить. Давно у нас на шахте таких не бывало. Подумай, крепко подумай, Андреев. Вся жизнь у тебя впереди... Даю еще три дня на подготовку.

Не поднимая головы, Андреев кладет билет на край стола и быстро уходит.

Прошло три дня. И снова в маленькой приемной толпится народ. Придет или не придет Андреев? — думаем мы. И вдруг видим его в толпе молодежи.

Полно, да тот ли это Андреев? В новых брюках, в чистой аккуратно заправленной и застегнутой на все пуговицы рубашке, с приглаженными волосами, он совсем не похож на того, знакомого уже нам — неряшливого и вызывающего. Что-то переменялось в Андрееве не только внешне.

В третий раз он перед комиссией, третий и последний. Видно, парень это учел и не терял времени попусту. Сейчас ему было известно не только назначение и устройство лампы «Свет шахтера», но и причины образования угольной пыли, и причины возникновения рудничных пожаров. Знает Василий Андреев и что ему делать, если загорится бронированный кабель. Но это вопросы уже не по билету, а дополнительные.

— Давно бы так, Андреев. Ведь можешь учиться, и неплохо. Ну, надевай самоспасатель, — говорит Иван Елисеевич.

На лице у парня неподдельное оживление. Если председатель комиссии велит надеть самоспасатель, значит, сдал, значит, принял!

За несколько дней, проведенных на учебном пункте, подметили и мы эту черточку за Иваном Елисеевичем. И когда Ткалич чуть-чуть небрежно говорит заветную фразу, мы вместе с Андреевым облегченно вздыхаем:

— Принят!

— Смотри, Василий Андреев, — говорит Иван Елисеевич, проставляя в справке «тройку». — Идешь работать на участок коммунистического труда номер пять. Там тебе, брат, жить на тройку не позволят. Чуешь?

Андреев молчит. Но по тому, как берет он справку, как встряхивает своим чубом, как выходит за дверь, видно, что «чует». Чует и разумеет...

Коммунизм возводить молодым. И не потому ли с первых же шагов своих на шахте молодежь попадает в атмосферу заботы, внимания и... требовательности. Требовательности без всяких скидок на молодость. Требовательности, которая равна большому доверию в твои силы и способности, в твое человеческое достоинство. Не только учить профессии, но прежде всего воспитывать — так понимают

свою задачу специалист Ткалич, преподаватели Сюсина, Кулагин, все работники учебного пункта.

И кто знает, может быть, именно здесь, у стола приемной комиссии, и начинается твоя большая судьба, молодой человек? Отсюда идет твоя дорога в шахту, где трудятся по принципу «Все за одного и один за всех». Там ты будешь проходить еще одну школу — школу шахтерского товарищества. Там-то и обнаружится твоя настоящая цена. А пока твоя первая задача — добросовестно учиться шахтерскому делу.

— Подумаешь, — говорит Виктор Бочкарев, приехавший из Донбасса. — Закон Ома — три дня и дома...

Дружным смехом отвечают на это молодые парни, ожидающие своей очереди экзаменоваться.

Потолкавшись еще немного в приемной, Виктор заходит в комнату, где заседает комиссия. С уверенным видом берет он билеты из стопочки с надписью «Для мотористов». Потом присаживается и тут же начинает шептаться с соседом. Он не прочь и здесь побалагурить. Но деловая обстановка действует и на него. Бочкарев прислушивается к вопросам и ответам.

—...допустим, цепь конвейера ослабла. Что будете делать?

— Уберу одно звено, — отвечает Пеняжин.

— И все-таки цепь натянута слабо.

— Надо применить специальное устройство.

— Что за устройство и где оно находится?

Экзаменуемый молчит.

— Рядом с этой комнатой, — говорит председатель комиссии, — лаборатория. Пойдите туда, разберитесь, потом еще побеседуем. Следующий.

К столу подходит светловолосый парнишка. Что-то уж больно он молод. И прежде чем приступить к экзамену, Иван Елисеевич спрашивает, чей, откуда.

— Аж из-под Львова я. Брат мой тут работает, и мне сильно в шахту хочется.

— Это хорошо, что в шахту хочется. Ну, а устройство заземления знаешь?

— Трошки знаю, трошки... не, — чистосердечно признается парнишка.

— Ну рассказывай хоть трошки, — соглашается председатель комиссии, под общий взрыв смеха.

В это время из лаборатории возвращается Пеняжин. Он сообщает, что на подрамнике конвейера есть натяжные болты, при помощи которых и регулируется натяжение цепи.

— То-то. А то ведь по вашему методу всю цепь по звеньям растащить можно. Надевайте самоспасатель... Так как же с заземлением, — снова обращается Ткалич к парнишке.

И хотя с заземлением тому явно не везет, он не теряет присутствия духа и пытается убедить комиссию, что все-таки «трошки» он знает.

— А как будешь замерять газ метан по категориям?

— Ой, да что тут такого хитрого, — озаряется парнишка улыбкой. — Первой категории — один раз, второй категории — два раза, третьей — три, четвертой — четыре... ну так и далее...

Смеется от души председатель, смеются члены комиссии, все присутствующие. Поощренный таким вниманием, парнишка совершенно уверен, что сейчас и ему разрешат надеть самоспасатель.

— Нет, браток, — говорит Ткалич, — придется трошки обождать. А очень хочешь быть шахтером?

— Ой, дуже хочу...

— Верю, верю, браток. Поможем тебе в этом деле. Вот направление в отдел кадров, на поверх-

ности поработаешь. Газку шахтерского понюхаешь, увидишь, какой он — уголек есть. Курсы у нас всякие. Поживешь, поучишься — и через год-два из тебя добрый шахтер получится. Согласен?

— Спрашиваете, — сверкает парнишка белыми зубами.

Все с восхищением слушают отличные ответы Владислава М. Что ни ответ — то в тетради плюс. Что ни ответ, то крестик.

Да и не мудрено. Владислав — студент четвертого курса Кемеровского горного института. Прибыл на практику. Будет работать горным мастером или, как сейчас говорят на шахте, — сменным помощником начальника участка. Ничего не скажешь, теоретически подкован. Видно, что и Ткалич доволен ответами. Но он не может не отметить несколько снисходительного тона студента, его трудно скрываемого недоумения по поводу того, что ему — почти инженеру — приходится отвечать на те же вопросы, что и рядовому мотористу или электрослесарю. И это Ткаличу не нравится. Он задает один, другой практический вопрос и в заключение ставит «почти инженеру» четверку. Владислав озадачен.

Протягивая ему направление на участок, Ткалич как бы между прочим говорит:

— Будете в шахте, обратите внимание, как посылаются шпурь...

— Вот тебе и закон Ома, три дня — и дома, — не выдержал балагур из Донбасса.

А когда дошла до него очередь, отвечать он не стал:

— Приду в следующий раз...

И прямо с учебного пункта направился в шахтовую библиотеку. Мы видели, как озабоченно перебирал юноша книги, разложенные на столе.

— Нет, — говорит он, откладывая в сторону рассказы, повести и романы. — Сейчас мне дайте все, что есть для моториста. И что это за шахта такая, — без учебы шагу не ступишь. А я, между прочим, сдав на моториста, буду сразу на проходчика готовиться. Так что и по этой части книжонки подберите.

Но оказалось, что «книжонки» по шахтерской части все разобраны, все на руках. Все учатся, всем надо.

— И что это за шахта такая, — не перестает удивляться донбассовец.

А удивляться, собственно, нечему. По шахте шагает семилетка рабочего образования. Это тоже относится к области новых масштабов. И поставлен в повестку дня вопрос о масштабах рабочего образования опять же соревнованием за коммунистический труд и жизнь.

Коммунистический труд — это прежде всего труд высокопроизводительный. Он немислим без внедрения совершенной техники, без новой организации производства. Горняки «Полысаевской» взяли правильный курс на механизацию и автоматизацию. Заменить комбайны «Донбасс-1», не соответствующие горным условиям, другими — «Донбасс-6»; ввести автоматическое управление ленточными транспортерами при помощи реле скорости, автоматизировать конвейерные линии в подготовительных выработках, внедрить высокочастотную связь на подземном транспорте, механизировать все погрузочные и разгрузочные работы на поверхности, — эти и многие другие планы заставили пересмотреть действующую систему организации труда.

Так встали вопросы о сквозном комплексе, о без-

нарядной системе, о концентрации подготовительных работ и другие, не менее важные. А все это вместе взятое заставило критически посмотреть на кадры, на их подготовленность, на их способность решать задачи, поставленные соревнованием за коммунистический труд.

Так родилась семилетка рабочего образования. На шахте она представлена в стройном, гармоничном комплексе повышения производственно-технического и общеобразовательного уровня шахтеров.

Когда на «Полысаевской» организовали вечернюю среднюю школу, это резко повысило качество производственного обучения. А стремление шахтеров как можно быстрее решать задачи технического прогресса в свою очередь двинуло поток людей в вечернюю среднюю школу.

Уже в 1959 году в учебном пункте, в основном без отрыва от производства, было обучено 1389 человек, или в полтора раза больше, чем в 1958 году. Каждый горнорабочий приобрел специальность электрослесаря. Учатся все — от мала до велика, невзирая на возраст и должность.

— Самое трудное, — говорят преподаватели учебного пункта, — угнаться за нашими людьми. Всех обуяла жажда научиться новому, постигнуть неизведанное.

Шахтер 1960 года — это человек, владеющий несколькими специальностями.

На четвертом участке работает проходчиком Николай Симонов. Он же — машинист мелких шахтных установок; он же — машинист погрузочных машин; он же — машинист проходческого и угольного комбайнов; он же — электрослесарь. И все это он освоил за последние полтора года.

Проходчик 7-го участка Михаил Зотов отлично знает все мелкие шахтные установки, управляет погрузочной машиной, мощным проходческим комбайном и, при случае, может заменить мастера-взрывника.

По четыре-пять профессий у шахтеров Борзова, Белоножки, Хмелева, Сунягина и у десятков других.

Каждый горнорабочий шахты имеет сейчас минимум две профессии.

Под напором шахтерской инициативы, стремления учиться «всем профессиям» без отрыва от производства учебный пункт организовал постоянно действующие курсы машинистов проходческих комбайнов и курсы электрослесарей.

Уже первые 200 человек прошли обучение по автоматике.

Чтобы показать качественный скачок, сделанный шахтерами «Полысаевской» в области технических знаний, Анна Матвеевна Сюсина приводит интересное сравнение:

— Электрослесарь пятого разряда 1956 года — это не больше как моторист 1960 года; а электрослесарь пятого разряда 1960 года — это по меньшей мере заместитель механика участка 1956 года; рядовой горнорабочий 1960 года — это по сути электрослесарь четвертого разряда. Это значит, что он самостоятельно умеет собрать пускатель любой марки, подключить сигнальное устройство, установить и подключить реле, контролирующее работу конвейеров, принять участие в текущем ремонте механизмов и многое другое.

И не случайно на шахту «Полысаевская-2» идет молодежь. Здесь можно стать настоящим, хорошим, или, как говорят на учебном пункте, добрым шахтером!

Семнадцатая профессия

Рассказ Александра Шуварикова

И ничего удивительного, что стал я шахтером. Ничего. Вырос на шахте, где работал отец. Когда еще бегал в школу с тетрадями за лазухой — знал: буду шахтером.

Жизнь меня не обделила ни ростом, ни силой. Шел третий год войны, делили хлеб и уголь на «пайки» и мечтали о победе. Круто приходилось,

что говорить... Первая моя профессия — кондуктор. Насыпешь вагончики доверху угольком, мигнешь светильником машинисту — и понеслись к стволу. Машинист электровоза впереди, а ты на хвостовом вагончике покачиваешься. Потом с хвоста перешел в голову — стал машинистом электровоза. Любил я водить тяжелые составы с углем. Коренной штрек, если по-шахтерски, — добрая городская улица. Потом поставили меня диспетчером подземного транспорта. Тут, как говорят транспортники, я скоро попал в забур; вагонетки летели с рельсов, а я — с диспетчерского стула. В то время людей на шахте не хватало, меня здорово поднатаскали по горному делу и сделали горным мастером, временно, конечно. А тут призыв на действительную, и я попал на флот.

Со службы вернулся на вторую Полысаевскую, пошел в лаву помощником комбайнера. Это была

уже пятая моя профессия, а шестую я усердно осваивал и завоевал звание чемпиона Кузбасса по классической борьбе.

Про себя-то, конечно, знал: какой я спортсмен, так, просто любитель поиграть силенкой — не больше. А друзья как смотрели: чемпион! Талант, Сашка! Ну, одним словом, дал себя уговорить, бросил забой и занял должность физорга шахты.

Должность, сами знаете, легкая, все время на свежем воздухе, на солнышке. Хорошо! Э-э, нет. Не по Сеньке шапка. Не подготовлен. Тяну изо всех сил, стараюсь оправдать доверие. Чувствую, попал на обочину. А как сказать?! Кто сразу поверит? Природный спортсмен! Чемпион! И вдруг — не может. Что подумают?

И вот как-то летним вечером дружки по забую приглашают: «шахтерский сабантуй». Еще деды на рудниках завели порядок обмывать новую лаву после первой посадки. И нам в наследство оставили этот «обычай». Да что там, пару лет назад и на нашей шахте не стеснялись устраивать коллективные попойки.

Правда, в тот раз обошлось. После «сабантуя», когда нам в поселке показалось тесно, мои дружки собрались прокатиться в город. Не отставать же и мне от компании. Двинулись на бугорок — на автобусную остановку. И тут попался же навстречу «москвич». Остановили. Хозяин оказался весьма неговорчивым. Слово за слово и кто-то из дружков надумал, а ну-ка чемпион, покажи класс... тур-де-ля со стойки и в кювет...

Повертываюсь. Передо мной сам начальник шахты, спрашивает:

- Неужели это ты, Шуварилов?
- Как будто я, Сергей Петрович.
- Ну коль еще сам себя узнаешь, не все потеряно. Зайди завтра ко мне. Не забудешь?

Где тут забыть. Утром встретил начальника шахты у дверей его кабинета. Выслушал он исповедь мою внимательно и посоветовал осваивать седьмую профессию — проходчика.

Недели через две Сергей Петрович вызывает меня в кабинет и спрашивает:

- Ну, как, Шуварилов, пропотел?
- Есть малость...
- Хорошо! Только труд и ставит человека на ноги. Про это у Энгельса очень ясно сказано. Не читал? Ну, да тебе еще когда успеть — молод. Да сейчас и вовсе некогда будет. Вот подойди, посмотри, в чем вся загадка.

Начальник шахты раскатал по столу рулончик подсиненной кальки, исчерченной разноцветными линиями. Теперь-то я знаю, что это был план горных работ шахты, а тогда я смотрел на кальку как баран на новые ворота и пытался догадаться: то ли он разыгрывает меня, то ли действительно я ему понадобился для серьезного дела.

— Красноорловский знаешь? — начал Сергей Петрович, склонясь над калькой. — Хлебный пласт.

Кто же не знал на шахте историю Красноорловского пласта! Проходчики стереглись его, как черт ладана. Лежал он на самом верху, как блин в тарелке, за стеной плотного песчаника. Не раз к нему подступались, а пробиться не могли. Вода не пускала. Выработка пустовала уже больше года.

— До угля осталось пройти каких-нибудь полсотни метров, — продолжал начальник шахты. — Ждать спада воды больше нельзя. Надо пробиваться. Но как? Машин нет, да их туда и не поставишь. Остается одно — руками. Трудно. Кому доверить? Вот, скажем, если тебе, а?

Теперь давай подумаем, с чего начинать, как выиграть время. Сидели долго. Больше говорил я, а он слушал; когда соглашался, кивал головой, а не соглашался — останавливал отмахом руки — не так, не так.

После такого памятного разговора я почувствовал себя на твердой дорожке, силу в руках почувствовал.

Бригада сколачивалась туго. Опытные проходчики, конечно, близко не подходили ко мне, а с новичками что делать? Ведь на проходке породной выработки я и сам был новичок. Сердобольные дружки сочувствовали: «Завязал себе узелок, Саша!»

Первыми пришли ко мне два Анатолия — Хмелев и Борзов, потом Валентин Хвойнов с Михаилом Скорюпиным. Все они прошли солдатскую школу и у каждого за плечами был уже кое-какой шахтерский опыт.

Однако всего запаса знаний нам хватило лишь на первые дни. Штрек напоминал заброшенный погреб, кругом вода хозяйничала. Как подступиться к забую, врезаться бурами в песчаник, найти выгодный угол для скважины, забить заряд и отпалить так, чтобы «уход» взять и удержат кривою? Задача оказалась со многими неизвестными.

Первая отпалка — сплошная стрельба, а толку чуть. Прибавили заряд. Грохнул второй взрыв... Сшибло девятнадцать кругов. Выработку завалило бревнами и пудовыми камнями. Попробуйте снова поставить крепь, настлать путь, подкатить вагонетки и накатать в них породу, и все под ледяным дождем.

Нелегко. А что делать? Мастер-взрывник пожимает плечами и твердит одно: «Условия не позволяют... Так было и так будет».

— Нет, дудки. Тебе, взрывник, что думать: ты у нас гость — пришел, пальнул и ушел, а мы в забоем хозяева. Надо самим овладеть отпалкой.

Советуюсь с Анатолием Хмелевым. А что если мы пойдем всей бригадой учиться, сдадим экзамены и получим права мастера-взрывника?

— Секрет не велик, — поддерживает Хмелев. — По крайней мере, не на кого будет обижаться: сам заваришь кашу, сам и расхлебывай. Вот будет настоящее соревнование.

В бригаде нас двенадцать, самому старшему — Михаилу Скорюпину перевалило за тридцать, остальные только что сняли шинели. Поэтому, видимо, сговорились легко.

Вскоре все как один получили права мастера-взрывника. Уходы повысились, жизнь будто повеселела.

Известно, проходчиков всегда тревожит откатка породы и порожняк. На шахте, обычно, гонятся за углем, а порода кому нужна — ее вывозят в последнюю очередь. Проходчики всегда на ногах с транспортниками.

— Давайте освоим электровоз и будем катать породу сами.

Эта мысль снова увлекла всех. И снова бригада взялась за учебу. Так проходчики приобрели третью профессию. А потом получили права электрослесаря, моториста, машиниста погрузочной машины.

В таких простых трудах да ученических заботах и вскрыли Красноорловский пласт.

Да, мечтать, всматриваться в завтрашний день. Бывало, сядем перекусить кто где и начинаем с комбайна Гуменника. Вот бы нам такую машину! А, может, помудрее, да чтобы автоматика...

Удивительно ли, если, услышав, что несколько

новых комбайнов попадает на нашу шахту, мы всей бригадой кинулись в комбинат рабочего образования.

А потом сама жизнь вытолкнула на новые крутые высоты. Почин московских комсомольцев — «Жить и работать по-коммунистически» — бригада единодушно поддержала. Обязательства такие обдумали: перевыполнять нормы проходки, всем получить права машинистов проходческого комбайна, активно участвовать в общественной жизни и служить примером в быту.

В партбюро, на комсомольском комитете и шахт-коме нас крепко поддержали.

Правда, кое-кто покачивал головой. Не раз мне приходилось слышать такие слова: «В герои метите». Это не был крик зависти или пустого злорадства. Действительно, кое у кого никак не укладывалось в голове: как это добровольно брать на себя обязательство работать и учиться. Ведь не день-два учиться, а полгода, год. Дескать, тебе как приспичило стать комбайнером — учишься на общих основаниях, с отрывом от производства и получаешь свою тысячу рублей в месяц.

На все эти кривотолки мы отвечали просто: цыплят по осени считают. Знали уже, будет нелегко. И особенно боялись за Анатолия Бердюгина: учиться в седьмом классе вечерней школы, а теперь предстояло еще три раза в неделю после смены на курсы.

— Выдюжишь? — спрашивали мы Анатолия. — Только честно!

Анатолий молчал, но глаза у него были такие, будто после экзамена по электрике.

Действительно, в будни у нас ни часа свободного. Для отдыха оставалось воскресенье. Этот день решили проводить все вместе с семьями. На каждый месяц составляли расписание — когда в кино, когда на гулянье за реку или на стадион. Крепла дружба.

Первое испытание выдержали. Все двенадцать сдали экзамен и получили права машиниста. Кроме того, в учебные часы мы прошли более трехсот метров горных выработок и сэкономили 72 тысячи рублей.

В конце прошлого года на нашей шахте появился первый проходческий комбайн серии «ПК-3». Внешне машина напоминала легкий танк, какой мы привыкли видеть в кинокартинах. Только ствол пушки кажется толще, да вместо дульного тормоза — забурник, покрытый стальными когтями, которыми комбайн вгрызается в угольный пласт. Комбайн подхватывает уголь и перебрасывает через себя в хвостовую часть, а дальше уголь уносится транспортером до погрузочного пункта.

Первый комбайн доверили нашей бригаде. Вот когда началась страда. Как бы хороша ни была машина, а в шахте ее освоить нелегко. Всего не предусмотреть, тем более, когда видишь ее впервые. Однако мы сравнительно быстро справились, — сказались, конечно, знание горной техники и взаимовыручка. Без этого ныне ни шагу в шахте.

Работали в течение последнего года в самых «обычных» рядовых условиях с простыми из-за несвоевременной подачи леса и порожняка. Как и раньше, на смену выходили трое: один управлял комбайном, а двое на конвейерах. Работали без мотористов и лесодоставщиков. А конвейерная линия порой составляла семь приводов и достигала длины до 500 метров. Три проходчика за смену управлялись подвинуть забой на 5—6 кругов, закрепить, подготовить машину и нарастить конвейер. При этом надо заметить, что на комбайновой про-

ходке сейчас две крупные помехи — пыль и конвейер. Если погасить пыль при зарубке и автоматизировать конвейер, чтобы можно было контролировать его во время хода комбайна, тогда можно будет работать и на больших скоростях.

Максимальная скорость проходки у нас не превышала 230 метров в месяц. А итог борьбы за звание коммунистической бригады был таков. Раньше мы проходили в год до 500 метров штреков, теперь повысили скорость проходки в четыре раза.

Бригада первая на шахте среди проходчиков завоевала звание коммунистической.

Как же мы будем дальше оправдывать такое высокое звание?

Я ответил так: вместо себя оставил Анатолия Хмелева, а сам перешел в отстающую бригаду на проходку коренного штрека. Поступил в заочный горный техникум на отделение горных разработок, осваиваю семнадцатую профессию.

Не скрываю, мне сейчас очень трудно, каждая минута буквально на счету, а что поделаешь, такое наше время, жизнь зовет вперед, и меня вдохновляют простые и сердечные слова Никиты Сергеевича Хрущева, сказанные с трибуны XXI съезда партии: «Перед нами ясная и благородная цель. Для достижения этой цели надо хорошо потрудиться».

Миша Лысов и другие

— 10 тысяч — разве это библиотека для нашей шахты! Читают целыми семьями, да вот, посмотрите сами...

Лидия Афанасьевна Будникова указывает на ящики с читательскими карточками. Берем первую попавшуюся. Сызганов Александр Иванович, машинист подъема. Член КПСС. 1927 года рождения. Дважды взял книгу «Учитесь жить». Потом «Спутник атеиста». После «Судьбы открытия» — французские новеллы. Рядом с рассказами Джека Лондона записан «Сад» Коптелова. И тут же «Наши наряды».

— Это для жены, — поясняет Лидия Афанасьевна. — Вместе читают, вместе учатся. Он закончил девятый класс вечерней школы, она — седьмой.

Сидоров Виктор Николаевич. Проходчик. Беспартийный. 1938. С января по июль 1960 года прочел 40 книг. Среди них сочинения Льва Толстого, Соболева, Шолохова, Герберта Уэллса.

Первой книгой горнорабочего Льва Верещагина была «Горная механика». Регулярно читает журналы «Сибирские огни», «Новый мир», «Молодая гвардия».

— И таких читателей у нас почти две тысячи.

Две тысячи читателей, две тысячи мнений об одной и той же книге, две тысячи взглядов на назначение книги в жизни...

Для кузнеца механического цеха Владимира Матюкова каждая прочитанная книга — ступенька к познанию техники. Он — подписчик на журналы «Наука и жизнь», «Изобретатель и рационализатор», на газеты «Правда», «Кузбасс». Из 20 внесенных им предложений 18 внедрены в производство. Среди них — передвижное проходческое крепление, станок для выправки рештаков, штамп для нарубки угольников.

— Дайте мне что-нибудь про шпионов, — неизменно просил молодой навалокрепильщик Василий Лимонсов.

Долго это увлечение у него не проходило. Однажды сообразил:

— Правду вы говорите, Лидия Афанасьевна, читаешь эти книжки, а через день-другой ничего не помнишь. Они как-то одна на другую похожи, смешиваются в голове...

«Арктический мост», «Гость из Космоса», «Поллярный летчик» круто повернули симпатии Василия. Потом он узнал такие книги, как «Сердце Бонивура», «Человек, который смеется». А поняв, что книга не просто забава от нечего делать, взялся читать русских и зарубежных классиков.

— А дети? Да вы придите в «детский день» и увидите сами!

И мы увидели этих ненасытных маленьких книголюбов. 12-летний сынишка механика Саша Гоздок и его приятель Валерий Чуркин за полгода прочли почти 200 книг.

Вот они стоят у стола, заваленного книгами, снисходительно поглядывая на малышей. Нет, им здесь делать нечего. Не могут же они сто раз читать одни и те же книги!

— Ну, проходите уж, — вздыхает Лидия Афанасьевна.

И по тому, как ребята уверенно ринулись к книжным полкам, было видно, что такая привилегия предоставляется им не в первый раз.

Неожиданно перед Лидией Афанасьевной вырос мальчонка лет восьми.

— Ну, этот у нас свой человек, — смеется библиотечкарь, — Миша Лысов, сын мотористки на погрузке. Уже год читателем состоит.

«Свой человек», не теряя времени, направляется в угол, где стопками лежат книги, и усаживается около них прямо на пол.

— Так вот и будет сидеть, пока библиотеку на обед не закрою...

Миша долго шуршал в своем углу, как мышка, потом примолк, найдя, видно, книгу себе по вкусу.

Несмотря на то, что был «детский день», взрослые тоже не обходили библиотеку. И оказалось, что здесь не только Миша Лысов «свой человек».

Вернулась с курорта дежурная мотористка тяговой подстанции Анна Егоровна Трунилова и первым делом — в библиотеку, рассказать, как отдохнула, что за это время прочла, узнать, какие новые книги в ее отсутствие появились.

Забегала «на минутку» мотористка ЖКО Маша Тимошенкина. Веселая, нарядная, оживленная. Повернувшись на каблучке, она сказала, что ей очень понравилась книжка «Аленка, песня моя» и что вообще нет книг лучше, чем про любовь...

Зашел взять для дочери книгу кочегар Иван Павлович Просвирина.

Еще совсем девочкушкой прибежала дочка сюда. А теперь вот десятилетку закончила, работает в стройгруппе.

— Замуж вышла, — доверительно сообщает Просвирина Лидии Афанасьевне.

— Значит, семьи у вас прибавилось?

— А у вас — читателей...

Мы подошли к Мише Лысову, который будто не видел и не слышал ничего, увлекшись чтением. Заглянули в книгу. То были русские сказки.

— Нравится книжка?

Мальчик восторженно вскинул на нас свои глазенки, и все стало ясно. Чистые, прозрачные, они отразили в себе такой пленительно-прекрасный мир, брызнули таким счастьем, что захотелось зажмуриться, как от солнца...

Из библиотеки мы выходим вместе с Мишей.

Немного скособоившись, он несет под мышкой том сказок и щебечет, щебечет, не умолкая.

— Пусть мамка тоже читает, — говорит он. — Ей некогда, но она все равно читает книжки, и мне покупает. А книжку Пушкина мне в пионерском лагере подарили. Хотите, я стишок вам расскажу: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет». А вы море видели? А правда, что волны с дом бьют? И еще я люблю машины. Как вырасту — буду пассажиров возить. Куда? Ну в Москву или еще куда. Куда кому надо, туда и повезу...

— Ух ты, — вдруг воскликнул он. — Как у жар-птицы...

И правда! Два сверкающих луча, протянувшиеся от горизонта через весь небосвод, были похожи на два крыла жар-птицы...

Промчался автобус. Раздался гудок паровоза. Пророкотал в голубой выси самолет. И маленький сын мотористки снова в плену, только теперь уже не у сказки, а у самой обыкновенной жизни. И жизнь эта зажигает в его глазах не меньше, а даже, пожалуй, больше солнца и счастья, чем самая прекрасная сказка.

„Золотая осень“

Кого-кого, а Георгия Ивановича Саитова, председателя добровольного спортивного общества «Труд», можно встретить везде, где только собираются люди: в участковых нарядных, возле газетного киоска, в мойке и молодежном общежитии, в шахтном профсоюзном комитете, в клубе, на спортивных площадках. Он вездесущ, этот маленький, подвижный и общительный человек, горячо влюбленный в людей.

По образованию он — горный техник, а по призванию — организатор, одаренный спортсмен и чтец-декламатор. Он будто и не замечает времени, с утра и до позднего вечера на ногах, в гуще всех общественных событий. И у него еще хватает времени учиться в заочном институте народного творчества, а практику проходить в кружках художественной самодеятельности. Все шахтеры, с кем нам приходилось завести разговор о Саитове, единодушно утверждают: «Наш Гоша читает стихи Маяковского, пожалуй, покрепче Сергея Балашова».

Однако Георгию Ивановичу Саитову просто недосуг что-либо рассказать о себе. Такое у нас сложилось впечатление, когда мы встретились с ним в шахтном профсоюзном комитете, где он, по выражению дежурщи-секретаря шахткома, «копаясь в мозгах своими фантазиями».

Действительно, Георгий Иванович живет мыслью вырастить на шахте коммунистического труда мастеров спорта, а для этого нужно прежде всего постоянное место для тренировки — спортивный зал.

— Вы, понимаете, не верит мне никто ни на шахте, ни в Кемеровском совнархозе, — запальчиво начал Саитов. — Ведь чемпион мира Рудольф Плюкфельдер вырос на своей шахте пять мастеров спорта? Вырастил. Ему поверили, а почему мне не верить? У нас такая замечательная молодежь. А как люди тянутся к спорту! Вот убедитесь. Вначале в секцию лыжного спорта записалось 14 юношей и девушек. А стоило нам начать тренировки на стадионе, пришло 280 человек. Признаться, мы с инструктором Яшей Файзулиным за голову взялись — как организовать занятия с таким количеством лыжников?

Сейчас у нас создано 14 секций спорта: зимой — лыжи, коньки, хоккей, летом — футбол, волейбол, городки, лапта, плавание; легкая атлетика, бокс, классическая борьба — это круглый год, а настольным теннисом и шахматами увлекаются не только юноши и девушки... Можно сказать, все шахтеры. За теннисными мячами в Москву ездим, в Кузбассе их не так-то просто стало купить.

Спортсмены «Полысаевской» стали принимать участие в городских и областных соревнованиях зимой и летом. Из четырехсот физкультурников у нас есть кого выбрать и послать защищать спортивную шахтерскую честь. В летней спартакиаде принимали участие 380 человек. И не удивительно. Взять механика подземного транспорта. Павел Васильевич Морозов не только сам отличный спортсмен — на зимней спартакиаде в комплексном зачете он занял первое место — он и отличный организатор: коллектив спортсменов-транспортников самый многочисленный на шахте.

Больше могу сказать: спорт в шахтерских семьях стал бытовой неотъемлемой чертой. Вот рядовые примеры.

На шахте работают четверо братьев Шувариковых. Старший из них, Александр Васильевич, бригадир первой коммунистической бригады проходчиков, был чемпионом Кузбасса по классической борьбе и сейчас, несмотря на то, что перешел в отстающую бригаду и учится в заочном техникуме, находит время тренировать юношей по классической борьбе.

Вслед за Александром после окончания десятилетки на шахту пришел Анатолий. Он электрослесарь, активный член комплексно-творческой бригады рационализаторов. Готовясь в институт, Анатолий зимой и летом занимается легкой атлетикой, увлекается стрелковым делом, волейболом, а по плаванью — чемпион шахты.

Третий Шуварилов — Джорж — после десятилетки окончил техническое училище, работает электрослесарем на добычном участке. На производстве он увлечен автоматикой, а в спортивном коллективе — волейболом, стрелковым делом и легкой атлетикой.

Недавно пришел на шахту и четвертый Шуварилов — Виктор. Ему восемнадцать лет. Он тоже электрослесарь и овладевает велосипедным спортом.

Теперь о семье Сердобинцевых. Начну с того, что прошлым летом мы участвовали в областных соревнованиях по легкой атлетике. Приезжаем в г. Сталинск, всей командой идем в столовую и заказываем манную кашу. Отвечают:

— Такой каши нет, не готовим.

Мы настаиваем.

— Первый раз видим таких спортсменов!

— Есть у нас и такие. Попросите сюда повара, он поймет.

Таким «спортсменом» был годовалый Боря, сынша нашей лучшей бегуни на средние дистанции Маши Сердобинцевой. Дома его оставить было

не с кем, а муж ее, Анатолий Ханин, сам спортсмен, поколебавшись, доверил нам Бориса.

Повар нас понял, Борис оказался с кашей, а команда наша...

Так же складывается жизнь и Дуси, сестры Маши. Ее муж Владимир Анохин — горный мастер, а на спортивных площадках футболист, судья II категории и лыжник второго разряда. В лыжном спорте Дуся не отстает от мужа, а в беге на дистанцию 200 метров в последних соревнованиях заняла первое место по г. Ленинску-Кузнецкому.

Третья сестра, шестнадцатилетняя Тамара, обнадёживает в велогонках и является чемпионкой шахты по метанию диска.

Младший из семьи Сердобинцевых, Николай, ученик средней школы, хорошо играет в юношеских футбольной и хоккейной командах.

Рано еще судить, будут ли Тамара с Николаем мастерами спорта, а вот ламповщица из коммунистической бригады Тамара Пастухова обязательно будет, хотя врачи раньше категорически запрещали ей заниматься даже легкими физическими упражнениями.

Дело в том, что Тамара перенесла очень тяжелую болезнь и после долго не могла поправиться. И только когда кто-то из молодых врачей рискнул посоветовать ей делать прогулки на свежем воздухе, Тамара стала набираться сил и попросила, чтобы ей разрешили кататься на лыжах.

И вот на одной из лыжных прогулок Тамару увидел тренер, инженер Александр Зорин. «Вот где талант», — сказал опытный лыжник и предложил Тамаре свою помощь. После консультации с врачами Пастухова начала систематические тренировки. На открытии зимнего сезона 1959 года Тамара заняла третье место в городе. Зимой она участвовала в девяти соревнованиях и вошла в тройку сильнейших лыжников города.

Пришла весна. Тамара сменила лыжи на велосипед. И здесь сразу же показала себя: заняв первенство на шахте и в городе Ленинске-Кузнецком, она уступала в гонках на 25 километров только мастерицу спорта Марии Кормач. Это была первая спортивная весна Тамары.

Молодая наша спортсменка не только обладает незаурядными способностями и настоящим русским характером, у нее сильно развито чувство коллективизма, она всегда с людьми, участвует в хоре, в народной дружине.

Вот такие люди, как Тамара, и приносят спортивную славу нашему коллективу.

На последних городских соревнованиях наши легкоатлеты легко выиграли приз «Золотая осень» — это был тринадцатый кубок, завоеванный в летнем спортивном сезоне 1960 года.

Видите, растем! Крепнем! Остается один-два шага сделать вперед, и будут у нас свои мастера спорта. Будут! Вот я почему так и беспокоюсь о спортивном зале — место надо для постоянных тренировок. Тогда на шахте коммунистического труда будут не только мастера угля, но и мастера спорта всех видов.

НОВЫЕ СТИХИ

ОТЧИЙ КРАЙ

Сколько тропок по жизни ни пройдено,
Отчий край не забудешь вовек.
Я горжусь, что Сибирь — моя родина,
Что в Кузбассе я свой человек.
Ой ты, снежная буря метельная —
Беспокойному сердцу родня,
Ты — как песня моя колыбельная,
Ты баюкала в детстве меня.
Я лугами бродил сенокосными —
Навсегда полюбил красоту.
Под могучими стройными соснами
Возмужал и обрел прямоту.
В боевую годину тревожную
Не сломился, душой не обмяк.
За родную сторонку таежную
Воевал под Москвой сибиряк.
Ой, кузнецкая даль беспредельная —
Заводская, шахтерская новь,
Ты — как песня моя колыбельная,
Ты — как первая в жизни любовь!

ЗВЕЗДОЧКА

Какое дело звездочке далекой,
*Что говорят, что думают о ней,
Когда она в безбрежности глубокой
Возникнет вдруг над сумраком полей.
Не всяк ее, быть может, и заметит,
Но, утверждая жизни торжество,
Горит она, и теплится, и светит,
Песчинка мира, искорка его.
И вижу я, теплом ее согретый,
Окинув взглядом отчие места,
Что без нее, без искорки вот этой,
Бледней была бы жизни красота.

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕНЬ!

Здравствуй, день голубой,
Старый добрый знакомый,
С полем, рощей, рекой,
С тихой дремой-истомой,
С бескорыстной твоей
Неизменчивой лаской,
Со снопами лучей,
С вечной явью и сказкой!
Мы давно горячо
Полюбили друг друга.
Бронзовеет плечо —

Словно только я с юга,
Городской человек,
Но сельчанин душою,
Я сроднился навек
С полевой тропой,
С той, что манит —
смотри! —
Беспредельною далью,
И улыбкой зари,
И закатной печалью...

Зинаида ЧИГАРЕВА

ШАХТЕРСКАЯ ПОЭМА

Зинаида Александровна Чигарева по профессии — журналист. Ей тридцать два года, закончила филологический факультет Ленинградского государственного университета им. Жданова. Сейчас З. Чигарева работает заведующей отделом культуры и быта прокопьевской газеты «Шахтерская правда», руководит литературной группой при этой газете.

Предлагаемая пьеса — первое крупное произведение автора.

Первоначальные варианты «Шахтерской поэмы» обсуждались на литературном объединении при нашем альманахе.

Автор «Шахтерской поэмы» — участница Всесоюзного семинара молодых драматургов, созданного Союзом писателей РСФСР в апреле 1960 года в Доме творчества.

Большую помощь в доработке пьесы оказали Зинаиде Чигаревой на семинаре старейший советский драматург Д. А. Щеголов и критик Ю. В. Малашев.

Драма поставлена в Прокопьевском городском театре им. Ленинского комсомола и в Сталинском народном театре кузнецких металлургов.

«Шахтерскую поэму» я написала под впечатлением от только что начавшегося в стране движения за коммунистический труд, под впечатлением тех споров и волнений, которые разгорелись у нас в Прокопьевске и в городской газете», — пишет З. Чигарева.

У молодого драматурга большие творческие планы. Вчерне набросано несколько картин новой пьесы о шахтерах. В ней драматург хочет поговорить о большой дружбе, о настоящей принципиальности. Автор также дорабатывает ранее написанную и не опубликованную пьесу «Наследники».

ДРАМА В 3-х ДЕЙСТВИЯХ,
шести картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Антон Шатов
Вася Перышкин
Данька
Гриша
Степушка
Маша

} шахтеры

Разукин — начальник шахты

Алла — работник многотиражной газеты, член партбюро.

Марк Иванов — начальник участка.

Действие происходит в наши дни
в Кузбассе

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Территория у комбината шахты. Над входом лозунг: «Родине — сверхплановый уголь». Скамья. Киоск. Конец рабочего дня. На скамье Маша, красивая яркая девушка. Она кого-то ждет. Из комбината выходят шахтеры — могучий, тяжеловесный Антон, добродушный увалень Гриша, нескладный парнишка Степушка. Маша бросается к Антону.

Антон (*мрачен, сосредоточен*). Нехороши мы, значит, не подходящи... выходит. Удружил начальник.

Гриша подходит к киоску, покупает папирсы.

Маша. Хватит тебе...

Степушка. Ты как думаешь, Антоша, тонн полсотни угля мы сегодня дали? А? Сверх плана-то сколько получится?

Антон. Там подсчитают...

Маша. Ну и шут с ними, Антоша.. Приходи-ка лучше сегодня к березкам — погуляем.

Антон. Девчонки — вам бы только погулять.

Маша. И не больно нуждаюсь. Да и репетиция в клубе...

Антон (*мяжко*). Ладно-ладно, ежик...

Гриша протягивает Антону пачку папирос, закуривают.

Гриша. Меланхоличный ты человек, Антон. Все не по тебе. Мечешься. И чего ты ухватился за эту коммунистическую бригаду? Без нее обходились...

Антон. Обидно мне! Разукин, бывало, чуть что: орлы мои, гордость шахты... на Доску почета... А тут завертелся: «угольное производство», «специфика», «зачем вам все это нужно?» Уж сказал бы прямо — грязи, мол, на вас многовато — куда таким в коммунистические бригады!

Степушка. Есть же счастливые люди!

Антон. Не нам чета, значит... из другого теста.

Гриша. Ну да! В кино я видал такого. Пижон прилизанный, а триста процентов нормы так промежду делом одной рукой дает. Изобразит, значит, трудовой подвиг — и на собрание — идейную речь толкать. Потом за гуманные науки садится, а под утро к девушке под окошко — романец напевать. Глядь, гудок — и опять триста процентов — как раз плюнуть.

Степушка. Так то ж в кино...

Антон. Все шуткуешь, Гришка.

Гриша. Плакать-то не с чего.

Появляется Марк Иванин, модно одетый молодой человек.

Марк. Ребята! Не знаете, начальник шахты у себя?

Антон. А где ж ему еще быть?

Марк. Сердитый?

Антон. Уж это к кому как...

Марк идет.

Постой, Марк Петрович. Ты вот скажи, ты начальник участка... Почему нас в это новое соревнование пускать не хотят?

Марк. Зачем же так резко?

Антон. Нет! Ты скажи!..

Марк (*улыбается*). Эх, Шатов! Поработали вы сегодня на славу. Погода замечательная. В клубе

фильм новый и девушка с тобой! А ты за скучные разговоры... Да я б на твоём месте...

Антон. Не хочешь сказать, значит.

Гриша. Ему, видно, разукинских разъяснений мало.

Марк. Да! Не хочу! Не умею. Других много находится... объяснителей. Вон Алла Сергеевна, например, или этот... как его... новый, с лесодоставки. Вот поговори с ним. Пусть объяснит. Я заметил, он это любит.

Антон. Это Васяка, что ль? Перышкин? Тоже мне — объяснитель! Стойку толком в забой подать не может.

Марк (*с иронией*). Парень он грамотный. Вроде даже в институте учился... Вы уже подружились?

Антон. Успеется.

Марк. Ну отдохайте! Только смотрите — не загуляйте! Чтoб на наряд вовремя! (*Уходит*).

Степушка. А где же Данька? Куда делся-то?

Антон. Найдется. А этот, видали, тоже виляет. «Я бы на твоём месте»... А что оно у нас за место такое?

Гриша. Не говори, бригадный! Шахтеры — народ особой конструктивности. Мы не какие-нибудь мизерные. Нам, брат, позавидовать не грех. Работенка у нас сурьезная и подходы к нам иные требуются. Не зря нашему брату государство такую денюгу платит.

Антон. Не в деньгах дело.

С хохотом, размахивая какой-то тетрадкой, врывается Данька. Чуб на лоб, яркая рубашка на молнии, расстегнута на груди.

Заболел...

Данька. А ну, ребят, слушай сюда! (*Читает с завываниями.*)

Горячий сон туманит мне рассудок,
Но день встает, как нежеланный гость,
Связав разорванные гроздьи суток,
Он облегченья сердцу не принес.

Антон. Это что еще?

Данька. Любовь!

Маша. Постой! Стихи?

Степушка. Стихи!

Маша. Дай!

Данька. Остороженько! Может взорваться!

Антон. Чьи? Где взял?

Данька. Нашего нового — с лесодоставки. Я эту тетрадочку давно у него заимел...

Степушка. Сам сочиняет...

Данька. Ага! Сам... Намудрил.

Степушка. Хорошо!

Данька. Чего ты понимаешь, салажонок!

Антон (*настороженно*). Неужто сам? (*Нетерпеливо*). А ну читай!

Маша. Нехорошо, без спроса!

Антон. Читай, говорю! Ну!

Данька (*читает, паясничая*).

Словно звездные юные грозы
В сердце жгуче поют по весне,
Этих губ неотцветшие розы
Наяву вдруг пригрезились мне...

Гриша. Ну и люминация!

Ребята хохочут.

Маша. Постыдились бы, однако! Стащили, да еще высмеивают! Сами-то небось как следует и расписаться не можете.

Данька. А зачем нам расписываться — нам и холостым нехудо живется!

Антон. *(глядя на Машу)*. Что-то, я смотрю, тебе эти стишки больно по нраву пришлись? *(Даньке)*. Дай! Про кого ж это он так расписывает? *(Листает тетрадь)*. «С. В.» Какие-то точки наставлял — натемиль умник! Ага! «Посвящается Светлане»... Ишь ты! Светланка какая-то у него на прицеле.

Данька. Да ты читай!

Антон. На. У тебя лучше получается.

Данька. Можем! Мы не гордые. *(Читает так же, издеваясь, но постепенно тон его меняется)*.

Святынею неведомою встала
В сиянье ярких солнечных полос...
И сграшно мне коснуться покрывала
Твоих, прозрачных призрачных волос...

Антон. Ишь, «святыня»...

Гриша. Вроде старушонки наших — те святых уважают.

Маша. Любит он и пишет о том, что для него самое ни на есть дорогое. Святое... Чурбаны вы! Степушка. И мне нравится...

Данька. Это Светка-то его святая? Знаем таких... *(Хохочет)*.

Маша. Не знаешь! Где тебе!

Антон. Все вы святые — только мигни...

Маша. Ох, Антон!

Антон. Что «Антон»? Я двадцать семь лет Антон. А ты, я гляжу, тоже никак в святые к нему попасть метишь?

Данька *(выламывается перед Машей)*. Пресвятая Мария Шахтерская.

Антон *(неожиданно обрывает)*. Заткнись, пустобол!

Данька. Еще почитаю? А?

Входит Вася.

Про Светланку. Как он ее...

Вася. Отдайте мою тетрадь...

Данька *(прячет тетрадь)*. Про что это он, а? Антон?

Антон. Отдай...

Данька. На. Ничего с ней не сделалось. С твоей святыней... *(Фыркнул)*.

Вася. В чужую душу... лезете...

Данька. А чего ты свою драгоценную душу в мойке разбрасываешь?

Антон. Нежновата, видать, она у тебя — душа-то. А уж коли так, в шахту-то чего полез? Шел бы... ну хоть в бухгалтеры.

Вася хочет что-то сказать. Убегает.

Маша. Обидели человека. Эх вы! Вася, стой! *(Убегает вслед за ним)*.

Антон. Маша!..

Гриша. Ключуло...

Данька *(свистит)*. Стишки ей голову вскружили: «Ах, люблю и помираю — ваши глазки обожаю» — и готово — втюрилась! Девка — одно слово. *(Сплевеывает)*.

Антон. Полегче на поворотах — Мария не из таких.

Данька. Сам же вот говорил: «только мигни». Антон. Ну — говорил. Прицепился, репей! Гриша. Ты, Антон, смотри за этим чернильником. Не то...

Данька. Чего смотреть? Дать ему по лапам, чтоб не вязался!

Антон. Дурной ты, Данька!

Данька. Уж какой получился.

Степушка. Хватит вам — тошно слушать.

Антон *(с силой)*. А мне от дурного тошно! От обиды моей! Мы, выходит, только вот... руками этими ценные. Васька — молякосос. Что он против нас в шахте стоит? Тыфу! А тоже — человек! Потому — стихи, культура... Ишь, превосходство свое показывает.

Степушка. И ничего он не показывает. Обидели мы его зря. Простой он, хороший. А что стихи пишет, ну так что ж?.. И в шахте старается. Тяжело ему, непривычно. Зубы стиснет, а наравне с другими тянется.

Данька. Ничего ты, Степка, не понимаешь. Стиляжник Васька, и работягой ему не стати! Вон видал брючки — во! Кофточка пестроватенькая, туфельки светло-козлиного цвета...

Гриша. Гарнир, а не одежда.

Степушка. А мне вот нравится. Матери скоро на платье соберу, чтоб самое хорошее. А потом себе костюмчик, как у Васи.

Данька. Тоже дружка нашел — Вася! Ах! Вася!

Антон. Хватит, Данила! Раскудахтались.

Данька. А чего ты на меня кричишь! Разве я виноват, что Машенька твоя — фью! убежала... Ждешь? Ну жди. А ее там, поди, Васька в святые производит... Ха! Да вот они — парочка, гусь да гагарочка.

Антон *(напряженно всматривается. Резко)*. А ну пошли! Нечего тут торчать.

Уходят. Появляются Маша и Вася.

Маша. Ну какой ты, однако! Чего ты на меня-то надулся? А ребята — они уж такие, к ним привыкнуть надо...

Вася. К чему привыкнуть — к насмешкам?

Маша. Брось ты! Посмотри лучше, хорошо-то как здесь!

Вася *(глубоко вздыхает)*. Воздух какой! Сладкий!

Маша. А то как же — после шахты-то! *(Оглядывает горизонт, с досадой)*. Тучи вон заходят. Опять на дожди! Ну и лето нынче! И не погуляешь!.. *(Помолчала)*. Вот, говорят, на земле много красоты всякой! Города необыкновенные, озера, реки широкие, полноводные. А у нас то ли речка, то ли ручей — и не поймешь. Разве только в половодье разольется! И пыли хватает, и обвалы! Вон видишь — здесь раньше выработки проходили — вот земля и осела... И все-таки по мне так лучше нашего города, лучше Кузбасса и нет нигде!

Вася. Нашла тоже красоту — в обвалах! *(Приглядывается)*. А что это в них всегда вода?

Маша. В жару, однако, высыхает. А вот если, как нынче, все дожди, то и стоят целые болота.

Вася. Смотри! Подвести бы вон тот бульдозер и засыпать, заровнять все. А потом парк разбить! Вот это красота была бы!

Маша. Ишь чего захотел — парк ему подавай! *(Задумалась)*. Да, парк... Подумаешь! Вон, видишь, как огни горят. *(Приглядывается)*. И ребята наши... Антон... Однако, он!

Вася. Тебя, наверное, ждут, — иди к ним.

Маша (*чуть-чуть кокетничая*). Гонишь, никак? Нет, Васенька! Я лучше с тобой побуду. (*Помолчала.*) Я вот книжки люблю очень, особенно если про чувства. Читаю вот и думаю, что это, однако, за люди, что так душу человеческую вывернуть могут? И вот ты...

Вася. Что я?

Маша. Поэт!..

Вася. Какой я поэт? Вон как твои дружки меня на смех подняли...

Маша. Опять ты о них. Говорила уж — не со зла они, а так, по неразумению. (*Вздыхнула*). Ты вот о любви легкими красивыми словами пишешь... Оно понятно — такая у тебя любовь с твоей Светланой, светлая, ясная. (*Еще раз вздохнула*). Счастливые вы...

Вася (*горько усмехнулся*). Да... счастливые...

Маша. А знал бы ты, каково мне с Антоном! Ох, и трудный человечек!

Вася. Любишь?

Маша (*опустила голову*). Не.. знаю. Тянет меня к нему и боюсь я его, однако. Он, Антон, как глубина какая, как шахта!

Вася. Как шахта? Как понимать это?

Маша (*разочарованно*). Поэт, а не понимаешь... (*Задумалась*). Вот есть у него что-то от шахты — и родное, близкое, и темное что-то, страшное!

Пауза.

Вот шахта наша: она, поди, уж родная мне — отец тут и сейчас шахтерит, да и я не первый годок... А робею, однако, перед ней. Особенно, если одна. Подумаешь только, ты где-то глубоко под землей, а там над тобой люди ходят, трамваи, машины... И солнце светит. А тут тьма — и в ней словно кто-то большой дышит, шевелится. А выработки переплелись-перепутались на многие километры. Незнающий-то человек заплутается, сгинет... Опасная она для чужого.

Вася. Ты не меня ли пугаешь?

Маша. Да я не о тебе, об Антоне...

Вася. А ты смелая. В шахту пошла.

Маша. Да уж не из трусливых. Только из шахт нас, девчат, все равно выводят. Говорят, нельзя нам под землей. А мне нравится.

Вася. Интересно ты рассуждаешь. В школе учишься?

Маша. Нет. С меня семилетки хватит... Я в самостоятельность хожу... (*Вдруг запекает*).

Выйду-выйду на простор,

На просторе горочка.

Мой миленочек шахтер...

Ну, а я шахтерочка.

(*Обрывает себя*). И чего это я разоткровенничалась с тобой?

Вася. А что?

Маша. Еще подумаешь чего! Нет уж, Васенька, хоть ты и поэт, а наши ребята получше будут... Не скучайте! (*Убегает*).

Вася (*смотрит ей вслед, затем раскрывает тетрадь*). «Твоих прозрачных волос»... Смешно, значит? (*Хочет порвать. Поднял голову*). Кто это? Алла Сергеевна... С кем она? (*Отходит к киоску*).

Выходит начальник шахты Разукин, жожилый коренастый человек и Алла, работник многотиражной газеты.

Разукин. Беспокойный ты человек, Алла Сер-

геевна! Ни секунды отдыха от тебя. Даже свежим воздухом подышать не даешь.

Алла. И не дам. Ни с кем не посоветовавшись, ни с комсомольцами, ни с коммунистами, рубанули с плеча. Человека оскорбили, а он к хорошему потянулся...

Разукин. Оскорбил? Что это значит? Я не обругал его, не унизил. А что правда, то правда... Нечего нашим ребятам головы всякими материями забивать. С нас уголь, план требуют...

Алла. Разве только с нас одних? На других предприятиях ребята учатся в вечерних школах, техникумах... вузах... А у нас хуже всех.

Разукин. Плохо агитируете, значит.

Алла. А вы не прикидывайтесь. Я вашу политику знаю. Рабочий в школу — лишние хлопоты: и отпуска, и отгулы, и на рабочем месте подмена требуется... Уголь-то тогда труднее дается? Не так ли?

Разукин. А хотя бы и так! Что из этого?

Алла. Учите! Писать буду. О вас писать.

Разукин. А знаешь, как это называется? Использование многотиражной печати для подрыва авторитета руководителя.

Алла. А вы не о своем авторитете — вы о людях думайте.

Разукин (*смеется*). Ну и девка. Чистый прокурор. Грозней управляющего трестом. (*Заспешил*). Ну, пойду. Неровен час, увидят с тобой, молодка, жене скажут... (*Уходит*).

Алла (*в бессильной ярости*). Ох и увертливый!

Подходит Вася.

Алла (*взволнована и обрадована встречей*). Вы?

Вася. Вроде...

Алла (*бесечно*). А я тут все с Разукиным ругаюсь — сколько на шахте, столько и ругаюсь...

Вася. Слышал...

Пауза.

Алла (*смотрит на Васю*). Нелегко, видно, вам шахта дается. Похудели, осунулись...

Вася. А вы, оказывается, наблюдательны.

Алла (*застыгнутая врасплох*). Такая уж у меня профессия — к людям приглядываться.

Вася. Беспокойная профессия — работник многотиражной газеты.

Алла. Покая не ишу — поэтому вполне довольна. (*Помолчала*). Ну, прощайте...

Вася. Уже уходите? Так быстро! Куда?

Алла. Станный вопрос — домой, конечно. Я вот там живу, за этими живописными обвалами.

Вася (*неожиданно для обоих*). С... мужем?

Алла (*испуганно*). Нет. С мамой.

Пауза.

(*кинула на тетрадь*). Стихи?

Вася. А... как вы догадались?

Алла. Я почему-то сразу при первой встрече подумала, что вы стихи пишете.

Пауза.

Можно?

Вася (*растерялся*). Нет... Нет...

Алла (*грустно*). Не хотите.

Вася (*горячо*). Я вам лучше другие... это старые.

Алла. Ну смотрите...

Вася (*решившись*). Возьмите! Да-да!

Алла не берет.

Я прошу!

Алла. Ну уж разве просите! *(Берет. Пристально смотрит на Васю)*. Скажите, каким это ветром вас сюда занесло?

Вася. Наверное, попутным...

Алла. Родные в Москве?

Вася. Нет. Учился я там... Сам-то я, Алла Сергеевна, почти здешний... С Алтая. Мать и сейчас там в колхозе работает. Все мечтала, что ее Васенька ученым будет. А по конкурсу — только в торговый годился. А что мне торговый?

Алла. А из шахты не сбежите? *(Перелистывает тетрадь)*.

Вася. Нет.

Алла *(тихо)* «Твоим именем звонким «Светлана»
Прозвенел ее луч из тумана»...
(грустно) Лирика...

Вася. Плохие стихи, я и сам знаю.

Алла. Нет, стихи, может быть, и хорошие...

Вася *(горячо)*. Поймите...

Алла. Голова что-то болит — всегда после тигрографии... Простите. *(Отдает тетрадь, уходит)*.

Вася *(долго смотрит след девушки, садится у камня, пишет, зачеркивает)*.

Как нелегко это — быть человеком,

Выстоять, выдержать в споре с собой...

Нет, нет, нет... *(Зачеркивает, долго думает, опять пишет)*.

«Нелегко это — быть поэтом.

Если ты под землей, в грязи...

Только лампочки блеклым светом

Оживляют угля пласты... *(Задумался)*.

Только сердце тревожно бьется —

Ты для тех, кто там, наверху...

Ты для тех, кто там, наверху,

Достанешь лучезарное солнце...

Лучезарное...»

(Задумался).

КАРТИНА ВТОРАЯ

Комната в рабочем общежитии. Слышен шум дождя. Окно в дождевых потоках. Кровати. Стол. Тумбочки. На одной книги — это Васино хозяйство. Он сидит у стола, читает. Рядом с ним тоже с книжкой Степушка. Гриша лежит на кровати. Данька как неприкаянный бродит по комнате.

Данька. Разошелся, проклятый дождище... Словно небо продырявилось. *(Помолчал)*. Гришк, а Гришк!

Гриша *(сонно)*. Чего?

Данька. Ты бы хоть дождь остановил.

Гриша. Что я тебе... барометр?

Данька *(скучно)*. Дурак.

Гриша *(приподнимаясь)*. Зато ты проникновенный. *(Добродушно)*. Пошли-ка лучше сыграем в это... Как его... в долото.

Данька. Надоело... все надоело... и словечки твои тоже. Выдумываешь...

Степушка *(увлекшись, читает вслух)*. «Собака рванула поводок...» Ага... теперь попался, голубчик. *(Читает про себя)*.

Гриша. А у нас сенокос... Все село в лугах. Сеном пахнет, что твоя «Кармен». Земляника... И лягушки в пруду поют... Съездить, что ли?

Стук в дверь, голос: «Перышкину письмо». Вася берет письмо

Данька. Светланка твоя, поди, заскучала.

Вася молчит.

От нее?

Вася. Да...

Данька. Не смеши что-то. Вроде и не рад.

Вася вскрывает конверт, достает письмо, фотокарточку. Данька заглядывает через его плечо.

Большеглазая... Ух, ты!

Стук в дверь, голос Маши: «Можно к вам?»

Вася. Да... да. *(Кладет письмо и фотокарточку в книгу)*.

Входит Маша.

Маша. Вечер добрый, ребята! Киснете? *(Стряхивает воду с плаща, оглядывает себя в зеркало)*.

Данька. Зачем пришла?

Маша. По тебе, дружечка, стосковалась...

Данька. А, может, вон к поэту...

Маша. Очень даже приятное для меня знакомство.

Данька. Погоди. Узнает Антон про эти приятности.

Маша. А что мне Антон? Не собачка я, однако, чтоб на привязи болтаться.

Вася. Ты проходи, Маша. Садись!

Маша. Вот что значит культурность в обращении. *(Осматривается)*. Ой! Книг у тебя сколько! Дай почитать.

Вася. Пожалуйста! Выбирай сама.

Маша. Вот эту. Ладно?

Вася. Бери.

Данька. А на шахте библиотека имеется...

Маша. Мне, может, туда неинтересно ходить. До свиданья!

Вася. Ливень переждала бы...

Маша. Этот дождичек-то? Ништо! На красоту не повлияет: не сахарная.

Уходит, в дверях столкнувшись с Марком.

Марк. Извините. *(Ребятам)*. Приветствую.

Ребята отвечают.

Данька. Бытом интересуешься, Марк Петрович?

Марк. А разве вы на что-нибудь жалуетесь?

Данька. Нет... *(Иронически)*. Много ли нам требуется? Тепло, светло, гигиена, в столовой борщи добрые, да ежели еще сто грамм с прицепом...

Марк *(развеселился)*. Вот и отлично! А как вам дождь переждать. В город собрался, да вот...

Данька. Располагайтесь.

Марк *(снимает плащ, шляпу)*. Вы на меня не обращайте внимания. Отдыхайте! *(Подойдя к окну, причешивается)*.

Данька *(косой взгляд в сторону Марка)*.

Гришк! Навернем? А?

Гриша. Не хочу...

Данька достает из тумбочки колбасу, хлеб и, развалившись на кровати, начинает есть.

Марк (*иронически*). Как вы аппетитно кушаете! Звучно!

Данька. А я рабочий человек! Не какой-нибудь стилижник.

Марк пожимает плечами, Данька продолжает свое занятие. Пауза.

Вася. (*вдруг взволнованно начинает читать стихи*):

«Ты здесь пройдешь —
холодный камень тронешь,
Одетый страшной святостью веков...
И, может быть, цветок весны
уронишь
Здесь, в этой мгле...

Степушка. (*Оторвавшись от своей книги*). Вася! Ты?

Данька перестает жевать, почему-то застывает рубашку.

Марк. (*не поворачиваясь*). Александр Блок, кажется... Был такой поэт.

Степушка. Хорошие стихи...

Данька (*внезапно разозлившись*). А что мне стихи? И хорошие и нехорошие? Наше дело — знай наворачивай — уголь рубай да лесины таскай! Здесь не стихи, а во! (*Сгибает руку*). Силушка нужна... Не так, скажешь?

Вася. Не так...

Данька. А ты докажи... Докажи мне!

Вася. И докажу.

Марк (*зло*). Ничего не докажет, Даня! Все его аргументы устарели. Уплыли, растаяли блоковские Незнакомки...

Вася. Как же так, Марк Петрович?

Марк. Смешной ты, Перышкин. Стихи... А что мне от них, от твоих стихов? Меня ими в школе пичкали. Мамаша начинала. Сыт! А потом в шахту пихнули, под землю! А люди... люди действительно великие поэмы творят — к звездам рвутся... Вот-вот первый звездолет отойдет от земли... А я... я вот тут ковыряюсь.

Вася. Нет! Звездолет, он и наш тоже... Ведь и в нем будет жить частица нашего тепла, того, что мы под землей добыли...

Марк. Идеализм. Романтика! Подожди... годок-другой пройдет — не до стихов будет. (*Насмешливо*). Мускулы станут крепче данькиных, водку пить научишься.

Данька. А ты, начальник, мной не тычь.

Марк. Кажется, дождь благополучно кончается. Всего доброго! (*Берет шляпу, плащ, уходит*).

Данька. А говорил — докажу!...

Вася. Не умею я спорить. Только чувствую... Человек красивым должен быть. И стихи... тут нельзя без них. Читаешь вот — простые слова, кажется. А ты словно на высоту взлетаешь... И плакать хочется, и словно крылья растут... А найти их, эти слова, трудно... Ох и трудно.

Гриша. В шахте поищи!

Вася. А что? И поищу! Вот я лесодоставщик... Стойки вам готовлю. Стойка — что в ней особенного? А мне чудится — тайга под ветром шумит, пихты да кедры лапами шевелят, словно переговариваются. А эта стойка шахтовая тоже живым деревом была... Белка на ней играла, клест шишки лушил.

И пришли богатыри-лесорубы! В полудубках — смолами пропахли. А пила у них, как песня, звенит... Вают они лес и думают, куда это их труд пойдет, кого обогреет?

Распахивается дверь, на пороге Антон.

Антон. Здорово!

Степушка. Антоша!...

Данька. А. Антон! Давай заходи!

Гриша. В нашу ситуацию...

Данька. Машка была...

Антон. (*тревожно*) С чего бы?

Данька. (*кивнул на Васю*) Его вон спроси...

Антон. К тебе приходила?

Вася. Книгу взяла. Стихи. Константина Симона.

Антон (*мрачно*). Стихи...

Напряженное молчание. За Антоном и Васей наблюдают — Гриша с любопытством, Степушка и Данька с тревогой

(*Вдруг резко меняя тон*). Скушаете, поди, хлопцы? А? Полбанки есть. (*Достает бутылку водки*). Раздадим, что ль, за ради дождичка?

Гриша. Да, летечко нынче не того...

Данька. Ишь весело — буянь, буянь!

Ребята достают нехитрую закуску. Антон разливает водку.

Гриша. Эй, Степан! Лавируй сюда.

Антон. Не мути парня, Григорий! Успеется еще. А вот поэту с нами выпить не мешает. Она, говорят, вдохновению помогает! А?

(*Дружески*). Эй, Вася! Иди-ка.

Вася. Я пить не хочу.

Антон мрачнеет.

Данька. Он, брат, — поэзия... мечта... крылья. Такие не потребляют.

Вася. Нет, и я могу... Когда причина есть.

Антон. Ага! Можешь, значит, да не хочешь? Значит, с нами не хочешь?

Вася. Не хочу.

Антон (*подходит к Васе со стаканом*). Выпей! Прошу как человека.

Вася. Сказал — не буду.

Антон. А-а! Понятно! Опчество наше, значит, вам не по нраву? Грязненькие, значит, мы для вас? А? Да нам уголь не только в кожу, в душу вьется. А раз так — нечего тебе тут делать! Чистюля! (*Протягивает стакан*)! Ну!

Вася берет со стола книгу, отворачивается.

Пей, гад!

Вася (*кричит*). Не смеете!

Антон. Смею! (*Резко ставит стакан*). Рыбья душонка! Брезгует! Еще бы. (*Ищет слово, чтобы побольше задеть Васю*). Стишки. Святыня! ...Любовь светлая, чистая... А сколько у нее, у твоей чистой любви, до тебя было? а? (*Нарочито хохочет*).

Вася что есть силы бьет Антона по лицу. Книга летит на пол. Из нее падает фотокартонка.

Антон хватается Васю за грудь.

Степушка. Вася!

Гриша. Бригадного?!

Данька оцепенел. Стук в дверь, на него не обращают внимания.

Антон (*задыхаясь от ярости*). А-а! Меня... шахтера! Ах ты гаденыш! Да ты знаешь, что я с тобой сделать могу?! (*Замахивается*).

Степушка. Антоша! Не надо! (*Виснет у него на руке*).

Антон отбрасывает его. Открывается дверь. На пороге Алла.

Гриша (*свистит*). Погорел, Антошка...

Алла (*спокойно*). Я к тебе, Шатов!

Антон. Повезло тебе, Васенька, на сей раз...

Но попомни, миленочек, встретимся, ох уж и встретимся мы с тобой где-нибудь на узенькой дорожке! (*Отталкивает от себя Васю. Берет стакан с водкой, подносит к губам, вдруг бросает его об пол и быстро уходит, даже не взглянув на Аллу*).

Данька (*поднимает книгу и фотокартонку*). «Стихи о Прекрасной Даме». Хм... (*Вытирает о брюки фотокартонку*). И тебе досталось, большеглазая. (*Кладет в карман*).

Алла. Что у вас здесь произошло?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

КАРИНА ТРЕТЬЯ

Шахтная выработка, ведущая в забой. У телефона Антон. Возле него Данька, Гриша, Степушка.

Антон (*бушует*). А! Дьявол! Опять режут. Без ножа режут! (*В трубку*). Лес, говорю, давай! Что я сам, что ль, вместо стойки стану? Что-о? Час-два ждать? Знаешь, иди ты... (*С силой вешает трубку*). Данька, Григорий! Марш по выработкам! Там поищите! На параллельном есть — я как-то пару лесин подобрал. А ты, Степа, за шуры берись!

Данька уходит. Степушка берет сверло, скрывается в забое.

Гриша. И все это лесосклад работу вам морализует...

Антон. Потом разберемся! Иди!

Гриша. Подождем, бригадный! Пока туда... сюда, зарядят, отпалят.

Антон. Ждать? А тебе, может, поспать захотелось?

Гриша. Норма ж все одно будет.

Антон. «Все одно!» А тонна?

Гриша. Какая еще тонна?

Антон. А та самая, что в обязательствах наших. По тонне сверх плана каждую смену — на меня, на него, на Даньку, на тебя, дурака.

Гриша. И впрямь, финансы любишь...

Антон. Цыплячья твои мозги! «Финансы»... Да за какие такие финансы гордость нашу шахтерскую купить можно? А ну! Хватит языком чесать! Сыпь за лесом!

Гриша уходит. Высвечивается забой. Антон подходит к Степушке.

Как буришь? Как буришь, дурья башка? Эх, руки-крюки! Думаешь, уголь, он не живой... Он что хошь стерпеть может? У него, брат, тоже своя душа. А ну, дай-ка. Сам валяй подсоби ребятам! Постой! Подика сюда. Гляди, как надо. Уголь, он всякий бывает... Коли крепкий — один наклон нужен, а когда такой вот... клеважистый — то гляди... вот. Да не дергай сверло и не дави на него очень. А так... ровненько, спокойно. (*Почти нежно*). Эх, ты, мокрогубый! Ну да ладно... Никто мастером не родится.

В шахтной выработке появляется Марк.

Марк (*кричит*). Шатов, как с лесом?

Антон выходит из забоя. Забой гаснет.

Антон. С тебя бы спросить, начальник.

Марк. Не от меня зависит.

Антон. Ребят послал. Подберут на затравку. Ты вот что, начальник... Послушай! Я, конечно, не ученый... Тебе видней. А только нижний забой... не нравится мне что-то.

Марк. Что там? Обрушение?

Антон. Да нет. Сыро стало. Капез...

Марк. Грунтовые воды. (*С иронией*). Шахта, Антошенька! Ничего, ножки не промочите. Вы народ бывалый...

Антон. Вот то-то что шахта...

Входит Разукин.

Разукин. Здорово, молодцы! (*Марку*). В чем задержка?

Марк. Лесосклад...

Разукин (*перебивает Антона*). Идите работайте!

Антон уходит.

(*Марку*). Лесосклад, говоришь? (*Резко*). Может, за тебя лесосклад и уголь давать будет? А?

Марк. А что мне с ним делать? Ругаться, драться?

Разукин. А это уж я не знаю. Может, и драться...

Марк. Не умею.

Разукин. Вот то-то... (*Приглядывается к нему*). Боли не вижу!

Марк. Какой... боли?

Разукин. А такой! За дело. Спокойный ты какой-то...

Пауза.

Насчет леса я распорядился. Будет. Завтра нижний забой пустим. (*Идет к выходу*).

Марк. Нижний забой? (*Вспоминая что-то*). Тут Шатов говорил... Да нет... пустяк. Разберемся сами.

Разукин. Вот и разберитесь. Без нянек. (*Идет*).

Навстречу Алла.

А ты зачем сюда?

Алла. Вы ж сами меня упрекали, что я не проверяю факты на местах...

Марк (*насмешливо*). И это место — в забое Шатова?

Алла. А хоть бы и так.

Марк. Счастливый этот Шатов, девушки к нему так и льнут.

Разукин. (*Алле*). Чего тебе от него надо? Что парню покоя не даешь? Работает изо всех сил... в плохом ни в чем не замечен. И время сейчас горячее.

Марк. Алла Сергеевна жаждет, чтобы каждый забойщик историю изысканных искусств изучал, «Онегина» наизусть читал.

Сверху спускается Вася.

Алла. Да! Марк Петрович! Этого я и хочу!

Высвечивается забой. Антон бурит шпур.

Степушка наблюдает.

Смотрите! Хоть картину пиши... Или в бронзу...

Вася *(не выдерживает)*. Шатова?

Марк *(насмешливо)*. Я же говорю — красавец-парень...

Разукин. Потом побалакаете... Не место!

Алла идет к ходку.

Марк *(ей вслед)*. Мечты... Мечты...

Алла *(оглянувшись)*. Полет в космос, между прочим, тоже мечтой был...

Марк *(горячо)*. Вот-вот! Спутники... ракеты! Вы правы! Но ведь это совсем другое! Кто их создает? Инженеры, ученые... Люди высокого интеллекта. А Шатовы...

Алла *(идет к нему, угрожающе)*. Что Шатовы?

Марк. Исполнители талантливейшей воли...

Алла. Вот это философия!

Марк. Я ж от жизни...

Разукин *(резко)*. Забываешься, Марк Петрович! И откуда в тебе такое? Сам-то из рабочей семьи... А ракеты... Они, брат, тоже не на клумбах растут. Рядом с ними и грязь, и окалина. И ты, девушка, тоже хороша. Ведешь себя, словно ты одна в мире борец за коммунизм. А мы все так... народ отсталый! Пошли. *(Васе)*. А вы ждите. Сейчас лес привезут. *(Уходит)*.

Марк *(уходя, Алле)*. У меня от вашего пропащего энтузиазма оскомины на зубах.

Вася *(Алле)*. Вы огорчены?

Алла. А вы согласны с ним?

Вася. Нет! Но Шатов... Как вы о нем...

Алла *(с горькой иронией)*. Да, конечно! Водка, грубость. Вам не нравится. Вы дуетесь, ворчите. А вы боритесь! Зубами вгрызайтесь! Лбом бейтесь!...

Вася. Да! Лбом в стену...

Алла. У вас такая сила — ваши стихи... Чем вздыхать да охать, да на луну любоваться — вы бой давайте. «Слушайте, товарищи потомки! Агитатора, горлана, главаря!» Вот и агитируйте.

Вася *(восхищенно)*. Какая вы!

Алла *(смутилась)*. Это вы ни к чему... Да, кстати. *(Достает из куртки газету)*. Эти стихи... У вас... Они уже ничего. Получились. Возьмите свой труд. *(Отдает Васе газету, идет к ходку)*.

Вася *(звонкованно)* Алла Сергеевна!

Алла задерживается. Молчание.

Вы по ходкам-то... осторожнее...

Алла. Я не новичок здесь. *(Поднимается наверх)*.

Вася раскрывает газету. Входит Степушка.

Степушка. Вась? Чтой-то у тебя? Стихи? Твой?

Голос сверху: «Перышкин!»

Дай, Вася! Пока ты там с лесом.

Вася отдает газету, уходит. Возвращаются Данька и Гриша.

Гриша. Ох, умаялся...

Данька. *(оглянувшись на Васю)*. Глаза б мои на него не глядели...

Гриша. У тебя тоже контры с Васькой?

Данька. Ох и отделал бы я его! Чтoб мама родная не узнала.

Голос Васи сверху: «Лес принимайте!»

Антон *(выходит из забоя)*. А ну, пошли.

Данька. Мы справимся...

Уходят, за ними бежит Степушка.

Антон *(замечает у Степушки газету)*. Степан, стой! На-ша?

Степушка. Ага!

Антон. Свежая?

Степушка. Ага...

Антон *(помолчав)*. Ну и черт с ними! Пускай расписывают! Я уж все их словечки знаю! «Пьяница, дебошир, хулиган!»

Степушка. О чем ты?

Антон. Так... Закурить бы...

Степушка. Что ты! Что ты! Разве можно!

Антон. А то я не знаю... Тут, браток, табачком и не пахнет. Метан *(Неожиданно)*. Дай-ка!

Степушка *(не понял)*. Чего?

Антон. Газету дай, говорю... *(Берет у Степушки газету, ищет в ней что-то)*.

Степушка. Ты что ищешь-то?

Антон. Редакторша, помнишь, как залетела. Пропишет, как пить — дать пропишет, не упустит случая.

Степушка. А вот и зря! И ничего про тебя вовсе нет! Я стишки взял почитать. Васиных... Вот!

Антон. На! Стихами не интересуюсь *(Неожиданно)*. А ну, покажи! *(Читает сначала про себя, потом вслух)*.

Он некрасив, неловок —

Парень судьбы неласковой.

В угольной черной спецовке.

В жесткой шахтерской каске.

С девушкой там, на-гора, он

Бывает замкнутым, грубым...

Только смущенно вздрагивают

Его суровые губы.

Когда ж под землей упрямо

Он бьется со злой природой,

Мне видятся в этом парне

Черты красоты особой —

В его трудовых мозолях.

В пылинках угля под глазом...

...Здесь по забоям ходят

Труд и отвага рядом;

Здесь труд, как подвиг, высокий...

И им сурово обласкан

Парень в черной спецовке,

В жесткой шахтерской каске...

Степушка *(в восторге)*. А ведь это про тебя, Антон! Право, про тебя! Вот здорово! Ну-ка *(Читает)*.

«Здесь труд, как подвиг, высокий,

И им сурово обласкан

Парень в черной спецовке.

В жесткой шахтерской каске...»

Антон *(вдруг, словно опомнившись)*. Чего возрадовался, кутинок! Ишь ты! Хитер, чертов писака! Стихами, видишь, купить меня хочет.

Степушка. Да нет же, Антоша...

Антон *(резко)*. Хватит! Нет, Васенька! Не спрятаешься тебе от моей обиды! Встретимся! Ох уж и встретимся мы с тобой, дружок!

Затемнение. Шум клетки, гудки электровозов.

Окраина рабочего поселка. Вдали за белыми домами — контуры терриконов. Вечереет, загораются огни. На первом плане несколько березок, большой валун. Идут Степушка и Вася. Издали доносится песня.

Степушка (*угощает Васю конфетами*). Бери, вкусные...

Вася. Не люблю конфет.

Степушка. А я, признаться, люблю. (*Ест*) Вася... До каких пор вы с Антоном друг на дружку злиться будете?

Вася. Тебя-то что это так трогает?

Степушка. Как что? Да я дружить с вами хочу — с обоими... По душе вы мне оба. Думаешь, это больно приятно видеть, как вы тут войну разводите?

Вася. Степа... Ты случайно фотокарточки не находил?

Степушка. Какой фотокарточки? Нет...

Вася. Ладно...

Степушка. Да в книжках, поди, твоих... Ну как, Вася? С Антоном-то? Помирился бы ты? А?

Вася. Нет уж! Свою б обиду давно простил. А то в девушку ком грязи бросить. Тоже мне удалство.

Степушка. По горячке он...

Вася. Раз такой горячий — пусть сам первый придет. Пусть извинится. А то еще скажет: угрозы его испугался. Узенькой дорожкой.

Степушка. Не придет он, Вася. Он гордый...

Вася. А я, по-твоему, тряпка? Да? У меня так и гордости не должно быть?

Степушка. Не про то я. Только вот сказать не знаю как. Моложе я всех вас тут. Ну и смотрят на меня, как на мелюзгу какую: мол, что он знает, что понимает — птенец! А я, может, побольше вас дурного-то нанюхался.

Помолчали.

От отца мы сюда сбежали... Пил по-страшному. Мать бил... Ну и мне доставалось... Она сейчас в комбинате, в прачечной. А я вот в горнопромышленную, да к Антону в бригаду. Он отца мне, может, заменил... Антон-то. Да ты не слушаешь...

Вася. Хороший ты парень...

Степушка. А ты меня не хвали. Ты вот Антошу не любишь. (*Помолчал*). Тут о нем всякое говорят, чаще плохое. Если, конечно, речь не о процентах идет. А я его совсем другим знаю. Сирота. С теткой вырос. Та бодеет, а он за ней ходит, как иная мать за своим дитем не ухаживает. А Машу как любит! О! Хоть и виду не показывает, грубит. Он стеснительный. А этого вот никто не понимает.

Вася. Не знаю, Степушка...

Степушка (*горячо*). Помирись с ним, Вася! Что тебе стоит? Ты ж его все-таки уважаешь. Вон стихи какие написал.

Вася. Какие стихи?

Степушка. Об Антоне... «Парень судьбы не-ласковой»... Ведь Антон, вылитый Антон.

Вася. Вот чудак! Это ж стихи... Мечта... Лирический герой, так сказать.

Степушка. А Антоша чем не герой?

Вася. О нем я не думал.

Степушка. Не про него?

Вася. Да нет же.

Степушка (*чуть не плача*). Васенька! Да

ведь как же? А он поверил! Для него это праздник, хоть опять же виду не показывает. Вася, ты не говори никому. Пусть вроде о нем! А? Я прямо не знаю, что для тебя сделаю.

Вася. Ну пускай думает. Раз тебе так хочется. Степушка. А ты все ж поговори с ним... Вася! Ну по-доброму, по-человечески. Да он и сам прощения попросит. Я ж знаю.

Вася (*сдаваясь*). Ну, ладно уж... (*Вдруг резко*) Нет, Степушка. Не будет этого. (*Идет*).

Степушка. Вася! Постой!

Вася (*обернувшись*). Вон погляди — твои дружки — опять пьяные. Уже успели. (*Уходит*).

Появляются Антон, Данька, Гриша. Антон трезв, в руках у него большая книга, которую он старается держать незаметно. Пьян один Данька. И то не столько пьян, сколько куражится.

Степушка. Антоша...

Данька (*отмахивается*). Сгинь, цыпленок!

Степушка. И что ты всегда?

Данька (*Антону*). Ты... мне... друг?

Антон. Ну, друг.

Данька. А чего ж тогда задаешься? Нос воротишь?

Антон. И ничего не ворочу...

Данька. Выпить со мной не хочешь? Да? Ну малость... Ну чуть-чуть... Антон?

Антон. Не хочу. Настроение не то. И человека жду.

Данька. Человека... Как стишки про него написали, так он и зазнался. Старым друзьям изменяет...

Гриша. А я вот, может, тоже... Не желаю!

Данька. Не с тобой говорят, «барометр». Антон! Ну по дружбе — утешь душеньку!

Антон. Чего пристал? Я вот тебя утешу — в другой раз не захочется...

Данька (*обрадовался*). Ну, бей, ругайся! Что хочешь делай! Только стань прежним Антоном Шаговым. Я ж люблю тебя, черта!

Антон. Пьян ты...

Данька. Пьян? Ничего ты не понимаешь... Скверно мне... Девушки есть на свете. Ох и красивые... Да не про меня... Куда с такой выставкой!

Антон. Брось!

Данька. А я простой человек... Не как тот Васяка стихоплет. (*Хохочет*) А ты... ты за ним тянешься... Сам на него от злости зубами скрипишь, а тянешься... Вон книжка...

Антон. Что книжка? Пошел и взял в библиотеке. Никому не заказано. А ну хватит! Иди-ка проспись! Ну!

Данька. Чего понукаешь? Чего понукаешь! Здесь тебе не забой. Это там ты бригадир...

Антон. Вылетишь из моей бригады, тогда узнаешь, где я бригадир...

Данька (*вдруг сник, тихо, с болью*). К тому и ведешь. Вижу, нехорош Данька стал... Новых дружков ищешь? Чтоб коммунистическая бригада... чтоб отличиться.

Антон (*долго смотрит на него*). Пошли, ребята. Пусть он тут развесется, на ветерочке...

Уходит с Гришей и Степушкой.

Данька (*достает из кармана карточку Светланы. Лицо парня светлеет*). Что, большеглазая?

Ничего-то ты не знаешь. Ишь, весело... Небось, новых стихов ждешь? Привыкла... А я вот не умею их писать.. Грубо получается. Нескладно...

Увидел входящего Васю, быстро прячет фотокара-точку.

(Сразу весь собрался, стал колючим). Не спеши, поэт! Разговор имеется. Серьезный! (Подходит к нему вплотную).

Вася. И за что вы все так невзлюбили меня?

Данька. А ты что, девка, чтоб тебя любить?

Вася. Все? Объяснились? (Хочет идти).

Данька. Стой! Подлец ты! А подлецов мы в своей шахтерской семье терпеть не намерены. Вот так.

Вася. Я еще никакой не шахтер, но подлецом не был и не буду! Понятно?

Данька. Нет! Не понятно! Ох и набил бы я тебе морду!

Вася. Попробуй.

Данька. И попробую.

Вася. За что?

Данька. А за это самое, за что таких пако-стников бьют. Девушку кто обманул? Может, я? А? То стишки: «Твоим именем... прозвенит...» А уехал — и с концом. Я ж не вижу, что ль, куда тебя кло-нит... голубчика. А она писем ждет...

Входит Алла.

от дробечки своего возлюбленного... И какая де-вушка! Одно слово — Светлана.

Алла (растеряна). Простите... Я помешала... Мне... очень нужен Шатов. Вы... не видели его?

Вася в смятении, отвернулся.

Данька. Тут он где-то... А ты иди... иди... (с силой) своей дорогой.

Алла уходит. Молчание.

Вася (смотрит ей вслед, неожиданно Даньке). Что делать? Что мне делать. Ну скажи, Даня. (Схватил его за руки).

Данька (совершенно растерялся). Пуст! Ог-лашенный.

Вася. Прав ты, Даня... Подлец я... Не любил, не любил я ее. Глупый, самодовольный мальчишка! Мечта мне нужна была, чтоб поэтом себя почувст-вовать. И выдумал, выдумал все. Себя обманул, и ее. Строчками красивыми, стихами. А она поверила.

Данька. Пойми, мучается ведь дивчина... На-писал бы хоть... честно. (Достаёт фотокарточку). Ищешь, небось? Возьми! Или мне оставь? А! Может, адрес дашь? Я знаю — не полюбит... Да не в этом дело...

Идут.

Дай! А? На всю жизнь другом буду.

Вася. Не знаю...

Уходят. Появляется Антон, глядит им вслед, за-куривает.

Антон. Ишь, Данила — присоседился! А сам на меня кидался. (Садится, поднимает на ладони книгу). Тяжелая. Сколько, поди, тут премудрости-го! Одолею бы! А что! И одолею. (Листает, смотрит иллюстрации). Вот это мужичище!.. «Леонардо да Винчи»... (Переворачивает страницу) «Мадон-

на»... Икона вроде... А глазами-то... Так за тобой и ведет... И чем-то на Машку похожа. (Захлопнул книгу, задумался). Что ж это с девчонкой? Пропа-ла словно...

Сзади подходит Алла, трогает Антона за плечо.

(Так и встрепенулся). Маша! Ты? (Увидел Аллу — потух). А... Это вы...

Алла. Здравствуй, Антон...

Антон (скудным тоном). Здравсте...

Алла. Когда ж мы поговорим с тобой всерьез?

Антон. Со мной? Всерьез? Вот новости!

Алла. Да.

Антон. А нам с вами не о чем разговаривать. Показатели вы можете в плановом взять. А насчет всякого другого — этакое «хулиган, дебошир» — обратитесь к Перышкину, он вам полную инфор-мацию даст. Да вы и сами все знаете. И проверять не надо, все правда!

Алла. Какой ты злой, Антон!

Антон. А с чего мне добрым быть, Алла Серге-евна?

Алла. Если б я могла уговорить вас помирить-ся...

Антон. А вы не уговаривайте! Так-то лучше будет. (Быстрый взгляд на девушку). А вы за этим и пришли?

Алла. Нет, Антон... Я с Разукиным говорила о твоей бригаде. Знаю, отказал он.

Антон (зло). И правильно сделал!

Алла. А мы не согласны с ним...

Антон. А вам не положено с начальством не соглашаться... (Переходя на ты, резко). Недостой-ны мы — и basta! И молчи, не трави душу! Зна-чит, так оно и есть — работа у нас нелегкая. Вот и характеры по ней...

Алла. Смирился, значит...

Антон. Ты меня не провоцируй... Сам чую — не простое это соревнование... Кто там больше уг-ля даст, цену его снизит. К этому мы привыкли...

Алла. Да, Антон, тут соревнование, кто луч-шим человеком станет.

Антон (горячо). Да разве я не хочу, чтоб луч-ше? Данька, Гришка не хотят? А вот как это? Что для этого нужно? Скажешь, в обязательствах про-сто — работай на совесть, не пей, учись... Да раз-ве ж в этом только загвоздка? Тут что-то другое, очень большое, от тебя требуется... Огромное...

Алла. Понял, Антон! Понял! Это ж так много...

Антон. Нет, мало! И хватит — погугурили... Тебе все это вроде забавы. Больше-то, видно, и тревожиться нечем... Вот и ходишь.

Алла. Думаешь, мне легко?

Антон. А чего! Благополучный ты человек... Чего тебе еще не хватает в жизни?..

Алла вдруг не выдержала, расплакалась горько, по-девчоночьи.

(Растерялся). Ты... ты чегой-то! (Неловко кладет свою руку на плечо девушки). Ну да погоди... По-годи... Оно, конечно, чужая душа — темный лес... Своя, видно, беда у тебя... А ты вот о нас хлопо-чешь.

Алла (берет себя в руки). Ничего... Ничего. Вот дура...

Антон. От нас-то ты чего хочешь? Скажи прямо!

Алла. Обязательства давай...

Антон. И в газету — и все честь по чести?

Алла. Да, Антон...

Антон. Это что ж? Верить, значит? В нас, шалопаев, верить?

Алла. И не я одна... Ты не думай... С коммунистами говорила, с комсомолом нашим...

Антон. А как? Сможем? Выдюжим?

Алла. Сможете!

Антон (*ищет в карманах, достает помятую бумажку, расправляет*). Вот... помял только, замазал... Коряво тут, уж как смогли...

Алла. Ничего... Разберу... (*Хочет уйти*).

Антон. Постой!.. Ты скажи, что у тебя за беда? Помогю, может...

Алла. Спасибо, Антон. Нет, не поможешь...

Идет Маша. Делает вид, что никого не замечает.

Смотри, Маша... ждал ведь!

Антон (*обрадованно*). Машка! Машенька! (*Бросается к ней, хватается, кружит*). Чертушка моя!

Алла уходит.

Маша (*вырывается*). Поосторожнее, Антон Григорьевич!

Антон. Ну?

Маша. Разрешите пройти...

Антон. Маша?

Маша. Я двадцать два года Маша. До свидания!

Антон. Нет! Ты скажи!

Маша. И скажу! Наслышана я, однако, о ваших похождениях! Нечего сказать, прославились! (*С болью*). Ох, Антоша! Как мне надоели и твоя глупая ревность, и твои пьяные скандалы...

Антон. Ревность? Да нет! (*Хватает ее за руки, горячо*). Да, было, было! Всякое было! Ты прости! Да я! Да мы, Маша, мы на такое дело поднимаемся! Я сейчас черт-те что могу! Я все могу. Машка! Машенька!

Маша (*ее испугал его порыв*). Пусти, медведище! Вот ты такой и есть, Антон! И работаешь как зверь, и любишь тоже... (*Словно испугавшись, замолчала*).

Антон. Договаривай! Замахнулась — так бей!

Маша. Не обижайся, Антоша! Любишь ты...

Антон. Как зверь? Это ты хотела сказать?

Маша (*умоляюще*). Есть в тебе... Однако... А мне человека надо! Понимаешь, человека!

Антон (*очень спокойно*). Человека, значит? А я так уж и не человек? Понятно!

Маша в страхе пытается от него и убегает.

Антон (*стоит, как оглушенный, бросается к скамье, видит книгу*). Мадонна... (*Сбрасывает ее, сидит неподвижно*).

Идет Марк, остановился. Закурил небрежно, лениво. Смотрит на Антона.

Марк. Природой наслаждаешься? Ничего вечерок... (*Подходит*). Выпил немножко?

Антон (*взрываясь*). Почему так сразу и выпил? Что я, алкоголик?

Марк. Просто я в этом ничего особенного не вижу... Почему не развлечься рабочему человеку? Если это помогает, конечно. Мне вот, к сожалению, нет. (*Увидел книгу, поднял. Удивлен*) О-о! Твоя?

Антон. А хоть бы и моя...

Марк. Интересно... Стихи-то еще не пишешь? А то у вас тут поветрие. Ну-ну, я шучу... А между прочим Перышкин этот опять разразился... Здорово он вашего брата, шахтера, разрисовал... Картинно!

Антон. Чего?

Марк. Не читал?

Антон. Нет...

Марк. погоди. Была у меня где-то газетка...

Антон. Провались они...

Марк. Я-то, признаться, подумал даже не про тебя ли это?

Антон. Ну?

Марк. Где же? А-а... Вот. (*Читает*).

Покачулся. Взгляд бессмысленно наглый:

«Выпил я—мне не смей перечить!

Вот тряхнуть бы его как надо,

Где, мол, совесть твоя

человечья!

Антон (*с напряжением вслушивается и вдруг тихо*):

«Мне видятся в этом парне

Черты красоты особой...

В его трудовых... мозолях...

(*Выпрямляется, громко*). Черты красоты особой... (*Глухо стонет*).

Марк (*изумлен*). С ума сошел...

Антон. Нет, ты лучше скажи, начальник! Что им от меня нужно? Что они мне душу рвут?

Марк. Ничего не понимаю...

Антон. И Машка, Машка туда же!..

Марк. Успокойся...

Антон. А все Васька — все он баламутит! Ну, держись! Пигалица узкобрючная... Прилез со своими законами... А я сам себе голова...

Марк. Кто же спорит?

Антон. Молчи. (*Быстро уходит*).

Марк. Постой! А книга? (*Рассматривает*) «Всемирная история искусств»... (*Усмехнулся*).

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КАРТИНА ПЯТАЯ

Редакция многотиражной газеты шахты. Письменный стол с бумагами, газетами, телефоном. Никого нет. За дверью шаги. Быстро входит Антон, оглядывает комнату. За ним Данька, Степушка, Гриша.

Антон (*с досадой*). Нету...

Данька. Зачем она тебе?

Антон. Нужна.

Гриша. Идем, бригадный... На наряд опаздываем.

Антон. Идите... Не держу.

Степушка. А ты как же?..

Антон. Ждать буду. Хоть до вечера...

Данька. Что стряслось-то?

Антон (*видит на столе свежий оттиск газетной полосы*). Вот! Полюбуйтесь!

Гриша (*читает*). Обязательства... Бригада Шагова... В соревнование вступаем за коммунистическое звание? Антон?..

Степушка. Ура-а! (*Хватает Антона, тормозит*). Трам-трам-тарарам!

Данька (*мрачно*). Наработались, значит, вместе — хватит... Не миновать мне теперь уходить от вас!..

Антон (*угрожающе*). Чего?

Данька. Куда с такой биографией в коммунистическую...

Антон. Цыц! (*Стоит посреди комнаты, огромный мрачный*).

Все насторожились.

Судите меня, ребята...

Степушка. Ой! Антоша...

Антон. Поверили в нас... Решили, что мы тоже свою цену в жизни имеем... Вот... видите... Алла Сергеевна... В газету! А я...

Данька. Ну что? Говори...

Антон. Плохо мне вчера стало, ребята... Машка обидела... стишки... Васькины попались, про пьяницу. Напился я... Ох и забрало меня. Напился. Орал чего-то... Ваську искал...

Гриша. Подгадал, братец... Стерпеть уж не мог!

Антон. Не мог!

Степушка. Что ж теперь делать, Антоша?

Антон. Не хнычь! Без тебя не мед! А все Васька, все он поперек дороги стоит... Попался бы он мне, я б ему сделал «черты красоты особой»...

Гриша. Врешь! Не виновен Васька! Не прячься за чужую спину!

Антон. Я? За чужую спину? Никогда не было такого! Сполна ответ дам — за свою вину! Затем и пришел: все скажу, все как есть... И просить буду — пусть убирает это из газеты. Пока не поздно...

Степушка. А мы? Об нас ты подумал? Не надо, Антоша! Мало ли что?.. Ты ж оправдаешь! Мы оправдаем...

Гриша. Нельзя назад, бригадный!

Антон. Подвел я вас...

Данька. Ладно. Сами не ангелы. Только вот что: кончать надо с этим. В ней, в жизни-то, вон сколько свету... А нам, что ли в шахтовой темноте жить? Нет...

Входит Алла.

Алла. Здравствуйте...

Все молчат.

Антон (*ребятам*). Ушли б вы лучше. Я один...

Данька. Всех касается...

Гриша. Не финти, бригадный...

Алла. Что случилось?

Антон (*показывая на оттиск*). Даешь?

Алла. А что дальше?

Антон. Убирай! К черту!

Степушка. Не слушайте его.

Ребята насторожились.

Антон. Молчи... Пока я бригадир! (*Алле, с горечью*) Снимай наши обязательства. И впрямь недостойны... И нечего было соваться... Подняла ты нас высоко... А я вот не удержался, да оттуда — в лужу. Так мне и надо! И Машка права...

Степушка. Антон! Не надо...

Алла. Ишь, ваш бригадир думал — шуточки! Как обязательства в газету — так он сразу беленьким станет...

Антон. Неправда...

Алла. А оно-то оказалось трудно... Уголек-то рубать полегче будет.

Антон. Чего там! Шкуры, поди, обдерем, пока до коммунистической дотянемся...

Алла (*Даньке, Грише*). А вы... что молчите?

Гриша. Печатай!

Данька, опустив голову, молчит.

Алла (*Даньке*). А ты?

Данька (*радостно*). И я?.. Слово, Алла Сергеевна! Оправдаю.

Степушка. Честное комсомольское!

Антон молчит.

Гриша. Друг за дружку держаться надо...

Алла. Идите, ребята! Сегодня ведь у вас особый день.

Все уходят. Антон на секунду задерживается.

Ну, в добрый путь! (*Протянула руку*) Антон!

Антон, помедлив, жмет руку Аллы что есть силы. Уходит.

(*Прислонилась к стенке, потирает руку. Затем подходит к столу, садится, берет оттиск газеты, начинает читать. Оторвалась, задумалась. Протягивает к телефону руку, колеблется. Наконец берет трубку. Волнуясь*). Пятый участок? Перышкина мне. Да... да... Очень прошу! Нет? Извините... (*Кладет трубку*). Работает.

Телефонный звонок.

(*Берет трубку*). Да... да, я. (*Радостно*). Ну? 159 погонных метров? Молодцы проходчики! Давай фамилии. (*Записывает*). Исмагилов... Птушко... Руднев... Так... Приду! Обязательно приду! Есть. (*Нажимает на рычаг*). Восьмерку. Лесосклад? Николай Иванович? Ты? Не забыл про бюро? Готов отчет? А чего ты такой веселый? Ну посмотрим, посмотрим. (*Вешает трубку, записывает что-то*).

Входит Разукин.

Разукин. Пишешь все...

Алла. Пишу...

Разукин. На партактив-то идешь?

Алла. Иду...

Разукин. Дождина! Надоед, проклятый...

Алла (*смотрит в окно*). Пройдет...

Разукин. Гляди не гляди — солнышка не заметишь... Вот и человек. Как его не приукрасивай...

Алла. Говорите прямо, что у вас?

Разукин. Ох ты и девка! Никого слушать не хочешь...

Алла. Меня партбюро поддержало...

Разукин. Тоже все больше из молодых, да ранние. Головы горячие... Знаешь уже?

Алла. О чем?..

Разукин. О любимчике своем... О Шатове...

Алла. Знаю. Сам сказал.

Разукин. Ну и что?

Алла. Завтра обязательство в газете будет!

Разукин. Твое дело... Самого бы хоть дождалась парторга! Вернется ведь скоро!

Алла. Дать почувствовать ребятам, что им не верят, ждут указаний свыше? Нет, Игнат Иванович!

Разукин (*мягко*). Не думаешь ты о себе. Так ведь и голову сломать недолго...

Алла. А вы за меня не беспокойтесь.
Разукин. Ну, смотри! А все-таки молодец ты, девка! *(Помолчал)*. Пойду. Нижний забой они сегодня пускают. Не надеюсь я на Марка. Эх, не того я ждал от Петькинго сына.

Телефонный звонок.

Алла *(берет трубку)*. Да! Да... Здесь! Передаю... *(Разукину)*. Вас разыскивают.

Разукин *(в трубку)*. Да... Не слышу... Что? Что?! Забой Шатова... А люди?... Люди, говорю!.. Да... да... *(Сидит неподвижно, рука с трубкой бес-*

ильно повисла). Как же это?... Дожили... А?..

Алла. Игнат Иванович!

Разукин. Вода прорвалась... В забой Шатова. Из обвалов... Алло! Алло! Дежурный! Всех наверх! Всех до единого.

Алла убегает.

(Нажимает рычаг). Один-семьдесят семь! Горноспасатели?

Раздается сирена, тревожный звук нарастает. Темнота.

КАРИНА ШЕСТАЯ

Воеет сирена. Светлеет. Открытое место у шахтового ствола. Чахлый кустарник. Вдалеке обвалы.

Шум клетки, выскакивает Марк. Он испуган, взволнован. Вбегает Алла.

Алла. Марк? Один?

Марк. Еле выбрался.

Алла. А ребята? Где ж они? Антон, Степушка... Данька?..

Марк. Я не был... в забое. Я в основном...

Алла. Что делать-то будешь?

Марк. А что я могу один.

Алла. Ты начальник — ты должен мочь.

Марк. Что же мне самому что ли в воду лезть? Может, ты...

Алла бросается к клетке.

Стой! *(Хватает ее)* Стой! С ума сошла! Отвечать за тебя!

Вбегает Маша в светлом плаще и яркой косынке.

Маша. Где? Где он? Антон? Там?

В глубине раздается шум. Все прислушиваются. Шум клетки. Появляются Антон, Данька, Степушка, Гриша, вымокшие, усталые. Маша не сводит с Антона глаз. Алла бросается к ребятам, целует их.

Антон. Выбрались. Порядок.

Марк. Я ж говорил... Народ бывалый...

Степушка. *(восторженно)*. Ох и дело было... Вода так и хлещет, так хлещет! Местами аж по грудь. Стойки вырывает. Пропал бы я, если б не ребята.

Гриша. Еще б чуток...

Антон. Рванули в нижнем. Вроде ничего. А стали грузить, и ухнуло. *(Смотрит на Марка)*. Говорил ведь — проверить надо. Инженер!..

Марк отвернулся.

Маша. Антон...

Антон. Ну, чего тебе?

Шум подъезжающих машин. Голос Разукина «Давай, давай! Здесь не пробраться. Глина... Развезло...» Голоса: «Правей, правей... Там грунт покрепче... Так... так. Давай... Сгружай насосы... Раз-два... взяли»...

Данька. Горноспасатели...

Вбегает Разукин.

Антон. *(бросается к нему)*. Сорвалось у нас, Игнат Иванович... Вот тебе и обязательства...

Разукин. Живы!.. Орлы мои! Молодцом... молодцом... *(Оглядывает всех, тревожно)*. Постой! А вы все тут!..

Алла. Все... Мои подшефные...

Антон. А Перышкин? Где Перышкин?

Алла. Нет.

Гриша. У себя наверху, где ж ему еще быть?

Данька. Он же мне лес помогал таскать. А потом...

Антон. Ну?..

Данька. А потом он ушел... ушел...

Алла. *(тихо)* Вася...

Голос. «Начальника Разукина!»

Данька. Эх, недопел свою песню, поэт!

Степушка. Как же это, ребята? Вася... Мечтал он... Человек красиво жить должен... Вот, говорит, у нас обвалы... А если б парк здесь разбить, посадить деревья... чтобы густые... густые аллеи... и цветы...

Антон. Рано панихиду начали... *(Сбрасывает с себя самоспасатель)*.

Марк. Что вы делаете?

Антон. К черту — только мешает! *(Снимает куртку, пояс с аккумулятором надевает на майку)*.

Маша. *(поняла, что он хочет делать, забежала вперед, загораживая дорогу)*. Не ходи!

Антон. Что?

Маша. Его не спасти, а ты... ты... Нет!

Антон. *(отталкивает девушку)*. Пустя! А еще стихи читаешь! Эх, ты!

Разукин. Голову не теряй... За стойками следни, чтоб не сбили...

Гриша. *(бросается к Антону)*. Я с тобой...

Данька. *(Отталкивает Гришу)*. Плавать не умеешь. *(Антону)*. Возьми меня.

Антон. Двоих мне не осилить... *(Убегает)*.

Снова голос: «Разукина!» Разукин уходит. Напряженная тишина. Все смотрят туда, где скрылся Антон.

Данька. А ну, пошли ближе... Может, пригодимся.

Степушка. Идем!

Данька. *(оглядывает Степушку)*. Останешься здесь, вон с ними... *(Кивнул на девушек)*.

Данька и Гриша уходят. Марк отошел в сторону. Неподвижно, безмолвно стоит Алла. Маша качается из стороны в сторону, словно у нее болят зубы. Издали доносится: «Стоп, взяли!». «Пошел!.. Не качает... Давай!.. Давай!..»

Маша. *(вдруг громко заплакала)*. О-ой-ой! Антошенька! Куда же ты пошел?

Степушка *(сначала растерялся, потом неумело утешает Машу)*. Маша! Да ты чего? Подожди! Не умирай раньше смерти! Обойдется, все хорошо будет... Просто, ну никак не может быть плохо!.. Он, Антон, не из тех, кто смерти легко в руки дает... И шахта...

Маша. Будь она проклята!

Степушка. С ума сошла! А еще шахтерка... *(Помолчал)*. Шахта, может, кому она и мачеха, только не Антону! Она ему как мать родная. Понимают они друг друга, чувствуют... И я думаю: не может человек погибнуть при таком деле — благородное оно, потому что святое.

Маша. А я?.. Я... какая же я...

Степушка. *(совсем растерялся)*. Ой, Маша!

Маша. Никогда, никогда... не прощу себе! Я, Степушка...

Степушка. *(Ему страшно)*. Не надо.

Маша. Вот он какой — Антон! Цены ему нет. А я... я зверем его назвала... Прямо в лицо: зверь, говорю, ты, а не человек. И любить тебя потому не могу... Я сама бы сейчас умерла, только б он жить остался!

Степушка. *(в ужасе)*. Ты? Его? Зверем... Эх...

Входит Разукин.

Разукин. Ну что там?

Степушка. Ох и долго ж они...

Разукин. «Скорая помощь» сейчас придет.

Молчание.

Марк. *(неожиданно)*. Игнат Иванович!

Тот отвернулся.

Я ж понимаю...

Разукин. Дорого я дал бы, чтобы ты, наконец, понял!

Марк. Что теперь будет?

Разукин. А то, что заслужили — оба: и ты, и я...

Марк. Зачем вы его отпустили! Ведь вы могли бы запретить. Вы могли! А теперь...

Разукин. Вот ты о чем! Нет, братец! Тут уж никакая сила наперекор не встанет, если человек человеку на помощь идет...

Марк. А ведь и мне... надо бы с ними! Туда...

Разукин. Хватился...

Маша. Ох, Антошенька! Выживи! Выживи! Родной!

Разукин. Уехать тебе очень хочется... Не держу.

Марк. А вот что-то держит... Игнат Иванович! Отцу в глаза посмотреть боюсь...

Разукин. Зря я тебя сразу — начальником участка.

Марк. В забой пойду...

Разукин. А ты, Марк, пожалуй, не совсем пустая душа...

Алла. *(до сих пор стоявшая в оцепенении. Глухо)*. Он некрасив, неловок. Парень судьбы неласковой... Парень судьбы неласковой... *(Опускается на землю)*.

Марк подходит к ней. Долго смотрит, словно оцепеневая по-новому.

И вот из глубины доносится шум клетки, голоса:

«Осторожно, Осторожнее. Тише»... Степушка бежит навстречу. Входят Данька и Гриша, вносят Васю без сознания.

Алла *(бросается к ним)*. Вася!..

Маша. *(кричит)* Антон!

Данька. Начальник... Воды! *(Алле)*. Вот вытащили, Алла Сергеевна... Забирайте.

Алла наклонилась над Васей. Степушка ведет Антона. Тот в грязи и крови. В руках у него Васина тетрадка.

Антон *(ребятам)*. Жив ли?.. Разбираться некогда было...

Маша бросается к Антону, обнимает, целует.

Постой... *(Отстраняет Машу)*. Не могу понять. И как он оказался в нашем забое. Зачем?

Разукин. Ну Антон... *(ушел взволнованный)*

Антон. А тетрадочку эту мы обсмеяли тогда, а он — на стойку, повыше, чтоб вода не достала. Мол, я умру — ладно... Пусть они живут, стихи...

Вася стонет.

Алла. Васенька! *(Плачет)*.

Вася. *(тихо)* Не плачь-те... Не плачь.

Степушка. Вася... Вася...

Данька. Оживает...

Вася. Ребята...

Степушка. Вася! А ведь это... Он... Он тебя... Оттуда... Антон!.. Вася!

Вася. *(приподнимается, с трудом)* Антон...

Антон. *(смущенно)*. На вот... тетрадку твою... Бери... Намокла только.

Вася *(смотрит на Аллу)*. Возьмите. Я вам обещал...

Алла берет тетрадку.

Антон. *(Васе)*. Ты скажи, как ты туда попал?

Вася. *(тихо)* Я был у себя — на минусовом штреке... Наши все сразу на-гора, по тревоге. А мне страшно стало... Очень... И я вниз скорее... к вам... Предупредить. А там тьма... Вода бушует... Кричал... Кричал... Никого... Пусто... Жутко. А вы? Как же... вы... пробилась?

Антон. Ничего. Вася... Ничего. *(Набрасывает на него куртку)*.

Вася. Вот она, наша узенькая дорожка, Антон...

Антон смущенно улыбается.

Маша *(отводит Антона)*. Антоша... На меня-то не взглянешь. Видеть меня не хочешь?

Антон не отвечает.

Молчишь, однако...

Антон. Не место здесь...

Маша. А если я не могу больше? Без любви твоей не могу, Антон!

Пауза.

Не любишь... Да и любил ли?

Антон. Не то говоришь. Любил я, себя не помню... Да и сейчас дорога ты... Только...

Маша. Обиду свою простить не можешь?..

Антон. Нет, Машенька... Свою обиду простить — невелик труд. Он вот ударил меня. *(С силой)*. А сам тоже туда полез... Нас искать...

Маша. Так что же? Что с тобой?

Антон. Может, и вправду нехороший я человек. Ну зачем? Зачем ты меня держала... Там человек погибал, а ты держала...

Маша. Я ж люблю тебя... До смерти люблю!

Антон. Знаю... Оправдать хочу... *(С горечью)*. Ничего ты не поняла... *(Идет к ребятам)*.

Маша. *(тихо)*. Антоша...

Антон. Ты прости, Машенька...

Маша убегает.

Антон. *(рванулся следом, остановился)*. Не хочу сейчас.

Данька. Зря ты ее казнишь, Антон.

Антон. *(угрюмо)*. Я и себя не милую...

Алла с волнением смотрит тетрадь. Входит Разукин.

Данька. Игнат Иванович! Как там у них, Скоро?

Разукин. Сейчас кончают.

Антон. Ну, братцы, выходим, значит. Сразу. Порядок наводить.

Разукин. После такого?

Антон. А слово наше?.. На ветер, значит? Сегодня ведь первый день... нашей новой жизни, правда. Алла Сергеевна?

Алла кивает.

(Ребятам) Ну?

Данька. Чего там! Выйдем...

Степушка. Да, Антоша...

Гриша. Что за разговор...

Вася. Ребята! Помогите мне встать... Дайте руки!

Ребята осторожно поднимают Васю.

Алла. *(вдруг читает)*

Как человек прекрасен.

Сам он того не знает,

Если ж поймет однажды,

Еще прекраснее станет...

Антон. Что это, Василий?

Вася. Поэму я начал, ребята... Шахтерскую поэму!

Антон. Как человек прекрасен... Это что же? Про нас, значит?

Занавес.

А. Полозова

В СТЕПИ

Над бескрайнею степью проходит, качаясь,
Караван облаков, уплывающих в зной,
Здесь плеснет на дорогу прохладой случайной
На одно лишь мгновение родник озорной,
Только к путникам руки протянет боярка —
И опять замыкается тени кольцо,
Снова ветер песчаный до одури жаркий
Забивает глаза, обжигает лицо.
Пропыленные лошади тянутся еле,
До стоянки попробуй еще доберись,
Где казенные нас ожидают постели
И в больших бурдюках тепловатый кумыс.
К тракту льется рекою отара овечья,
Потянуло с зимовки кизячным дымком.
Нас встречают казахи по-братски сердечно,
А комсорг наш под скрипку запел «Сулико».
Скрипку он всю дорогу берег пуше глаза —
Как-никак, а порой песнь разлучит с тоской.
Но причин для тоски не встречалось ни разу,
Хоть надолго ребята расстались с Москвой.
Целина не сулила большого комфорта —
Надо новое место сначала обжить.

Ждет в степи новоселов такая работа,
Что, пожалуй, и некогда будет грустить.
Третьяковка, метро — это все было в детстве,
Впереди — суховей, простор, трактора.
Только звезды с палатками по соседству
Ночь степную осветят, как прожектора.
Целина, целина — солончак белоснежный
Да полынных ветров опаляющий зной.
А пока песня бьется призывно и нежно —
Отдыхают ребята в зимовке степной.
Может статься, взгрустнулось о доме,
Только, быстро в беседе проходят часы.
Наш хозяин седой будто старых знакомых
Угощает всех куртом:¹⁾ — «Попробуй, джаксы!»²⁾
Месяц рогом бараньим повис над окошком,
И тихонько листвою шелестит карагач.
Вот и плова последняя съедена ложка.
Заиграл плясовую московский скрипач.
В круг выходит казашка в атласном камзоле,
Очи — звезды, а черные косы вразлет,
Беркутиные перья на бархатном поле
Красной шапочки, сдвинутой чуть наперед.
Не танцует девчонка, а словно летает
Или лебедем вдруг по кошме проплывет...
Не заметил никто, что над степью светает
И пунцовый бешмет натянул небосвод.

¹⁾ Курт — сушеный творог из овечьего молока.

²⁾ Джаксы — хорошо.

НОВЫЕ СТИХИ

УТЕС

Согнув широченную спину,
Оглохший от стука колес.
Стоит над зеленой долиной
Угрюмый Лосиный утес.
О старых и горьких обидах
Он мне в этот день рассказал,
О том, как заряд аммонита
Здоровье его подорвал.
Мы с ним дотемна толковали
О сонной, глухой старине,
И я, как хороший товарищ,
Похлопал его по спине.
Пусть голову держит повыше —
Я дал ему добрый совет.
И горы, мой голос услышав,
Мне эхо катили в ответ.
И тихо, совсем по секрету,
Под этот взволнованный шум
Утесу сказал, что в газету
Стихи я о нем напишу.
Про эту угрюмую старость,
Которой обид не забыть,
Которой одно лишь осталось —
Дорогу весне уступить.

НОЧЬ НА БЕЛЬ-СУ

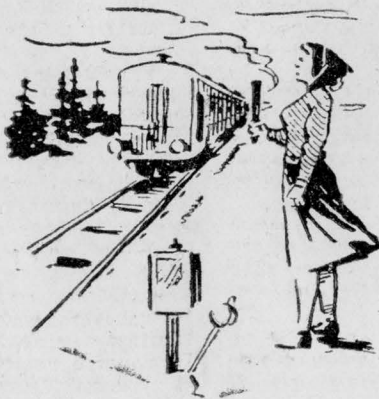
Опрокинув прогнозы и правила,
Дождик шпарит всюду,
Будто небо совсем продырявилось
Над долиной Бель-Су.
И с какой-то горькой обидою,
От дождя и злости устав,
Мой товарищ «гнилой Колхидою»
Называет эти места.
Приседает к земле от ярости
На кедровых лапах костер...
Пусть за эти слова, пожалуйста,
Извинят нас жители гор.
Мы, продрогшие и усталые,
Тянем руки к огню костра.
И поверьями дышит старыми
Рядом с нами Сапун-гора.
Мы вчера еще долго спорили
О загадках этой земли,
А сейчас — все легенды Шории
В изголодые наше легли.
Кедр над речкой стоит, как каменный,
Тянет свежесть сонной с гор.
И горит загадочным пламенем
Под дождем таежный костер.

ЗОЛОТИНКА

Посвящается стрелочнице дороги Сталинка—Абакан Нине Костомаровой

Нинка-Золотинка
Смешливая девчонка.
Голосок у Нинки,
Как у речки звонкой.
А речка недалеко
С синих гор течет,
Кудрявые колечки
На порогах вьет.
Чистая-чистая,
Звонкая-звонкая,
Бежит речка быстрая
Горной сторонкою.
По утрам мимо Нинки
Грохочет скорый поезд.
Стоит она в косынке
В дыму по пояс.
А косынка синяя,
Как неба кусочек.
А Нинка красивая,
Даже очень.
Высокие горы
В упренной дымке.
Провожает скорый
Стрелочница Нинка.
Иногда ей бывает

Немножечко грустно,
Но никто не знает
О Нинкиных чувствах.
Начальник разъезда,
Строгий и хмурый,
Нинку ругает

За страсть к литературе.
А она поднимет
Удивленно брови:
Извините, пожалуйста,
Евгений Петрович.
А в глазах хитринку
Маленькую спрячет —
Нинка-Золотинка
Не может иначе.
И жалеет начальник
Пожилый и хмурый:
Читает не случайно
Она литературу.
В техникум, бедовая,
Метит непременно.
А где ей путевую
Сыщешь замену?
Ему-то известно:
Стрелочницу Нинку
Недаром на разъезде
Зовут Золотинкой...
...Нинка поезду машет
Флажком зеленым:
— Будет, мол, по-нашему,
Определенно.

Ветерок

Не только мне, но и всем ребятам нашего участка новый начальник не понравился. На нарядах мы его называли как положено — Петром Марковичем, а за глаза — Петей, Петушком, хотя эти имена к нему не подходили. Начальник был низеньким, массивным человеком с широким белым лицом и оранжевой лысиной.

Прибыл он к нам из Донбасса. Улыбался редко, в шахту ходил часто. Подолгу бродил в выработках, толковал с лавщиками о житье-бытье, все к чему-то принюхивался, даже стойку и кровлю щупал белыми, пухлыми пальцами. Не торопясь, с раздумьем, осторожно.

Как-то отпалил я в основном штреке и через нижнюю лаву пошел на-гора. В лаве только стукоток стоит. Мелькают лампы, позванивают лопаты, сухо пощелкивает цепями транспортер. Пыль угольная носится.

Иду, ребят, конечно, обхожу стороной, неудобно все-таки на глаза им попадаться: до конца смены больше двух часов, а я на-гора выбираюсь. Вот тут

меня и заметил Максим, наш комсорг. Выпрямился во весь свой огромный рост, воткнул в стойку топор и заорал:

— Греться на солнышке пошел? Ну, давай, давай! Смотри, бока насквозь пролежишь...

Помолчал, похлопал пушистыми от угольной пыли ресницами и ехидненько так добавил:

— Иль анкету заполнять торопишься?

Я аж дернулся. Это Максим припомнил, как я хотел в комсомол вступить. Сейчас мне и смешно, и за себя обидно. Надо же было такого дурака свалить! Ворвался я тогда на собрание да и ляпнул: «Дайте мне анкету в комсомол записаться...» А ребята как захохочут: «Ты что, Ветерок, очумел? Разве ж так в комсомол вступают? Ты сначала...» Не стал я слушать, что сначала, ушел. Вот теперь Максим нет-нет да и подденет меня.

Молчу. Цепляюсь за шершавые стойки, лезу по лаве.

Выбрался на-гора. Нашел припрятанную утром папироску, привалился спиной к вентиляционной будке, закурил. До чего хорошо вокруг! Солнце сверкает, березки разряженными девчонками стоят, зелеными платьицами потряхивают. В ветках птицы копошатся. Сбоку вентилятор гудит.

Я пошевелил пальцами онемевшей ноги, осторожно перевалился на другой бок. Вдруг еще какой-то шумок послышался. Смотрю, а это мотористка наша, Зина, от шурфа идет. Подошла к лебедке, облокотилась на рычаг, меня не замечает. В какую-то точку на горизонте уставилась. А глаза у нее! Задумчивые, темные. Нравятся мне эти глаза, и здорово. Об этом, конечно, никто не знает. И характер ее я уважаю. Молчаливая. Но, что верно, то верно:

говорит Зина редко да метко. Если уж что скажет, так у любого остряка язык оостенеет.

Только на Зинку я в обиде. Один раз на танцы в клуб позвал, а она не пошла. Уроки нужно учить, сказала. Ну и не надо. Подумаешь, ученая! Ха! Вообще-то, конечно, неприятно, когда девчонка на тебя ноль внимания. А чем я плох? На рост не оби-жусь, всех на участке, кроме Максима, перещего-лял. Только вот плечи малость узковатые, не соот-ветствуют. Зато чуб — будь здоров! Ни кепкой, ни каской не прикроешь. Отвернулся от Зинки, поло-жил под голову сумку и растянулся на теплой тра-ве. Стал в небо смотреть. А там ни дыминки, ни облачка. Глубоко — далеко небесная синь уходит. Ласточки чиркнули в воздухе, воробей крыльями прошлепал, муха где-то зазвенела. Легко вдруг сде-лалось мне. Встал я и пошел. Позади осталась буд-ка, заглох вентилятор и нет ничего вокруг, кроме широкой, сизой степи. Иду, дышу, под ноги смот-рю. Высокая сухая трава колыхается, позванивает. Кузнечики прыгают. А солнце не спину, а лицо греет. И все сильнее. Почему? Поднял я голову и обмер. Вокруг бушует огонь, трава горит. Черный дым клубится, пламя извивается. Все ближе, ближе! Хотел я крикнуть — не смог, вздумал бежать — ноги к земле присохли.

Задыхаться стал. Из глаз — слезы, в горле пер-шит. Дернулся, еще раз и... открыл глаза.

Напротив меня Петушок стоит, улыбается невин-но, даже глазки прикрыл, а в руке кусок ваты ды-мится. Это он ее, значит, поджег и мне под нос сунул. Чтоб не спал.

— Счастливого пробуждения, молодой покори-тель подземных недр! — говорит, а у меня в го-лове гудит: нанюхался.

Рядом с ним Зинка стоит, смехом заливается.

Поморгал я глазами и, наконец, разозлился. Вскочил, да как крикну ему прямо в лицо:

— Ку-ка-ре-ку, старый петух...

Петушок ухмыльнулся, затоптал вату, задумчиво погладил лысину и пошел к шурфу. Зинка пере-стала смеяться, придвинулась ко мне и головой по-качала:

— Эх ты! За что обидел? Ведь он шутил...

— Ну и подавись ты им! — крикнул я еще гром-че. Зинка махнула рукой, отошла. А я сел на чурку и горько задумался. Сердце молотом бьет в груди от обиды, уши горят. Ведь не виноват я, не вино-ват, хоть убей! Ну, вылез из шахты на пару часов раньше положенного. Свое дело-то сделал полно-стью. Правда, в лаве ребятам можно было помочь, но взрывчатку без присмотра не оставишь! Сторо-жей для наших персон не выделяют. Вот и выходит: хочешь, не хочешь, а лезь из шахты раньше всех. Не один я так делаю. Мы, взрывники, по трое в смену ходим. И каждый часа за два, а то и за три раньше конца смены с отпалкой справляется. По-дожди, подожди! Что же получается, дорогие то-варищи? Выходит, двое справлялись бы! Ведь у каж-дого взрывника по два-три часа лишнего остается. Это семь-восемь часов. А если дальше раскинуть мозгами! Только на одном нашем участке три взрыв-ника даром хлебушко кушают. Ничего себе! А на шахте двенадцать участков. Двенадцать на три — тридцать шесть.

Я вскочил, схватил сумку и ринулся в шахту.

Возле верхней лавы остановился, чтобы обду-мать, как ребятам все яснее рассказать. Расстегнул воротник куртки, прислушался... Скрипнула стойка, прошумел вниз кусочек угля. Капля воды сорвалась с кровли и звонко щелкнула о почву. Кое-кто го-

ворит, что в шахте чет жизни, там, мол, тишь да темнота.

Ерунда! Послушал бы, как ветерок тихонько по-свистывает, жучок в стойке скрипит, бормочет а канавке вода, будто интересное что-то рассказыва-ет, так не говорил бы. А там, где люди напару с машинами уголек рубают, вовсе никаким подзе-мельем не пахнет.

Начал я спускаться по лаве и вдруг внизу заме-тил неподвижный снопок света. Интересно, кто это? Спустился, вижу — человек. Посветил лампой в лицо и увидел... Петушка. Навалившись грудью на стойку, обхватив ее руками, он спал. Ага, ясно. Ночью он вместе с посадчиками «садил» лаву. Посадчики сей-час дома, отдыхают, а ему поспать, конечно, не пришлось. Значит, устал? Хорошо же, помом-нишь вату!

Быстро отмотав метров десять отпального шну-ра, я стал осторожно обматывать Петра Марковича и стойку. Провод мягкий, делал я все тихо, Пету-шок даже не шелохнулся.

Кончил я свою работу, взобрался выше и крик-нул так, что кусочки породы с кровли закапали:

— Бе-ре-ги-и-ис! Па-лю-у...

И свистком дал боевой сигнал. Эх, что тут было!

Не стал я дожидаться, когда он распутается, по-бежал. А самого хохот разбирает. Вот отомстил, так отомстил! Это тебе не вата. Я и про ребят забыл, быстренько на-гора выбрался. И Зинке начал рас-сказывать, как в проходах Петушок бился. Я захле-бывался от смеха, а Зинкины глаза, большие и грустные, смотрели не на меня, а куда-то мимо, далеко, далеко. Потом тихо, но очень понятно она прошептала:

— Ду-рак...

Я поперхнулся и смеяться перестал.

На другой день ребята встретили меня как-то не так. То, бывало, придешь в лаву и сразу шутики на-чинаются. Все просят рассказать что-нибудь посмее-нее. Говорить-то я умею — хлебом не корми! А тут — на тебе! Сидят кружком на угле: кто каску проволокой стягивает, кто топор подтачивает, кто электробур проверяет. И тихонько разговор про-меж себя ведут.

— Взгрили нашего начальника вчера на собра-нии. Перерасход по участку большой, — говорит Максим.

— Черт бы побрал этот перерасход, — вставил кто-то из темноты, — из-за него премия наша накры-лась.

— Но почему? Давайте подумаем, ребята! — предложил лесогон Николай.

Я незаметно хмыкнул, присел на корточки. Раз-миная руками патрон аммонита, подумал: «Почему! Да это проще пареной репы».

У нас на один отброс заряжают двенадцать шпу-ров, паспорт буровзрывных работ так составлен. А я пробовал по восемь, даже лучше получалось: взорванный уголь не летит далеко от забоя, почти весь на решетки попадает. Да восемьсот граммов взрывчатки экономится. Это только с одного от-броса. А их в лаве пятнадцать! Составить новый пас-порт, палить не по двенадцать, а по восемь шпу-ров — и все в порядке! Перерасход наверняка уменьшится. Это у меня давным-давно продумано было. А если и взрывников лишних перевести куда-нибудь, ну, в лаву, в подготовительные забои... Я придвинулся к ребятам и торжественно сказал:

— Есть выход, братцы, я знаю, как это сде...

— Кончай, — грубо оборвал меня Николай, при-валился спиной к стойке и засунул руки в карма-ны. — Знаем мы твои дела-делишки. Расскажи луч-

ше, как над стариком вчера издевался. Знаешь, как это называется? А еще в комсомол просился...

Ну, пошел — поехал. Терпеть не мог я этого Кольку. Чуть что, так сразу: комсомол, долг, совесть. Уж очень любил он эти самые нотации читать. Если зайдет разговор о прогульщике или лодыре, обязательно вставит, что комсомолец так не поступил бы. Активист, тоже мне! Другого я давно отшиб бы, а к этому и придраться-то нельзя. Все у него ровненько да гладенько получается. Член комитета, прогулов не делает, лесок всегда вовремя к лаве доставит.

Ладно, промолчал я. Пусть думают, что хотят, а я вот утер нос Петруше и точка. Но кто рассказывал об этой истории? Ведь я никому, кроме Зинки... Стой, так это же она и растрепалась, не иначе. Ну хорошо, и у меня эта самая принципиальность есть. Теперь вообще с ней разговаривать не буду. Подумаешь! Я вскочил на ноги и крикнул:

— А вам-то какое дело? Плевать хотел на ваши рассуждения... Учителя нашлись!

— Иван, не лезь в амбицию! — строго сказал Максим и дернул меня за рукав. — Надо понять свои ошибки, дурень, оценить критические замечания товарищей. Понял?

— Да какие у меня ошибки?

— Хватит! Сам поймешь, не маленький...

Пыл у меня пропал весь начисто. Всю смену еле двигался. Вышел из шахты, пополоскался в мойке, решил в кабинет заглянуть. А в комбинате ни одного человека не видно, тихо. Шаги гулко раздаются, теплой резиной пахнет. Где-то в трубах вода глухо бурлит, да сигнальные звонки от ствола изредка долетают.

Вот и дверь нашего кабинета. Приоткрыл ее — никого. Вошел. Сел на диван, ноги вытянул. Пол вымыт, чисто, уютно. Все привычно вокруг: на стенах плакаты, графики в рамках, в углу кучка деталей. На столе букет увядших цветов. Рядом распечатанное письмо. Взял я его в руки просто так, даже не из-за любопытства. Но когда вытянул хрустящий листок и прочитал несколько строчек, то уже не мог оторваться. И когда дочитал до конца, так защемило у меня в груди, так стало тошно, что даже не заметил, как в кабинет вошел Петр Маркович. Его небольшая рука с редкими золотистыми волосками осторожно потянула из моих пальцев письмо. Я поднял голову и увидел перед собой грустные, ясно-голубые глаза. Ни слова не говоря, я тихо вышел из кабинета.

Где-то уныло лает собака. Под ногами чавкает грязь, дождь недавно прошел. Над головой плывут черные тучи со светлыми краями. По ним катится луна. Редко-редко, несмело взглянет на мокрые дома, пустынную улицу и снова спрячется. А у меня перед глазами плывут строки письма, присланного из Донбасса. «Прости меня, Петя, но с земли своего детства, с земли, где навеки успокоился наш сын, я не в состоянии уехать. Уже не плачу, слез нет.

Просила я тебя, Петя, но ты не захотел уйти из шахты. А она забрала нашего сына, на старости лет разлучила нас с тобой. Умоляю, если можешь, приезжай...»

На улице — темнее, чем в шахте. А вдалеке все лает и лает собака.

...Когда собралась вся смена, я решительно поднялся со скамейки, посмотрел на потолок, поковырял ногой пол и заявил:

— Может, я и виноват... С себя вины не снимаю. Но все же... Даже требую, понятно? Пересоставить

график выходов взрывников и паспорт буровзрывных работ. Посмотрите, что получится...

Я достал из кармана тетрадные листки, над которыми сидел всю прошлую ночь. Положил их на стол, стал говорить дальше. Видел, что ребята не очень-то верят мне, но на бумажки посматривают внимательно. И Максим, и Зинка, и Николай, и все остальные. Петр Маркович, не отрывая глаз от моих цифр, машинально достает счетную линейку...

Началась беготня. Она продолжалась несколько дней. Побывали мы у главного инженера, у секретаря комсомольской организации шахты. Все нас поддерживали. Даже страшно спокойный, черный и прямой, как костыль, председатель БРИЗа не стал особенно возражать. Верно, сначала поставил под сомнение наши расчеты. Но потом, оглушенный нашим натиском, согласился.

— Правильно, — торжественно произнес он — надо дерзать...

Кончилась третья смена работы по новому графику. Я последний раз крутнул ключ отпальной машинки. Гул взрыва растаял в далеких уголках шахты. Выбравшись на-гора, я глотнул свежего воздуха и сразу Зину увидел. Смотрю на нее, а она на меня, будто сто лет не виделись. Подхожу к ней, говорю:

— Я в тот раз, кажется, это самое... переборщил. Ты не сердись на меня...

— Чудак ты, Ваня, — ответила Зина и так ласково улыбнулась, что у меня по спине терпкий холодок пробежал.

Она еще что-то хотела сказать, но из будки выскочил чумазый моторист и заорал:

— Ванька, двигай в кабинет, ждут тебя. Максим сейчас звонил... Да быстрее, потом налюбуйешься.

— Брысь, ты, — сердито оборвал я его. Перекинул через плечо сумку и пошел к комбинату.

Перешагнув порог, сразу увидел красный плакат во всю стену: «Шахтерский привет молодому рационализатору — Ивану Ветрову!» Честное слово, мне даже неудобно стало. Щеки и уши горячими сделались. А ребята, все в грязных спецовках и мокрых сапогах, скромненько, но крепко, по-шахтерски пожимают мне руки. Вошел Петр Маркович, улыбнулся просто и приветливо, тоже пожал мне руку. Сказал:

— Вы подали хорошую мысль, Ветров. Вам учиться надо. Шахту вы любите...

И сразу все заговорили, заулыбались. А Максим голову набок, смотрит на меня, смеется и длинными руками себя по штанам похлопывает. Хороший он все же, этот Максим, простой, веселый.

Зина заглянула в кабинет. Я ринулся к ней, но Максим схватил меня за воротник и потянул назад.

Ребята сидели на скамейках с солидным, торжественным видом и следили за Максимом. А он порывшись в столе, подал мне чистый, плотный лист бумаги и произнес:

— Вот заполни. Заявление напиши. Обсудим.

В моих руках была анкета. Колька, многозначительно посмотрев вначале на анкету, потом на меня, сказал:

— Теперь, может, и примем. Но учти: чтобы стать достойным комсомольцем... Впрочем, это я тебе объясню позже, на собрании.

Я тихо ответил:

— Спасибо, ребята...

Яркое солнце стоит над высоким бугром. Внизу громадным осколком зеркала блестит озеро. В нем купаются мягкие, курчавые облака. Зина сидит на берегу под березкой и смотрит куда-то далеко-далеко. Я иду к ней.

ТРЕВОГА

Когда на трибуну поднялась Чернова, в зале кто-то явственно произнес:

— Ну, сейчас начнется!

А начальник участка Николай Андреевич схватил меня за руку и резко подался вперед.

— Ты что? — спросил я.

Он промолчал. Пальцами стиснув губы, словно при неожиданной зубной боли, пристально всматривался в Чернову. Я видел его глаз: горячий, жадный, тоскующий. На крутой лоб падал тяжелый волнистый чуб.

Николай Андреевич явно волновался. Я недоуменно пожал плечами: что человеку переживать, если участок его передовой, с техникой безопасности полный порядок, а над дверями кабинета горит, не угасая, алая звезда. Два года назад мы с Николаем приехали на шахту «Таежную». Он окончил Кемеровский институт, я — Томский. Николай, как говорится, сразу взял быка за рога. Начав горным мастером, сейчас уже стоял во главе крупнейшего в тресте участка. И вот — волнуется, словно мальчишка. Чудак-человек.

Я оторвал взгляд от окаменевшего лица Николая, перевел его на Чернову. Молодая женщина, потряхивая золотистыми, густыми волосами, говорила смело, убедительно, броско. Одной рукой держась за лацкан черного костюма, на котором поблескивал инженерский значок, другой, сжатой в маленький крепкий кулак, в такт словам постукивала по трибуне. Когда она называла фамилии, приводила примеры, в притихшем зале кое-кто нервно кричал, осторожно покашливал в кулак...

После совещания мы вышли из совнархоза. Моросил мелкий дождь, грустно шумела листва осенних тополей. В огромном черном зеркале площади отражались гроздь белых фонарей, желтые соты освещенных окон. Мягко шурша, скользили «волги» и «зилы».

Николай Андреевич молчал, смотрел под ноги, о чем-то думал. И мне было ясно, что думы у него не из веселых.

— Да что с тобой? — спросил я. — Чего ты маешься?

Не взглянув на меня, он тихо сообщил:

— А ведь это она!

Кто она?

— Нина. Чернова.

Я ничего не понимал. Тогда Николай Андреевич ухватил меня за рукав и заторопился:

— Пойдем...

— В гостиницу?

— Нет, нет...

Мы дошли до Весенней, сели на влажную скамейку. Нахлобучив на глаза шляпу, Николай Андреевич долго молча дымил папироской, потом проговорил:

— Этого я никогда и никому не рассказывал. А сегодня... Значит, теперь она в совнархозе... Да-а...

Я слушал внимательно. Глядя вверх крыши высокого дома в мутное небо, Николай говорил сбивчиво, торопливо, словно боялся, что вот сейчас подойдет кто-то, перебьет его и не даст высказать до конца то, что носил он в своем сердце дни, недели, месяцы...

* * *

Ноги отца в резиновых сапогах исчезли в темной сбойке. Он ушел вверх, в лазу, а Нина осталась одна в таинственной, слегка влажной темноте под землей. «Как здесь странно», подумала девушка, направляя луч лампы на стойки, обсыпанные каким-то белым порошком, на лесины, сложенные в аккуратный штабель, на разобранный редуктор конвейера, — вот она какая, эта шахта!»

Вдалеке мелькнул огонек, послышался визг металла, голос: «Береги-и-ись!», и девушка увидела, что на нее из темноты движется громадная связка бревен, охваченная упругим канатом. Нина прижалась спиной к шершавым стойкам, а когда бревна с легким шорохом проползли мимо — пошла следом за ними. У лебедки, держась за рычаги, стоял парень в распахнутой куртке. Из-под козырька каски на потный лоб падали длинные темные волосы.

— О-о, пardon, — воскликнул он, подмигнув, — пополнение пришло! Мотористкой, что ли?

— Нет, — смущенно ответила Нина, — я так... шахту посмотреть. С папой...

— Значит, твой папаша инженер?

— Ага.

В шахте знакомятся быстро. Парень пригласил Нину присесть на опрокинутый рештак, сам устроился напротив. Без предисловия сообщил, что зовут его Николаем. Живет в общежитии, работает лесогоном. Блестя золотым зубом, весело рассказал, как жил в Караганде, потом на Сахалине. Там не повезло, уехал к Байкалу... И вот прибыл сюда, попытаться непокорную судьбу. На его оживленном лице, испачканном угольной пылью, блестели черные глаза, из-под каски доносился тонкий запах духов.

Он был веселым парнем, этот лесогон, и Нина еще громче рассмеялась, заметив вдруг, что у него одна бровь короче другой. Немножко, но все равно заметно. На вопрос, сколько и где учился, Никспай со смехом ответил:

— Шесть классов, седьмой — коридор.

И доверительно сообщил, что учиться долго — скучно, да и не нуждается он в науке, силенок хватит и без этого. В подтверждение своих слов засучил рукав и показал мускулистую руку. Нина хотела возразить, сказать, что после десятилетки она непременно поступит в авиационный институт, но Никодай с таким жаром стал рассказывать о просторах голубых морей и залитых солнцем тропиках, что Нина невольно заслушалась.

Когда вернулся отец, они уже были друзьями и условились вечером идти в кино.

Все это произошло полгода назад. А сейчас, положив перед собой маленькие руки, Нина сидела за столом и слушала Валентина Федоровича. Этого черноволосого скромного инженера на шахте уважали, называли по имени-отчеству, хотя он был молод, о чем свидетельствовали упругие щеки, только-только начавшие покрываться темным пушком. Он выпускал на первую группу, но приобретенный опыт не мешал ему волноваться. Говорил мальчишеским басом, когда писал на доске формулы шахтовых газов, то громко стучал мелом, и буквы выходили неимоверно большими. Как обычно, костюм испачкан мелом, а галстук упорно сползает на сторону.

«Ему бы пианистом быть, — думала Нина, подпирая рукой щеку, — какие у него красивые пальцы!»

В эти дни ей нравилось все. Совсем недавно она получила аттестат зрелости и сразу поступила на курсы мотористов. Правда, перед этим произошел неприятный разговор с отцом. Нина хотела пойти в институт, отец возражал.

— У тебя не блестящие знания, девочка, — говорил он, прохаживаясь по кабинету и дымя трубой. — Если ты и сдашь экзамены, то вряд ли пройдешь по конкурсу. Во-вторых, не знаешь жизни.

Он предложил поработать счетоводом подземного участка, в среде простых рабочих людей, научиться жизни.

Тут Нина не утерпела, вскочила с дивана. Украдкой взглянула на дверь, за которой ждал ее Николай, подбежала к отцу.

— Нет уж! — запальчиво сказала она, сжимая руки в твердые кулачки. — Если работать, так в шахте. И не возражай... — Отец усмехнулся, пригладил рукой пышные седеющие усы, ласково потрепал ее по плечу.

Первые дни Нина училась неохотно, потом вдруг почувствовала, что раскаяния нет. Наоборот, захотелось как можно скорее попасть в пахучую прохладу штреков, где тихое журчание воды и далекий стук отбойных молотков сливаются в удивительную музыку; где работает ее верный друг, ласковый любимый Коля. За это время они много посмотрели кинокартин, побывали в театре, цирке, спорили, мечтали о будущем. Пьянящий аромат вечерних цветов, солнечные дни на берегу озера, лунные ночи их сблизили. Может быть, поэтому Николай так долго жил здесь, не собираясь уезжать, а Нина с такой легкостью отказалась от мысли поступить в институт.

Она любила первый раз, знала, что и ее любит этот парень, так много повидавший за свои двадцать лет. Так пусть замирает сердце, когда клетка с бешеной скоростью летит вниз. Пусть в лаве ей будет казаться, что кровля с грохотом рухнет. Пусть ей грозят взрывы метана и яростный подземный пожар. Когда любишь, ничего не страшно. Пусть. Басок Валентина Вернул Нину к действительности:

— Если будет выделяться окись углерода, а

выделяется она при горении угля, крепления, кабели, — необходимо включиться в самоспасатель и быстро выйти на свежую струю воздуха.

Молодой инженер взглянул на слушателей, взял самоспасатель — ребристую красную коробку, сорвал с него металлическую ленточку. Вытащил ящик с гофрированной трубкой. Сунул в рот резиновый загубник, зажал носовым зажимом нос, надел очки и стал похож на сказочного марсианина. Нина улыбнулась.

Занятия кончились. Коля придет через полчаса. Девушка склонилась над столом и, придерживая рукой золотистую, пышную прядь светлых волос, долго смотрела на разобранный самоспасатель. «Так вот он какой, этот аппарат, который может спасти человеку жизнь!» — думала она.

Неслышно подошел Валентин.

— Смотрите? — спросил он.

Нина обернулась, и он отвел взгляд от ее больших чуть-чуть насмешливых глаз с длинными, изогнутыми вверх ресницами.

— Смотрю, — ответила она.

Валентин вытер вспотевшую шею и засунул платок почему-то во внутренний карман.

— Нам по пути? Может, вместе пойдем?

— Благодарю. Я отлично знаю дорогу.

— Да? — удивился он.

Нина засмеялась. А вечером сказала Николаю:

— Этот Валентин такой умный, интересный, а с девушками говорить не умеет.

Николай взглянул на нее хмуро и подозрительно. Окончив курсы, Нина узнала, что Валентин лекции читает по поручению комитета комсомола, а работает горным мастером в той смене, куда назначили ее, Нину. А девчата по секрету сообщили, что Валентин к ней равнодушен, но из-за робости не может сказать ей ни слова.

«Ну и правильно делает!» — думала она...

Прошла вьюжная зима, отзвенели весенние ручьи. В шахтерском поселке, на полях и в тайге бушевал май. Лето проникло и в шахту: подземные выработки наполнились ароматом таежной хвои и пряным запахом трав.

...Смена близилась к концу. Затихла деловитая трескотня отбойных молотков, замерли транспортеры. Снизу, из лавы доносились глухие удары топорков: там крепили.

Нина смахнула с мотора бархатистую пыль, взяла лопату, подчистила штрек. Из-под звездочки конвейера выгребла угольную мелочь, разогнулась. Поправляя на голове каску, улыбнулась своим мыслям. Коля работает внизу, во второй лаве. Скоро он освободится и они вместе пойдут на-гора. А вечером будут говорить с ее отцом. Потом — в ЗАГС. Как хорошо они будут жить! Ничего, что Коля не хочет учиться, ему не обязательно. Он сильный и работает уже не лесогоном, а забойщиком. Зарабатывает много. Да и Нина не жалела, что не попала в авиационный. Коля говорил, что женщине учиться не обязательно. Она верила.

На душе было так хорошо, радость так бурно выпирала наружу, что Нине захотелось сложить руки и громко прокричать в темноту: «Ого-го-го!» Но она сдержалась, подумала: «Вот еще глупенькая! Скоро год, как работаю в шахте, а веду себя словно школьница. Замуж собираюсь!»

И вдруг радостные мысли смешались. Снизу доносилась густой, жуткий вой сирены. Из лавы послышались громкие голоса. Потом все затихло. Зазвенела черная тишина.

Девушка оцепенела, а из дальнего ската выныр-

нул огонек, метнулся в сторону, в другую. Остановился у мотора конвейера. Нине показалось, что это Николай. Она побежала. Но огонек мгновенно исчез. «Кто же это?» — с испугом спросила себя девушка. Запахло гарью. Из лавы выскочил горный мастер, и девушка успокоилась. Валентин подбежал, схватил Нину за руки.

— В основном штреке пожар... Включайся в самоспасатель, беги на верхний горизонт! — закричал он, подталкивая ее в спину.

— А где Николай?

— Говорят тебе, все ушли.

Показались зловещие «ключья» серого дыма. Нина добежала до мотора конвейера, протянула руку в нишу. Самоспасатель она всегда оставляла здесь, под пузатым пускателем, но сейчас ее рука не нашла ничего. Нина посветила лампой, еще пошарила в нише, под мотором, растерянно посмотрела в тревожные глаза горного мастера.

— Нет нигде...

Валентин не колебался. Высокий, сильный, он сжал губы, быстро снял с себя драгоценную коробку и протянул ее Нине.

— Возьми...

Его побледневшее лицо улыбнулось, он сделал шаг назад и исчез в белой темноте. Нина не успела возразить. В горле щипало, из глаз текли слезы. Она сорвала железную ленточку, взяла в рот загубник. Сделала первый вдох и, нащупывая руками дорогу, двинулась вперед. Когда поднималась по скату, ее кто-то обогнал. В белой темноте Нина, конечно, не разобрала, кто это.

Мокрая, ослабевшая, пропахшая дымом выбралась на верхний горизонт. Присела на серый кусок породы и заплакала, размазывая по лицу слезы дрожащими руками. Что было бы, если б не Валентин? Какой он храбрый! Где он сейчас, что с ним? А Николай, почему он не пришел к ней?

И вдруг ее глаза стали еще больше, еще темнее. Она стиснула руки, прижала их к груди. Отчетливо, с мельчайшими подробностями вспомнила, как ее Коля, милый, родной Коля, перед спуском в шахту хвалился своему напарнику, что не берет самоспасатель: «Зачем таскать лишнюю тяжесть?» И на вопрос, как же ему выдали лампу без самоспасателя, весело блеснул зубом: «Сумел! Вот ты попробуй!»

«Так неужели он...?» — с ужасом думала Нина, боясь даже в уме произнести страшное слово «украл».

Вспомнив бледное лицо Валентина, его красивые руки, подающие самоспасатель, капельки пота на курносом носу, Нина снова заплакала, уткнув в колени покрасневшее лицо.

До ламповой не шла, бежала. На ее вопрос ламповщица испуганно ответила:

— Да, твой самоспасатель сдал Колька. А почему он оказался у него?

Но девушке уже не слушала...

Смена собралась в раскомандировочном зале. Главный инженер, отец Нины, объявил, что сегодня была ложная тревога. Ее цель — проверить знание запасных выходов подземными рабочими.

Нина ахнула, вскочила с места:

— Почему же нам не сказали, что будет ложная, а не настоящая?

Главный инженер улыбнулся:

— Такие вещи не разглашаются.

И продолжал:

— Шахтеры во время тревоги вели себя спокойно, не терялись, быстро и точно ориентировались. Особенно горный мастер Валентин Федорович, который вовремя вывел всех людей с участка и, в спешке потеряв самоспасатель, благополучно выбрался из задымленного участка, зажав рот мокрым клочком рубахи. За своевременный вывод людей администрация выносит ему благодарность, а вот за то, что потерял самоспасатель, придется его наказать.

Нина наклонилась и закрыла лицо платком.

— Чудачка, — успокаивали ее подруги, — чего испугалась? Ведь тревога-то была ложная...

— Настоящая... — упрямо прошептала девушка, громко всхлипнув...

Наступал грустный вечер. Плотной сжав белые, искусанные губы, смотря куда-то во мглистую даль, Нина медленно шла по пустынной улице, на которую падали черные тени высоких тополей.

— Нина!

Девушка, узнав голос Николая, вздрогнула. Измученная, бледная, она обернулась. В глазах ее отразилось все: презрение, любовь, жалость. Но жалость не к себе, нет. Николай взглянул в ее глаза, попытался что-то сказать. И не посмел подойти ближе. Повернулся и побрел по пыльной дороге. Шел он неровно, косо, подняв одно плечо выше другого...

* * *

— Как же так, Николай? — после долгого молчания спросил я. — Ведь ты... Я знаю много случаев...

— Таким я стал не сразу, — горько улыбнувшись, ответил Николай Андреевич. — Я долго метался, не мог найти себе места. Уехал в самую что ни на есть глушь. Там строил новую шахту. «Таежную». Работал до иступления... Потом решил учиться! Пролетели годы. И вот... встретились...

Дождь кончился. На клумбах шептались большие головные цветы. Сквозь тучи проридалась луна. С веток срывались редкие крупные капли и падали на опущенную голову Николая Андреевича.

ПОКОЙ

Пахнет росой и медом,
В ярких цветах трава...
Как же ты, мать-природа,
В мудром покое права!
Красок и звуков крикливых
Здесь не видать, не слышать —
Жизнь твоя нетороплива,
Медленна и тиха.
Ивы в знойной истоме,
В солнечной тишине
Тенью скользя над Томью,
В звонкой дробятся волне.
Песней смутной, нечеткой
Дробной бегучей волны
Только сильнее подчеркнут
Мир вековой тишины.
Скалы-громады нависли
Крепостью над рекой,
Нет в них ни жизни, ни мысли —
Окаменевший покой...
...Но человек у обрыва
Камень облюбовал —
Грохотом тяжкого взрыва
Глухо рокошет обвал,
И тишина-недотрога
Срок свой недоспала —
И вырастает дорога,
И отступает скала.
Спорит с грузовиками
Эхо ручных громов.
И бесполезный камень
Будет служить, как фундамент
Новых гигантов-домов.
И в этом новом свойстве
Будет в покое весь век...
...В мудром своем беспокойстве
Как же ты прав, человек!

БЕРЕЗА

Все лето проливни да грозы,
А зори ясны поутру,
И косы мокрые березы
По-женски сушат на ветру.
И бриллианты дождевые
Роняют травы в полутьму —
Так хороши они, живые,
Что украшенья ни к чему.
Не оттого ль береза — символ
Природы русской, что она
Без лишней броскости красива
И в красоте своей — скромна...

В. ИЗМАЙЛОВ

СТИХИ

О ЛЮБВИ

Все стало понятней и проще,
И в тысячу раз больней...
Пустая вокзальная площадь
В разливе электрооgneй,
Ни едущих, ни идущих,
Пусты и перрон, и вокзал,
И не в кого жадно и ждуще
Впиваться усталым глазам.
Ну вот...

Не гадал, не чаял,
Лелея о встрече мечту,
Что будешь стоять, встречая,
Сияющую пустоту.
Удары сердца сминает
Оглохшая тишина...
И ничего не узнает
О боли твоей она.
Ах, жизнь!

Для чего ей надо
Со счастьем рядом беречь
Разлуки горький осадок,
Боль несостоявшихся встреч?
Как будто она пытается —
Проймет или не пройдет?
Кто боли не испытает,
Тот счастья всего не поймет.
...И жмет губы полынной горечью
Неотданный поцелуй...
Не нужно знать улице, горе чье
Шагает по ней во мглу.
Попробуй теперь не сутулиться
И силу души сбереги.
...По гулким, пустынным улицам
Медленные шаги...

ХЛЕБОЗОРЫ

Где неба и земли граница,
За горизонтову черту —
Скользнет далекая зарница
И утасует на лету...
И мнится мне:
Под темным небом,
Вдруг вспыхнуло озарено,
Враз распахнется море хлеба
С еще невызревшим зерном
И вновь исчезнет в мраке
черном...

А в первозданной тишине
Незримо зреют, зреют зерна,
И колос каждый миг полней.
И завтра золотого пшеницы
Поля зеленые зальет —
Ведь хлебозорами зарницы
Народ наш издавна зовет.
И слушает колосев шорох
Молчавший холм, притихший лес...
Ах вы, зарницы-хлебозоры,
Беззвучный воплеск, далекий
блеск...

ОСИНА

Березу любят все.
Но кто любил осину?
А ведь посмотришь — каждый раз она
В тревожной грусти трепетно-красива,
И в трепетной красе своей грустна.
...Безветрие и небо голубое,
Безмолвие и зной.
Земля парит...
Одна осина говорит с собою,
Печально и трезвожно говорит.
О чем она?
И что ей сердце гложет?
Какою думой шелестят листы?...
Ничья любовь ее не потревожит,
Никто-никто ее понять не может
И не оценит скромной красоты...
Ее назвать проклятой кто не смеет?
Но разве можно красоту проклясть,
Что над сердцами многими имеет
Волнующе-загадочную власть!
Проклятая...
Что мне в поверьях древнем?
Любуюсь я, взволнована душа.
Не золушка осина меж деревьев —
Она не сознает, как хороша!..

В. Мазаев

КОНЕЦ ЛОСИНОГО КАМНЯ

МАЛЕНЬКАЯ ПОВЕСТЬ

1
Среди палаток росли сосны. Сосен осталось немного, и они, выросшие в тесноте, продолжали изо всех сил тянуться вверх. Хотя в этом уже не было никакого смысла.

Бульдозер, урча и погромыхая, прополз между пнями и тюкнул отвалом по рыжему, в завитушках коры стволу. На брезентовую крышу палатки рухнул град шишек. Тотчас же в двери высунулось испуганное девичье лицо. Запахивая на груди халатик, щурясь, девушка крикнула:

— Черт сумасшедший! Умнее ничего не придумаю! Перепугал всех до смерти!

Володька Перковский, парень лет двадцати трех, в зеленом промасленном ватнике и в такой же промасленной кепке с оторванной пуговкой-нахлебником, соскочил с гусеницы, засмеялся:

— Будешь так ругаться, Ленка, без жениха останешься. Позови-ка Муниру.

— Если без такого, как ты, — ответила девушка, —

то дай бог! Чего ни свет ни заря притащился? Никакой тебе Муниры. Дай поспать девчонке — ведь еще и шести нету!

— Ну-ну, — примиренно сказал парень. — Разбуди, она сама просила. Чего там!

... Дорога, расплющенная тысячами колес и гусениц, шла вдоль реки. Бульдозер катился, поклеивая носом, взбудораживая устоявшиеся за ночь лужи. Мунира, смуглая черноволосая татарочка, в мужской рабочей куртке с закатанными рукавами и тапочках на босу ногу, сидела рядом с Володькой, ежась от утренней свежести.

Под мостом бушевала маленькая горная речка. За блестящими лбами валунов тянулись хвосты ослепительной белой пены. Загребая гусеницами воду, натужно урча, машина пошла вверх по руслу. Потом выбралась на берег, накренилась и по излому сумрачного, залитого туманом распадка поползла вверх.

Это была отчаянная, вне всяких правил езда. Шарахались в стороны, поникали зонтики медвежьей пучки. С хрустом уходил под гусеницы, точно набитый кирпичной пылью, бурелом. На осыпях трактор буксовал, зарываясь катками в каменное крошево. Володька сидел как влитой, рассчитанными движениями бросал рычаги. В его сужившихся от напряжения, смешливых глазах горели темные огоньки удалства.

Мунира, оглушенная ревом мотора, хваталась обеими руками за сиденье, с ужасом глядя, как от сумасшедшей болтанки оголяются ее колени. Одернув кое-как юбку, она бросала быстрый взгляд на блестящую слева гусеницу, на которую, как ей казалось, она должна была в конце концов свалиться. Только теперь она убеждалась, что разговоры о Володькином лихачестве — не выдумка.

Взревев последний раз, бульдозер задрал нос, плюхнулся на площадку, усыпанную валунами, заглох. Мунира выбралась из кабины и, покачнувшись, прошла по земле. Звенящая, удивительной чистоты тишина повисла вокруг. Девушка прошла несколько шагов и замерла в удивлении.

Внизу, у ног ее, подернутая дымкой рассвета, лежала стиснутая крутыми лбами гор долины реки. Повторяя ее изгибы, бежала крохотная змейка железнодорожной насыпи. Она рассекала поселок строителей надвое и убегала дальше, пока не упиралась в подножие скалы — гигантского базальтового сооружения природы, обросшего закорючками сосен и гривами чахлого кустарника. Скала эта носила название Лосиный камень.

Солнце уже взошло. Его огненная половина поднялась за Лосиным камнем. Туманный пояс, как кольцо Сатурна, охватывал скалу, уходил по реке. Отсеченный веером лучей, над поселком клубился сумрак.

— Ну, как? — спросил Володька. Он стоял позади, мямля в руках невесту откуда взявшийся у него длинный упругий стебель сараны.

— Хорошо. Просто замечательно!

Мунира присела на сизый от росы камень, улыбалась, щурясь на нежаркое, размытое дымкой солнце.

— Видишь те кедры? Стоят, как патриархи, — сказал Володька. — Когда построим дорогу, я вернусь сюда и велю поставить на этом месте дачу. Шишки буду бить...

— Ой, и влетит тебе! — помолчав, сказала Мунира.

— За что? За дачу?

— Нет. Что машину сюда загнал.

— Влетит — это верно, — согласился парень. — Ежели прораб узнает, конечно. — Он присел рядом с девушкой, с шутилой грубоватостью обнял за плечи. — Хрупкая ты. И как тебя папа с мамой в такую даль отпустили?

— Ничего. Отпустили. — Мунира сделала слабую попытку освободиться. — А цветок ты где сорвал? Какой красивый! Правда?

— Правда. Возьми. Зацепился, бедняга, за кронштейн.

Мунира взяла сарану, поднесла к губам. Нежно-розовый, обласканный зарей цветок был холоден, как лед. Его узкие, в красных прожилках лепестки, свернувшись тугими кольцами, хранили в себе едва различимый аромат отцветающих трав.

Володька искоса смотрел на чистый, мягкий овал ее лица, прижмуренный треугольничек глаза, на проколотую мочку уха, такого же маленького и розового, как лепесток сараны, и со странным чувством радостного недоумения думал, что еще недавно он и не подозревал о существовании этой девушки. Да и познакомились они не совсем обычным образом.

При отсыпке гравия на полотно один из шоферов зазевался, и грузный самосвал, пятясь, сполз с насыпи. Мимо проезжал Перковский. Надо было помочь товарищу. Въезд показался Володьке далековатым, и он, подняв отвал, напрямик влетел на полотно. К нему подбежала маленькая, закутанная в шаль планировщица и, тыча флажком в обрушенное полотно, закричала:

— Вперся! Видали его! Тебе что, трудно было объехать? Да? Трудно? Да?

Володька подцепил самосвал, одним махом выдернул его, собрался было тем же следом вернуться на дорогу. Планировщица с отчаянной решимостью встала перед бульдозером, сжала кулачки:

— Езжай в объезд, дурак такой! Езжай, дурак!

— А ну, чернявая, поберегись! — крикнул Перковский, бросая машину вперед, уверенный, что в последний момент девушка отбежит в сторону. — А ну, счастье не мое, посторонись малость! Раздавило всю — что жениху останется?..

Грохочущая махина двигалась на девушку. Володька, чертыхнувшись, едва успел рвануть рычаги. Нож отвала замер перед грудью упрямой планировщицы.

— Вот девка!..

Перковский прыгнул на землю. Бледная даже сквозь восточную смуглость лица, она стояла с зажмуренными глазами, и флажок дрожал в ее руке. Когда Володька подошел к ней, она, неожиданно для него, ткнула ему в грудь лицом и, всхлипнув, опустилась на кучу гравия. Так она напугалась.

Володька столбом стоял над девушкой, двигал со лба на затылок кепчонку, вконец обезоруженный таким исходом дела...

II.

На картах всех изыскателей трассы Лосиный камень был обведен жирным карандашом как место исключительно сложное. Справа от дороги базальтовая гряда почти отвесно обрывалась в воду, и мелкие частые волны, загнанные в каменный рукав, яростно лизали ее замшелые бока. Прибойная полоса тянулась, как ватерлиния корабля. Слева скала перерастала в горный кряж, от него начинались владения черневой тайги.

Три месяца бились вокруг камня строители. Три месяца изо дня в день геологи и гидрологи, на-

грузившись приборами, по высохшему руслу ручья с зарей уходили на камень. Они вымеряли его гигантское тело; с помощью взрывов прослушивали сейсмографами; бурили камень и пробивали многочисленные шурфы.

Утро, когда решено было произвести массовый взрыв, наступало мгlistое, зоревое. Где-то бушевали таежные пожары. Горько-смоляной запах пала, припадая к задымленному росой разнотравью, наплывал на поселок.

Люди в поселке поднялись еще засветло. Томимые ожиданием, бродили от палатки к палатке, от барака к барак; сидели группами на высоких крылечках, курили, посматривали в сторону Камня.

Время приближалось к семи.

Ястребы, словно почуяв недоброе, крутыми спиралями уходили прочь. Паровой кран, прозванный строителями «пекашкой», грузивший на платформу пакеты, несмело пискнул и тотчас же умолк.

И едва успел белый комочек пара растаять в воздухе, как натужно и тяжело охнула под ногами земля. Какое-то мгновение Камень продолжал стоять. Но уже в следующую секунду он разом — от макушки до колен окутался пылью и, теряя очертания, стал стремительно расти и крениться на бок. Теперь он походил на гигантский вырванный с корнем куст, закрывший полнеба. Задержанный расстоянием, докатился грохот. Куст распадался. Несколько секунд реку словно хлестали бичами. От берега к берегу дыбился пенный шквал. В воздушных воронках вихрилась пыль.

Небо на востоке светлело, приобретая утраченный было розовый оттенок.

И вдруг случилось чудо.

Там, где только что высился Лосиный камень, вспыхнуло солнце. Лучи его мягко и несмело коснулись поселковых крыш, скользнули по брезенту палаток, высекли искры из окошек-интерминаторов. Люди в поселке щурились глаза, смеялись. За три месяца, которые они прожили здесь, они ни разу не видели восхода солнца! Его заслонял камень. Кто-то подбросил шапку, закричал «ура», восторженно заверещали девочки; машинист «пекашки», морща чумазое лицо, тянул за сигнал и тоже кричал, стараясь пересилить высокий сверлящий звук.

..Большая часть скалы обрушилась в воду, стиснув и без того узкое ее русло. Вода хлопотала, стеклянно горбилась, перекатываясь через донные валуны... Тайга на крутизне противоположного берега, жестоко посеченная каменным градом, скалилась белыми костяными изломами.

За бульдозерами, расчищавшими путь, переваливаясь по-гусиному, на площадку выполз экскаватор. Следом уже тянулась цепочка автомашин. Огромный ковш описал дугу и с ходу опрокинулся над первым самосвалом. Самосвал присел, точно конь под грузным седоком, рыкнул и, стреляя дымом, полез на дорогу... А его место уже занимал следующий. Бульдозеры, построившись в ряд, дружно спихивали с обрыва щебенку.

Но не было среди них машины Володьки Перковского. И никто — ни бригадиры, ни прораб, ни сами ребята-бульдозеристы не знали, где мог быть в такую горячую минуту жадный до работы, но бесшабашный в своих прихотах Володька.

III.

А с Володькой приключилась беда. Впервые, пожалуй, за время его пребывания на строительстве, фортуна изменила ему. И выбрала для этого такой неподходящий момент!

Накануне вечером он нарочно задержался после смены. Когда участок опустел, Перковский круто развернул машину и по знакомой ему дороге — руслу горной речушки — поехал в тайгу. Было еще светло, однако в глухих распадках, под шатровой завесью елей уже скапливался сумрак, и нужно было спешить.

Вот и светло-зеленый островок кедрача. Обогнув на предельном крене оползень, Володька осторожно провел машину между притаившимися под валежником валунами. Кедр-бородачи стояли хмуро и величественно, и ядреные, облитые янтarem шишки висели, как медали.

Облюбовав один из них, Перковский сразгону кинул вперед бульдозер. Кедр загудел, качнул верхушкой; десятка полтора шишек, стуча по веткам, посыпались на землю. На стволе остался глубокий рваный рубец. Володька попятил машину и снова боднул дерево. Потом вылез из кабины, отцепил болтавшееся на задней фаре ведро и принялся деловито собирать шишки.

Густели сумерки. Из низин потянуло погребной сыростью и тленным запахом трав. Володька сунул ведро с шишками в кабину, включил фары и тем же путем двинул назад. Лавируя среди замшелых бородачат глыб, торопясь, он резко повернул машину и, холодея, услышал пронзительный скрежет железа о камень, хруст — и машина замерла.

Приглушив двигатель, он прыгнул вниз. Яростно отмахиваясь от гнуса, обошел кругом. Правая гусеница, смутно поблескивая, распласталась по следу. Передний каток уже увяз в земле, но задний вместе с ленивцем еще стоял на ленте. Володька для чего-то потрогал срезанный штырь, пнул гнилую колодину и, морщась, будто ему довелось разжевать горькую ягоду, полез в кабину.

Несколько минут он сидел, бездумно глядя в дятряную темь тайги, слушал ее ночные звуки. Когда рядом гулко ухнула невидимая птица, Володька вздрогнул и зажег свет. Нужно было что-то делать.

Он вытащил буксирный трос, один конец привязал к гусенице. Другой накрепко замотал вокруг колеса ленивца. Сел за рычаги, осторожно включил скорость. Ленивец завертелся, наматывая трос, потянул на себя ленту. Володька вылез, стал отвязывать трос; не удержавшись на зубьях, гусеница с лязгом скатилась на землю. Пришлось все начинать сначала.

Вторая попытка также окончилась неудачей. И третья. И пятая. И пятнадцатая. Как только Володька снимал трос с ленивца, чтобы дать ему дальнейший ход, гусеница от собственной тяжести рушилась обратно.

Ночь была по-таежному холодной, но он то и дело смахивал с бровей пот. Он тяжело дышал и, оставляя двадцатый раз кабину, уже не прыгивал, как прежде, а трудно сползал на землю. Он надеялся на счастливую случайность, только на случайность, которая поможет ему втянуть и закрепить эту проклятую гусеницу.

IV.

Коротки летние ночи. Вялый знобящий рассвет пробивался сквозь сеть ветвей, когда Володька, забравшись в кабину и, уронив голову на черные, горящие ссадинами руки, забылся в полусне, в полудремоте.

Проснулся он от холода. Стуча зубами, потянул на затылок фуфайку, вяло подумал:

«Пусть все катится к чертам. Буду спать, пока не выплещу. Все одно — не миновать разноса». И

Будем О ЗНАКОМЫ

Владимир Мазаев родился в 1933 году. В г. Сталинске закончил десятилетку и историко-филологический факультет Сталинского пединститута.

Все студенческие годы принимал активное участие в работе литгруппы при редакции городской газеты «Кузнецкий рабочий».

Первый рассказ Мазаева «В половодье» был напечатан в 1953 году в молодежной газете «Комсомолец Кузбасса».

После окончания института В. Мазаев сотрудничает в редакции той же газеты.

сквозь паутину дремы, цепко державшей его, услышал далекий и резкий, как хлопок бича, взрыв.

Он открыл глаза, посмотрел на часы: без десяти минут семь. Володька знал — перед массовым взрывом всегда подается сигнал — маленький предупредительный взрыв. Сон мигом соскочил с него. Рывком открыл дверцу, выпрыгнул из машины и сразу по пояс утонул в зыбком припадающем к земле туманном облаке.

Володька побежал напрямик. Седые от росы травы и кустарники с первых же шагов хлестнули его ледяным душем. Только бы успеть добежать до склона — оттуда Лосиный камень как на ладони.

Ему казалось, что он непременно, во что бы то ни стало должен увидеть его гибель. Он бы и сам не смог объяснить, что с ним происходит в эти минуты. Месяцы работы на подступах к Камню, бесчисленные разговоры о нем строителей отпечатаны в Володькином сознании величественный и одухотворенный образ этого молчаливого гиганта. И сейчас, сию минуту, этот гигант должен умереть, и Володька, ждавший этого момента столько вре-

мени, не увидит ничего из-за какой-то глупой случайности.

Он задыхался. На пути встал ложка, буйно заросший кустами волчьего лыка, папоротником. Володька скатился вниз и, морщась от заливавшего глаза пота, полез по косогору.

И в этот момент словно кто дернул из-под его ног землю. Весь мир дрогнул и закачался от тугого подземного удара. Гукнуло и покатилося, дробясь, эхо. Тревожный шорох прошел по тайге. Володька зацепился ногой за валежину, с размаху упал лицом в пахучий, забивающий дыхание куст папоротника.

V.

Васька Шелепаху шел со смены, волоча по траве черный, пропитанный маслом ватник. Возле палатки остановился и, сунув голову под рукомойник, приколоченный к сосне, долго стоял так, удовлетворенно отфыркиваясь. Потом прошел в палатку, переделся, сел на свою постель. Соседняя кровать, Володькин Перковского, стояла по-прежнему неразобранной...

Васька прилег на подушку, зажмурил глаза. Мягкие, неслышные волны качнули его, наливая гудящей тяжестью каждую клеточку тела. Только сейчас он почувствовал, как устал.

Ребята, переодевшись, один за другим уходили в столовую. Васька подождал, пока палатка не опустела, поднялся и полез в свою тумбочку. Он вытащил оттуда начатую банку консервов, хлеб, развернул тряпицу с солью, потом другую — с сахаром-песком. Нацедил из титана кипятку и принялся за ужин. Он ел ложкой мясо, облепленное белыми шариками сала, запивал кипятком и огрубевшими, плохо отмытыми пальцами крошил хлеб. В столовую он ходил редко — не было денег — и ел всегда тайком от ребят — стеснялся.

Жизнь у Васьки сложилась трудно. Пятнадцати лет он бросил школу и связался с воровской компанией. Годы через два их компания попала, и Васька сел на скамью подсудимых. Мать его работала кондуктором на междугородном автобусе. Однажды зимой, в пургу, автобус застрял в поле, мать простудилась и слегла. Две Васькиных сестренки остались на попечении родственницы-тетки.

Последнее письмо от матери Васька получил уже в тюрьме. Оно потрясло его. Мать писала: «Я прожизну недолго, может быть, до весны. Мы уже не увидимся, пусть бог простит тебя. Наш отец, когда уходил на войну, просил меня вырастить детей честными людьми. Я не выполнила его просьбы...» Она не упрекала его, не умоляла, и Васька, читая письмо, плакал. Он написал тетке и попросил приютить сестренку, обещая расплатиться с ней по возвращении.

Вышел он из заключения повзрослевший на десять лет, замкнутый. Денек побывал у сестренки и укатил в дальние края на строительство дороги. Зарабатывал Васька неплохо, но большую часть денег отсылал тетке, которой трудно-таки приходилось с чужими детьми...

VI.

Кто-то постучал в дощатую дверь. Васька стал поспешно собирать в тумбочку остатки своего ужина.

— Да-да! — сказал он и стряхнул с одеяла крошки.

Вошла Мунира. Она была в светлом легоньком платье, чуть прикрывавшем колени и делавшем ее

еще тоньше и стройнее. В руке она держала черемуховую веточку — должно быть, от комаров.

— Здравствуй еще раз, — сказала Мунира, оставиваясь около Васьки. Помолчала, хлопая веточкой по спинке кровати, спросила, — Володя где, не знаешь? Что-то я его на Камне не видела.

— Его и не было там, — хмуро проговорил Васька, отводя взгляд от коленей девушки.

— Где же он может быть? Странно.

— Я было хотел к тебе идти — справиться, — Васька усмехнулся. — Садись, в ногах правды нет.

Розовели закатные облака. Их горячий отблеск проникал в палатку сквозь круглые оконца. И нельзя было понять, отчего зарделось лицо Муниры: то ли от смущения, то ли от этого робкого уходящего света.

— Я, может, и спрятала бы его, — вызывающе сказала она, трепеща ресницами, — только ведь бесполезно: бульдозер выдаст! Машины-то его тоже не выдать.

«Красивая, — подумал Васька, искоса глядя на девушку. — И гордая, как черт. Одно слово — татарская кровь».

— Хороши друзья, — продолжала Мунира. — С человеком, может, беда или какое другое несчастье, а им и дела мало... Может, он на сборочную базу уехал, а?

— Кто его знает. Может, и уехал.

— Или в Табалу?

— Может, и в Табалу. Ему и туда ничего не стоит.

— А бригадир что говорит? — помолчав, спросила она.

Васька вдруг улыбнулся, взъерошил волосы.

— Дословно повторить?

— А ну тебя! Какой тоже! — Мунира смутилась. — Я же серьезно.

— Куда уж тут серьезней! — Васька неожиданно посуровел, нахмурился, крепко сцепил пальцы. — Такой трудный день, работы — под подвязку, а он, видите ли, прогуляться поехал. Машин не хватает, ребята по две смены мантулят, а Перковский такси из бульдозера сделал, катается... и других катает.

— Я с ним всего один раз ездила, — поспешно проговорила Мунира, — можешь у наших девочек спросить. Я не напрашивалась, он сам предложил.

— Да я не о тебе, — Васька махнул рукой, отвернулся. — Я вообще...

Мунира ушла. На полу осталась лежать брошенная веточка с увядшими, обтрепанными листьями. Васька поднял ее, повертел в руках. Веточка хранила еще тепло девичьей ладони. Васька машинально растер в пальцах листочек, горьковатый черемуховый аромат защекотал ноздри. Он лег, зажмурил глаза и с ожесточением зарылся лицом в жесткий, пахнувший шерстью ворс общежитского одеяла.

VII.

Среди ночи кто-то долго тряс его за плечо. Не в силах поднять отяжелевшую, невыспавшуюся голову, Васька мычал, отворачивался, тянул на уши подушку. В конце концов он сел на постели, зевнул так, что выступили слезы, открыл глаза.

Перед ним стоял Перковский. Лампочка у входа, горевшая от движения, светила в полнакала. Даже при ее мигающем, робком свете видно было, как осунулось, покрылось нездоровой краснотой покусанное гнусом Володькино лицо. Из порванной фуфайки торчал клочок ваты. Правая ладонь была перевязана грязным носовым платком.

— Вставайте, граф, вас ждут великие дела, — сказал он, убедившись, что Васька окончательно пришел в себя.

— К черту, — пробормотал тот, кутаясь в одеяло. — Меняю титул графа на час спокойного сна. А-у-уф!..

Володька усмехнулся, присел на свою скрипящую кровать.

— Ваше предложение опоздало лет этак на пятьдесят. Теперь другой спрос... Проснулся?

— Проснулся. Ты короче. Мне с восьмью на смелу, а я еще не добрал... Х-холодно, черт.

Перковский поправил на ладони повязку, по-детски оттопыривая губы, дунул под нее, поморщился.

— Коротко, брат, тут как ни крути — не получится. Влип я, как муха, в это самое... в навоз.

— Ты без сравнений. Я же сказал — спать хочу. Тогда Володька полушепотом, боясь разбудить ребят, рассказал о своей аварии в тайге.

— Понимаешь, — закончил он, — поломка пустяковая, а один я хоть неделю бейся — ни фиги не добьюсь. Четыре руки во как надо!

Васька долго молчал, сопел, шевелил пальцами ног под одеялом. Перковский сидел напротив и тоже молчал, качая, как куклу, перевязанную руку. Потом Васька слез на пол, ежась от холода, стал надевать штаны. Прыгая на одной ноге, не попадая в штанину, зло бросил:

— Догастролировался, артист! Доигрался! — он посопел еще, потянул рубаху. — Наломал дров и тайком ночью заявляешься — знаешь, что нельзя сейчас ребятам на глаза попадаться.

— Ладно тебе! Ты и вправду подымаешь всех.

— Если бы не нужны были машины позарез, — уже тише продолжал Васька, шаря рукой под кроватью, — сидеть бы тебе эту самую неделю в тайге, комара кормить. Ни за что бы не пошел! И ремонтники бы отказались, не пошли... Черт, где же ремни?

— Вон, на спинке висит.
— Совесть надо иметь! Шишек ему, видите ли, захотелось. На кой они тебе сдались, эти шишки? Пошли в воскресенье, набили — сиди, лопай, сколько влезет... Идем, что ли?

— Идем. Ты поражаешь меня, Василий.
— Чего? — Васька даже приостановился.
— Золотые слова говоришь. Готов их слушать. Но только, понимаешь, в другое время. В часы досуга, например.

— В другое... — проворчал Васька, выходя из палатки и глубже нахлобучивая кепку. — В другое время ты и слушать не станешь. Сейчас в самый раз... Далеко?

— Километров семь.
— М-да. Инструмент какой нужен?
— Я все взял. Вот разве переноску?
— Погоди, я захвачу. Она у меня здесь, в тумбочке.

Володька, оставшись один, прислонился спиной к столбу сосны, поднял больную руку. Прошлой ночью, заматывая трос, он проколол ладонь, и теперь рана ныла и дергала, должно быть, нарывала. Ветра почти не было, но сосна гудела, как пустая бутылка, и Володьке казалось, что это гудит его разбитое усталостью тело.

Из-за соседней палатки кто-то вышел, остановился. Постояв в нерешительности, белеющая в темноте фигурка, зигзагами, обходя пни, двинулась к Володьке. Он уже узнал ее и, удивленный и растерянный, ждал ее приближения: был уже второй час. Мунира, в наспех наброшенной на плечи курточке,

робко подошла к нему и, глядя на него снизу вверх, проговорила:

— Я видела, как ты прошел... и вот — вышла.

Володька, еще не избавившись от растерянности, почувствовал, как теплая, непривычная волна нежности колыхнулась в его душе. Она не спала потому, что беспокоилась о нем! Пряча за спину перевязанную руку, он молча, боясь выдать голосом волнение, обнял ее здоровой рукой.

— С тобой что-нибудь случилось. Да? Случилось? — Мунира ожидающе глядела ему в лицо, и он, ощущая на подбородке ее теплое дыхание, теряясь от доверчивости, неуверенно поцеловал ее. Несколько мгновений они стояли, не разговаривая.

— Ничего особенно не случилось, — наконец произнес Перковский, и голос его прозвучал деланно, неискренне. — Застрял в тайге, лента лопнула. Сейчас вот пойдем с Шелепахой, отремонтируем. Ну, иди спи. Завтра увидимся.

За их спиной стукнула дверь — в ночную темь упал и тотчас же исчез конус света. Мунира сделала шаг назад, потянула сползшую с плеч куртку.

— До завтра!

VIII.

На рассвете к стоянке мехколонны подъехал бульдозер. Гусеницы его, отмытые росой, блестели, точно натертые ртутью. Машина заняла пустующее место и, выстрелив в небо кольцом дыма, затихла. Из кабины вылезли два парня, закурили и тяжелой походкой уставших людей направились к палаткам. Это были Перковский и Шелепах.

В восемь утра они снова выехали на рабочий участок.

Там, где еще недавно вздымался Камень, рабочие взрывпоезда всю ночь крошили огромные базальтовые осколки, называемые на языке строителей негабаритами. Шелепах работал на участке с крупным камнем. В продолжение первого часа он с трудом перебарывал одолевавший его сон. Глазам было больно, будто их запорошило песком. Мало-помалу возбуждение, которое всегда вызывала в нем работа, рассеяло сонную усталость, и он с облегчением подумал, что ему все-таки удастся dotянуть смену.

Железо яростно скрежетало о камень. Серая тяжелая пыль висела над площадкой. Она скрипела на зубах, першило в горле. Васька заунынным движением подхватывал камень, волочил его к реке, спихивал с обрыва и, уже не глядя на него, пятился за следующим. Камень, глухо стуча и высекая искры, катился вниз и с длинным всплеском исчезал в воде. Недалеко гудела машина Перковского. Каждый раз, делая левый поворот, Васька видел в заднем окошке пшеничные Володькины вихры.

Это была однообразная, утомительная работа. Солнце уже стояло в зените. Оно калоило землю, и в кабине было душно и пахло горячим железом. После обеда, крутя пускач, Васька обжег о капот пальцы. Берясь за рычаги, он вновь почувствовал, как сон туманит, раскалывает голову и нет сил, чтобы избавиться от него. Васька стал работать стоя. Потом остановил машину, спустился к реке и долго плескал в лицо не по-летнему студеной воду.

Потом он мельком увидел, как на площадку зашел начальник мехколонны, высокий, с обгоревшим от солнца лицом, мужчина подозвал к себе Перковского. «Ну, баня начинается», — вяло подумал Васька и включил скорость. Временами привычный гул мотора вдруг глож в его ушах, и Васька, встря-

хивая головой, медленно возвращался из короткого мучительного забытья.

Все, что произошло потом, Васяка помнил смутно. Он уснул мгновенно, и несколько секунд машина шла без управления. До обрыва, под которым клокотала, вила воронки река, оставались считанные метры. Начальник колонны опытным ухом уловил сбои в моторе, оглянулся. Водитель сидел, склонив трясущуюся голову, спал. Срывая голос, начальник закричал. Шелепаху восторженно, рванул рычаги, но было поздно. Передние катки уже повисли над обрывом. Машина остановилась, словно раздумывая, и медленно стала клониться вперед. Васяка яростно дергал рычаг скорости, надеялся сдать назад.

— Прыгай! — раздался крик. — Прыгай, т-воюю!..

Под гусеницами рухнули камни. Бульдозер резко качнулся. Васяка с перекошенным от отчаяния лицом высунулся из дверцы и прыгнул в грохочущую каменную лавину.

Бульдозер тяжело, словно в замедленном кино, стал опрокидываться через отвал и, брызжа стеклом, рухнул вниз. Вместе с пенным всплеском в воздух поднялись клубы пара. Волны сомкнулись, над водой остался сиротливо торчать уголок обточенного до блеска ножа. Течение подхватило, понесло радужные ручейки машинного масла.

Первым подбежал к Васяке Перковский. Тот лежал, неловко подвернув руку, прижавшись щекой к шершавому обломку. Обе ноги его были придавлены камнями. Володька, сдирая с ладони вязку, отвалил их; Шелепаху застонал. Капли пота наискосок потекли по его лбу.

Его вытащили наверх и осторожно положили, он задыхался сквозь стиснутые зубы, откинул голову. На лице его проступили веснушки.

Володька стоял над ним и непослушными, трясущимися руками машинально отряхивал подобранный кепку друга. Она была без пуговицы, болталась только на ниточке, и Володька вдруг подумал, что и у него — какое совпадение! — оторвана пуговица. И сейчас же ужаснулся, что думает об этом в такую трагическую минуту...

IX.

Вечером в низеньком и словно приплюснутом разлапистой крышей бараке — клубе стройпоезда — было тесно. Те, которые не могли пройти внутрь, стояли кучкой у дверей, вытягивая шеи. Под потолком на грубых изогнутых шнурах висели лампочки без абажуров, струили на лица дрожащий свет. На сцене стоял стол, покрытый кумачовой скатертью.

Из-за стола поднялся парень в куртке. Среди застёжек-молний блестел комсомольский значок. Погладив ладонью скатерть и выждав тишины, он сказал, тщательно подбирая слова, помогая себе жестом.

— Сегодня на повестке нашего собрания один вопрос: дело комсомольца Владимира Перковского. — Он так и сказал «Дело Перковского» и строго — от стены к стене оглядел зал. — Он здесь?

Прошло несколько секунд тишины, и несколько голосов вразнобой откликнулись:

— Здесь!

— Тут он!

— Вон он сидит, под стенкой!

— Перковский, выйди к столу, — сказал председательствующий, разглаживая и без того гладкую скатерть.

Володька медленно поднялся и, прижимая к гру-

ди забинтованную руку, не глядя на лица тех, кто уступал ему дорогу, нерешительно пошел к сцене. Он встал возле стола, высокий и нескладный, с хмурым, осунувшимся лицом и крепко сжатыми губами. Кумачовые складки скатерти касались его кирзовых обшарпанных сапог.

— Все, должно быть, знают, что произошло сегодня на четвертом, — сказал председательствующий. — Но я должен все же коротко рассказать собранию суть дела... Позавчера Перковский на своем бульдозере после смены самовольно поехал в тайгу. Зачем, вы думаете? Он решил с помощью бульдозера набить шишек. Там, в тайге, он врезался в валуны и порвал гусеничную ленту. И что вы думаете? Он набрался мужества, пришел и честно рассказал о случившемся? Ничего подобного! Он трусливо, как самый настоящий заяц...

— Хорошо бы без художественных сравнений, — хмуро бросил Перковский.

—...Трусливо просидел в машине целую ночь и потом целый день. И это в такое ответственное для нашей стройки время!.. На следующий вечер он тайком, как... вообще, пришел тайком в поселок и увел с собой Василия Шелепаху. Всю ночь они провозились там, а на утро Шелепаху сел на машину усталый и во время работы уснул. Произошла, естественно, авария. Машина в результате разбита, а Шелепаху, — наш лучший бульдозерист — только чудом остался живой. Вот во что нам обошлась прихоть Перковского. Он, кстати, и раньше не отличался дисциплинированностью. О его проделках знает, пожалуй, вся стройка. — Председательствующий немного помолчал, словно бы подыскивая, что еще сказать, подергал «молнию». — Мы должны сейчас честно, по-комсомольски, осудить поведение Перковского и сделать выводы. Партизанщина нам на стройке не нужна.

Не успел он сесть, как из дальнего угла раздались голоса:

— Пускай выкладывает билет и сматывает монетки! Вот и все ему осуждение! Шишкарь нашелся!

— Гнать и никаких выводов!

— Правильно!

— Это чересчур!

Володька наклонил голову, цепко, до белизны ногтей сжал кромку стола.

— Товарищи, товарищи! — поднялся вновь председательствующий. — Оставьте выкрики при себе, мы не на базаре. Кто хочет выступить по существу? Ты, что ли, Горбунов? Давай говори.

В середине зала встал высокий круглолицый парень, подстриженный ершиком.

— Обознался, секретарь, — сказал он глухим басом. — Это Радюк хотел. Но все равно — я тоже скажу... Я знаю Шелепаху, мировой парень, жаль, конечно, его. И Перковского давно знаю. И скажу, что Перковский в подметки ему не годится. Несерьезный ты человек, Перковский, вот что я тебе скажу. И я просто удивляюсь, как тебе все твои штучки сходили с рук.

— Говори по делу, — крикнул кто-то. — Нечего тревить!

— Я и говорю. Вы слышали про случай, когда мы проходили двести седьмой километр. Шувалкин, начальник снабжения, сидел на берегу, рыбу ловил. Человек солидный ведь, не мальчик. А что сделал Перковский, Помните? Подъехал тихонько — он это умеет! — и словно ладошкой, аккуратно спихнул его с берега вместе с его банками. Пока Шувалкин вылезал из воды да ловил свои удочки, Перков-

ского и след простыл. Говорят, это он сделал на спор. Разве это не легкомысленность? У нас не детская площадка, а стройка. Я считаю, что Перковскому на стройке не место... У нас бы с ним давно рассчитались!

— Это где — у вас? — раздался с заднего ряда задиристый девичий голосок.

— У нас, у геодезистов.

— А-а, — протянул голосок. — Это где приходят рано, уходят поздно, весь день бегают и все без толку!

По лицам словно рябь пробежала, все заулыбались, оглядываясь. Горбунов тоже нехотя улыбулся, сел.

— Позвольте! — С первого ряда поднялся парень в спортивной майке, с крутыми плечами и сильной загорелой шеей. — Позвольте мне сказать. — Он повернулся к залу и выкрикнул вдру: зло, словно его толкнули под бок. — Что смешного в словах Бабочкиной? Старо, плоско! А Горбунов правильно сказал, я тоже присоединяюсь к его мнению. Наша стройка, можно сказать, на всю страну известная, и таких, как Перковский, не надо близко подпускать к ней!

Однако реакция зала оказалась совершенно неожиданной. Все еще откровенней заулыбались; слышались реплики:

— Ты, Головач, расскажи тоже, как тебя Перковский обидел!

— Давай, не стесняйся!

— Он теперь свой вагончик к сосне тросом приывает.

— Ай, да Головач!

Дело обстояло так. Головач считался физруком стройпоезда и по совместительству работал библиотекарем. Целые дни он сидел в маленьком, поставленном на полозья вагончике, выдавал книги, клеил монтажи или чистил малокалиберную винтовку — единственный имевшийся у него «спортивный инвентарь». Утром, когда рабочие уезжали на трассу, Головач запирался изнутри и заваливался спать. Однажды Перковский, проезжая мимо, заглянул в окошко — Головач спит. Он подцепил вагончик буксиром и, плавно развернув его, поволок в тайгу. Вскоре он свернул с дороги и, затащив вагончик в густой ельник, отцепил его. Часа через два в поселке появился Головач. Руки, в которых он держал винтовку, тряслись. Он был бледен, и когда вбежал к начальнику стройпоезда, то долго не мог ничего сказать вразумительно — так он перепугался.

— Я знаю, чьих это рук дело! — кричал он, заикаясь. — Жаль, что я не проснулся вовремя. Я бы убил его, как собаку!

С тех пор в вагончике он больше не ложился...

— Все ясно, Головач, садись! — орала ему из зала.

— Позвольте!

— Не позволяем! Регламент!

Головач опустился на скамью, сердито вертя шей. «Ну и порядочки!» — бросил он председателюствующему. Минуты две собрание шумело так, что ничего нельзя было разобрать. От задних рядов к сцене проталкивалась Мунира, упорно раздвигая плечом спины. Очутившись у сцены, она трянула косами, одернула свитер.

— Как не стыдно! — крикнула она срывающимся от волнения голосом, тяжело дыша. — Как не стыдно! Решается судьба человека, а вы смешки, шуточки!..

— Верно, какой может быть смех в реконструктивный период!

— Хватит острить! — рывкнули из угла. — Сагдулина дело говорит!

Шум стал стихать. Но Мунира ничего больше не могла произнести. Она стояла молча, беспомощно и жалко оглядывала зал, не зная, куда деть свои руки. Зал успокаивался. Мунира все с большим ощущением непоправимого понимала, что порыв ее кончился, и она не может больше сказать ни слова. И в наступившей тишине громко и уверенно прозвучала, словно заранее подготовленная, реплика Головача:

— Сагдулина испугалась, что останется без поклонника. А чего бояться — нас здесь вон сколько — любого выбирай!

И он с победным видом оглядел соседей, довольный своей эффектно брошенной шуткой.

Но никто не засмеялся. В группе девушек, сидевших на передней скамье, кто-то приглушенно ойкнул, да рябью прошел по рядам шумок. Мунире словно ударили в грудь. Она прижала руки к груди и пошла, потом побежала к дверям.

X.

Собрание вновь загудело. Теперь уже недобро, встревоженно. Секретарь тщето хлопал ладонью по столу: «Товарищи! Товарищи!» На сцену выскочил паренек в распахнутой брезентовке, с веснушчатым, как сорочье яйцо, широким лицом. Сердито тыча в сторону первого ряда кулаком с зажатой в нем кепкой крикнул:

— За такие слова надо бить! Да, бить! Понял, Головач? И чем больнее, тем лучше!

— Так его, Генка! Пусть не болтает, чего не след!

— Женатик, а тоже — в поклонники набивается!

— Я не знаю, как с Перковским, — продолжал запальчиво Генка, — гнать его со стройки или нет — это решит собрание, — но вот таких, как Головач, гнать надо непременно. Чистенький нашелся! Пижон! Сидит в своем вагончике, книжки перебирает, а Сагдулина — девчонка! — на трассе работает!

— Позвольте!.. Позвольте! — выкрикивал Головач, красный от возмущения. Он делал попытки встать, но его осаживали сильные руки соседей. — Позвольте! Это оскорбление!..

Генка кричал сквозь шум «пижон!» и еще что-то, размахивал кепкой, но его уже заслоняла широкая спина парня с взъерошенным, выгоревшим добела чубом. Парень встал, раздвинув ноги, точно под ним качалась сцена, стряхнув на переносицу льяной чуб. Он стоял молча, и это подействовало на зал сильнее, чем хлопки председательствующего. Стало тихо.

— Я что-то не возьму в толк, — сказал он, — чье поведение мы обсуждаем — Перковского или Головача?

— Вот-вот! — крикнул Головач с места. — Я об этом и хотел спросить!

— Если Перковского, — продолжал парень, обводя взглядом зал, — то причем здесь библиотекарь Головач? Если Головача, то причем здесь Перковский?

— Я выступил по существу, — крикнул Головач, — а они зажимают! Какая же это свобода слова!

— Помолчи, Головач! — парень резко повернулся. — Правильно Генка тебя обрезал, еще не так надо!

— Ого! — воскликнул кто-то.

— Нечего огокать! Правильно, но не вовремя!.. За такие реплики, Головач, полагается...

— Бить, — подсказали с рядов.

— ...выводить из зала, — поправил дипломатично парень. — Теперь о Перковском. Здесь Горбунов рассказал нам занимательную историю про то, как будто бы искупался наш горячо любимый товарищ Шувалкин. Должен вам сказать, что эта история обросла легендой. В самом же деле было немножко иначе. Шувалкин под маркой рыбной ловли выпивал на берегу с одним хлюстом. Перковский поехал на них бульдозером. Они, конечно, кинулись кто куда, и Перковский спихнул с обрыва, как говорится, весь их стол. Шувалкин не посмел пожаловаться, ведь у него самого рыльце было в пуху, и — честное слово! — питание на стройке после того значительно улучшилось. — Он улыбнулся, смахнул ладонью с переносицы чуб. — Шучу, конечно. Беда не в том, что Перковский изволил время от времени побаловаться. Беда в том, что мы едва не аплодисментами встречаем каждую его новую шалость. Пересказываем друг другу чуть не в захлеб. Чего правды бояться? Ведь неплохой, в сущности, парень Володька. Веселый, остроумный. Обратите только внимание — вся стройка переняла его словарь. Все эти шуточки, присказки, словечки, гуляющие среди нас, — его, Перковского! Вчера на заправочной был. Гляжу, стоит девчушка в халатике, ростом с автопокрышку. А перед ней парень — шофер, этаким детина. И она ему: у тебя, говорит, жалкая, ничтожная личность, опять пережоги?..

Мы спохватываемся и начинаем бить в колокола, когда случится непоправимое. Это я в адрес нашего комитета. А до того момента мы только покачиваем головой и в лучшем случае говорим: ай-ай, как нехорошо! Многие знали, что Перковский шишки бульдозером бьет. Почему молчали? Считали, что ничего особенного — набьет и вернется. Вот и просчитались... Лена Бабочкина, ты знала? (Молчание). Бабочкина, я спрашиваю, знала?

— Ну, знала.

— Бутько?

— Знал.

— Шарипов?.. Ты что молчишь, Шарипов? Знал ведь?

— Знал, чего там!

— Ну вот. Как пишут в учебниках, и тэ дэ и тэ пэ. В беде, которая произошла у нас, виноваты все мы, и не только Перковский.

Парень обернулся к столу, возле которого, опустив голову, стоял Володька, закончил:

— Читать мораль Перковскому я не собираюсь. Он парень неглупый и все понимает прекрасно сам. Мое мнение такое: Перковскому пока на стройке делать нечего. Верно здесь предлагали. Пусть посмотрит на нас издали, прочувствует. А через годик мы его снова примем. Из комсомола, пожалуй, исключать не надо. Правильно я говорю, ребята?..

XI.

Ранним туманно-мглистым утром уходил Володька из поселка.

Возле маленького побеленного домика, с косо приколоченной дощечкой «Медпункт», остановился, опустив на землю рюкзак. В тесном, как тамбур, коридорчике дремала, склонив голову на стол, дежурная сестра. Володька осторожно прошел мимо нее и очутился в комнате с тремя кроватями. Здесь было все выкрашено в голубовато-белый цвет, пахло свежим бельем, лекарствами. Две кровати пустовали, на третьей, головой к окну, спал Васька.

Его правая нога, забинтованная по самое бедро, неестественно толстая, лежала поверх одеяла.

Острое чувство вины овладело Володькой. Стало трудно дышать. Он стоял у порога, молча смотрел в обрамленное бинтами, осунувшееся лицо друга... Васька вздрогнул во сне и открыл глаза. С минуту он глядел на вошедшего, словно возвращаясь из забытья, потом чуть улыбнулся обметанными жаром губами, пошевелил рукой.

— Не узнаешь? — он поморщился; должно быть, даже малейшее движение причиняло ему боль. — Запеленали, как грудного... Ты на смену? Неужели уже восемь?

— Нет, рано еще, — сказал Володька. — Семи нету.

— А что это ты?.. Куда?

Володька присел на краешек соседней постели, взял из стакана термометр, повертел в пальцах.

— Ухожу я, Васька.

— Как уходишь?

— Совсем ухожу. Прогнали меня, не дорос, говорят, до нашей стройки. Сходи дораста... Вот я и забежал... проститься. Если ты согласен, конечно.

— Та-ак... — Васька помрачневшим взглядом оглядел потолок, собственную ногу, отвернулся к стене. — Я во всем виноват, — сказал он глухо, не оборачиваясь. — Размазня я, больше никто.

— Ну, это ты оставь! — решительно сказал Володька. — Самокритика твоя тут совсем ни к месту. Ребята правильно разобрались что к чему. Так что давай не будем об этом.

Помолчали. Шелепаху спросил:

— Куда ты сейчас?

— Честно — не знаю. По дороге подумаю... Земной шар хотя и круглый, но не очень гладкий, где-нибудь зацеплюсь.

— Вернешься?

— Не знаю.

— Возвращайся. Обязательно... К Мунире заходил?

Перковский не ответил. Помолчали еще. Володька потряс для чего-то термометр, опустив в стакан. Шелепаху вдруг встрепенул, повернул голову: — Ты, наверное, сегодня уже будешь в городе? — Постараюсь.

— Знаешь что? В палатке нашей под моей постелью, куртка. Там двести пятьдесят рублей, кажется. В общем, сколько есть, отошли их тетке... там уж, должно быть, беспокоятся. Адрес я продиктую, запиши-ка...

Выйдя на улицу, Володька подобрал рюкзак, с ожесточением кинул его на плечо, решительно направился вниз, к насыпи.

XII.

Уйдя за последние стрелки, Володька обернулся и стал глядеть на поселок. Там, где он только что прошел, узенькая лента речного тумана карабкалась через рельсы. Поселок, раскинувшийся по отвоєванному у тайги излому горы, еще спал. На разъезде среди платформ с гравием сонно дымил «пекашка».

Володька нашел глазами меж редких сосен свою палатку, потом палатку, в которой жила Мунира, — зеленые приплюснутые коробочки, — и впервые щемящее, еще неосознанное чувство утраты всколыхнуло его. Он достал папироску, торопливо закурил. Что ему этот неласковый, с трудом обжитый людьми клочок земли? Пройдет еще месяц-два, и строители уйдут дальше, за Камень. А здесь останутся только пристанционные постройки, сверкаю-

щие новеньким шифером — сколько их осталось позади! — да темные обрывки тропинок по косо-ру. И редкому пассажиру, устало глядящему за ок-но, придет мысль, что здесь жили люди, много лю-дей. Они работали и любили, радовались и горевали. Они шли суровым путем, и на их долю судьба отпустила щедрой горстью всего, чем богата жизнь.

И как же так случилось, что его никто не про-вожает? Разве не было рядом с ним хороших лю-дей? Были люди. Разве он не делил с ними труд-ностей? И этого никто не скажет. Почему же так сурово обошлись с ним? Почему? Неужели он, Во-лодька Перковский, пропащий человек? Он бросил окурки, тщательно затоптал, сцепил на коленях ру-ки. А, может быть, и не сурово? Может, иначе нельзя? Что ж, теперь у него есть, по крайней ме-ре, время для размышлений...

Полотенце тумана уже переползло насыпь и ска-тилось в ложок. Вдали, меж волнистых ниточек рельсов, замелькало светлое пятнышко.

— Володя-а!

Он порывисто встал, взгляделся.

— Володя-а! Погоди-и!

Это была Мунира. Конечно, это была она! Во-лодька невольно прижал руку к груди — так гулко отдалось его сердце. И какой же он дурак — даже не зашел, не попрощался. Хотел уйти потихоньку, не будоражить ни ее, ни себя: и без того, мол, тошно. А она — вот она, бежит. И как узнала?

Он торопливо пошел навстречу.

Когда они встретились, Мунира долго не могла отдышаться. Отдирая от коленей мокрый подол платья (бежала напрямик, по траве), она прогово-рила:

— Значит, уходишь?

— Ухожу, — ответил Володька.

— А почему мотовоза не дождался?

— Не хотел ни с кем встречаться.

— И... со мной?

Володька промолчал, ковыряя сапогом гравий. Потом спросил:

— Как узнала?

— Очень просто. Сестра прибежала.

— Какая сестра?

— Очень простая. Из медпункта.

«Васькина работа», — Володька невесело улы-нулся в душе, взял Муниру за руку. Она подняла глаза, в них стояли слезы.

— Я-то думала... верила в тебя. Все вы такие...

— Прости, — сказал Володька. — Я, конечно, свинья. Но я — не «все» и я не такой... Это трудно объяснить, понимаешь?.. Я тебе давно хотел ска-зать, но не решался...

— Что? — шепотом спросила девушка.

— Уедем вместе?

Она несколько мгновений смотрела на него, как бы не понимая смысла вопроса, потом молча выс-вободила руку, качнула головой.

— Нет, лучше ты возвращайся.

— Мунира!

— Ты должен вернуться, понимаешь?

— Мунира, выслушай!

Девушка опустила на рельс, заплакала.

— Я буду ждать... Ты возвращайся...

Взошло солнце. Оно было холодное и неяркое, так что на него можно было глядеть не жмурясь. Косо обрубленная каменная гора, вдоль которой,

точно расслабленные струны, бежали рельсы, за-блестела свежими изломами. На прибрежных ку-стах серебристыми нитями вспыхнула паутина — первый вестник бабьего лета.

Вдалеке от поселка возник и стал нарастать треск мотоциклетного мотора. По рельсам, трепе-ща флажком, мчалась «пионерка». Порывавшись с ними, «пионерка» затормозила. Паренек с вес-нушчатым, точно сорочье яйцо, лицом хмуро огля-дел Володьку, бросил:

— Садись, подвезу.

— Спасибо. Сам доберусь.

— Чего ломаешься! — вдруг крикнул тот. — Садись, если предлагают!

— Ого! — протянул Перковский. — Ты отчего такой расстроенный, адвокат? Проиграл процесс? Не горюй. Я вот не горюю.

Он подобрал котомку, шагнул к Мунире. Парень отвернулся, стал разглядывать камни... Потом Во-лодька сел рядом с ним, крепче натянул кепку. «Пионерка» помчалась, и Мунира видела, как Во-лодька поднял воротник пиджачка, одной рукой обнял сердитого водителя.

Через несколько дней, прошедших после отъезда Перковского, Ваське Шелепаху, который лежал уже в больнице, в Табале, принесли письмо. От се-стренок. Они писали: «Вася, получили от тебя день-ги. Большое — большое спасибо. Вася, но зачем ты много так прислал? Целую тысячу и сто рублей. Мы хотели отослать половину обратно. Теперь долго не присылай...»

В эти же дни на одной из станций сержант же-лезнодорожной милиции снял с товарного поезда «зайца». Это был парень лет двадцати трех, русо-головый, в кепке с оторванной пуговицей. Кроме тощего рюкзака, в руках у него ничего не было.

— Нехорошо получается, гражданин, — говорил сержант, шагая рядом с задержанным. — Вроде бы человек взрослый, сознательный и — так веде-те себя. Пройдемте.

В дежурке, сев за стол, сержант долго перелисты-вал паспорт и трудовую книжку задержанного, по-том спросил.

— Вы что же, на трассе работали?

— Да.

Сержант заметно подобрел, сожалеюще качнул головой.

— Вот видите! На такой, можно сказать, знаме-нитой стройке трудились, а с дисциплинкой того... не в порядке. А?

— Это вы верно подметили, — ответил парень. — Несоответствие налицо.

— Вот-вот. Именно, несоответствие. Возьмите. — Сержант протянул документы. — Мы уважаем лю-дей, которые строят эту дорогу. — Он вышел из-за стола, расправил под кителем ремень. — До свидания я не говорю. Нам, надеюсь, не придется больше встречаться. Договорились?

— Договорились.

— Тогда — счастливого пути.

Парень взял документы и несколько мгновений держал их в руках, словно не зная, что с ними де-лать. Лицо его дрогнуло, он нагнул голову, тороп-ливо спрятал документы за пазуху и, резко повер-нувшись, пошел к выходу.

(Рассказ)

Маруся не разговаривает со мной. Склонилась над своими книгами, читает, выписывает что-то в толстую тетрадь в переплете рыжего цвета, которую я в шутку называю буханкой. Над столом порхает ветерок, шелестит страницами, трогает легкие светлые кудряшки, отбившиеся от собранных на затылке кос. Они щекочут шею, Маруся встряхивает головой, но от книг не отрывается.

Мы работаем на одном заводе и учимся в металлургическом институте. После завтра экзамены, поэтому мне особенно неловко.

И все эта весна!

У нас, понимаете, с женой договор; когда я прихожу с ночной смены, то должен спать. А какой тут сон, когда все зеленеет, растет, а речка — замечательная это вещь! — так и манит, так и зовет на рыбалку. Попробуй-ка, удержишь!

Сегодня воскресенье, день, как жар, горит — светлее некуда, и такая бодрость в теле, словно я всю ночь не у мартеновской печи стоял, а смотрел сны на сеновале.

И еще по одной причине я не хочу спать. Завтра мне проводить беседу в своей комсомольской группе о духовной красоте нашей молодежи. Вот уже два месяца, как наша бригада стала коммунистической. У меня собрано много примеров о лучших комсомольцах страны и нашего завода. А вот с чего начать — не знаю. Надо найти что-то такое, что сразу бы захватило всех, соединило бы, спланило все примеры и ударило по сердцам горячо и крепко. Но где отыскать это «что-то»?

Пришел домой. Маруся спит — видимо, допоздна занималась. На столе записка: «Завтрак в духовке, ешь и ложись отдыхать».

Гм... все-таки хорошо, когда о тебе заботятся. Переоделся я, вышел на балкон и забыл про записку. Тепло. Привольно. Речкой и черемухой пахнет.

Собрал я скоренько немудрые снасти, прошмыгнул на цыпочках мимо кровати — и на берег, к мальчишкам, — авось кто-нибудь одолжит наживы. Замечательно порыбачил. Возвращаюсь домой, рыба в ведерке играет, я доволен — обрадуется, думаю, Маруся.

Вот и обрадовалась...

Я хожу по комнате, покашливаю, покрикиваю на жмущегося у дверей кота — брысь, всю рыбу перетаскал! — но Маруся ничего не замечает. Вот характер!

Беру книгу и тоже начинаю читать. Украдкой поглядываю на играющие возле ее ушей кудряшки. Мне уже безразлична и речка, и рыба. Краем глаза я вижу, как у ведерка в позе страстного рыболова замер кот. Крючкая лапа приподнята. И пусть. Мне все равно. На улице поют. Там ветер и солнце.

— Маруся!

Она не оборачивается, только кот, вздрогнув от неожиданности, чуть не падает в ведерко.

Я снова читаю. Так проходит полчаса, час.

— Маруся, не сердись.

Молчание.

— Ну, если мало рыбы, — говорю я веселым завитушам, — пойду еще черемухи наломаю. Ох и пахучая, как вино. — Маруся любит черемуху, я знаю это. Прикрыв ведерко от кота полотенцем, иду в рощицу.

Дом наш стоит на краю поселка. Отсюда видно буйное зеленое половодье озимых на колхозных полях и далекие, до игрушечного, маленькие домики деревни. Ту-

да, избегая на холмы и соскальзывая в лога, бежит, как по волнам перекачивается, тропинка. За первой гривой она с разбегу вонзается в пышную накипь из ив и черемух. Это и есть рощица, по-здешнему колок.

Длинная тень шагает впереди меня. Навстречу с охапками цветов и черемухи попадают девушки и даже мальчишки. Лица у всех довольные. Мне хочется быть похожим на них. Прибавляю шаг, и вот она — рощица.

Короткое облачко набегает на солнце, на миг все тускнеет вокруг, а когда снова светлеет, я останавливаюсь. Похоже, что здесь пронесся ураган. Кругом валяются клочки бумаги, пустые консервные банки, в лучах восходящего солнца сверкают, как слезы, осколки битых бутылок. На черемуховые кусты больно смотреть. Ветки безжалостно обломаны, измяты, цветов и в помине нет.

Подумалось, что я тоже спешил сюда, хотел возвратиться с душистой нежной черемухой, и так мне становится стыдно, как будто это мои руки рвали и комкали ветки.

Возле одного куста я чуть не наступаю на крошечные голубые яички. Неподалеку жалобно тенькает малиновка. Кажется, она спрашивает: почему, зачем? В густой листве я нахожу маленькое гнездышко. Кто-то, ломая черемуху, наклонил ветку и опрокинул птичий домик.

А ведь совсем недавно, как будто вчера... Свободными вечерами, на закате, мы приходили сюда с Марусей. Рощица стояла черная, скорбно-молчаливая, начисто вылизанная буранами. Здесь был заметней несмелый, пахнувший сыростью южный ветерок. На горах уже показались озимь: на белом поле веселые зеленые окна. От них поднимался легкий пар — первое робкое дыхание просыпающейся земли. В логах темнел мокрый зернистый снег, рождающий каждое утро быстрые ручейки. Они с каждым днем набирали силу, росли, и однажды ночью нас разбудили непривычные, но очень знакомые звуки. Я открыл форточку, и в комнату ворвались торпливые, звенящие голоса ручьев. Они неслись отовсюду, смеялись, кричали и, захлебываясь, рассказывали что-то. Ручьи звали: выходите, любуйтесь, радуйтесь — идет настоящая весна! И ветерок становился все настойчивее, теплее, пахучее. И точно невидимой животворной рукой провели по безжизненным

кустам — каждая аеточка запустилась мелкой блестящей листовой.

И совсем недавно, будто вчера...

— Смотри, Маруся, — говорил я жене и показывал на распускающуюся черемуху. Из каждой почки выглядывали по два острых листка, очень похожих на раскрытый клюв. Из каждой почки по клюву. — Как будто пить просят, правда?

— Они уже пьют, — улыбнулась Маруся, — солнце.

И было немножко обидно оттого, что никто не идет сюда любоваться первой зеленью, цветами, всей этой красотой. И была гордость за то, что я могу показывать Марусе, как что-то сокровенное, родное, и эту черемуху с острыми листьями-клювами, и подснежники, и высокое голубое небо, и еще что-то, чего нет ни в воздухе, ни на земле, ни в щелбете птиц... Как будто не природа, а я сам посадил здесь каждое дерево. И совсем недавно, будто вчера...

На тропинке я подобрал обретенную ветку черемухи, отряхнул от налипших кусочков земли и повернул домой.

Как же так, думал я, человек переделывает природу, в безводных пустынях и холодной Сибири сады разводит. Как воздух возле деревьев свежее и очищается, так и мир в присутствии человека становится прекраснее и дороже. Почему же так получается? Мысли бегут, перегоняя одна другую. Значит, мы не всегда понимаем хорошее. Иногда для своего коротенького удовольствия уродуем настоящую красоту. Красоту. Вот. Теперь я знаю, с чего начинать разговор с друзьями-комсомольцами. Человек должен жить красиво!

Домой дошел незаметно. На кухне потрескивает сковорода, вкусно пахнет поджаренной рыбой. Маруся встречает меня неммым вопросом. Я ставлю единственную ветку в банку с водой. отношу ее в комнату и рассказываю Марусе, что мне пришлось увидеть в роше.

— Ты не сердись, пожалуйста. Не мог я ломать деревья. Рука не поднялась, понимаешь?

Маруся молча обнимает меня. Поев, мы возвращаемся в комнату. Послезавтра экзамены. Надо заниматься.

Едва уловимый запах цветущей черемухи плывет в воздухе. Есть в нем что-то волнующее, непередаваемо нежное, как первая любовь.

АМИК ДИАМАНТ

ВЕЧЕРОМ В ОБЩЕЖИТИИ

Песни старые —
Пластины старые,
Мы танцуем под них
Усталые.
Не расходимся,
Не хочется.
Ставим снова,
Когда закончится.
Ставим снова —
Вспоминаем мы
Тех больших городов
Окраины,
Переулочки те
Пугливые,
Где девчонки жили
Смешливые,
Что любили нас.
Целовали нас,
Провожали нас,
Говорили: «Пока...».
Вместо писем от них —
Плывут облака.
Белым белые,
Отливаются.
Все, что хочется,
В них читается.
Все, что хочется,
В них написано.
Мы рассматриваем их
Пристально.
А работа нам
Завтра жаркая.
А вставать завтра
Рано нам.
Но сидим мы,
Дымим сигарками
И заводим пластинку
Заново.

МУЖСКАЯ ДОРОГА

Матерям
Говорить о далеких дорогах
Не надо.
Матери знают,
Куда ведут все дороги.
Когда в полночь месяц
Встает в тополях за оградой.
Кто рассеет их думы?
Ночные тревоги?..
Матерям
Говорить о далеких дорогах
Не надо.
Но от тихой звезды.
Что стоит над родимым порогом.
Мы уходим опять,
Обрываясь пунктирами трасс.
Это наша судьба.
Это наша мужская дорога.
Потемневшая пыль
Покорений, ушедших до нас.
...Только память дрожит.
Как звезда, над родимым
порогом...

Поздно

Солнце пробилось из-за косматой, похожей на медведицу, снежной тучи, щедро, по-весеннему, заливая палату. Анна Денисовна медленно приоткрыла глаза, чуть заметно улыбнулась. Потом с трудом протянула руку и погладила трепетавшего на одеяле «зайчика».

— Что-то обход долго не начинают? — вздохнула ее соседка.

— Один раз в день посмотреть больного и то норовят не вовремя.

— Пятиминутка у них.

— А нам что с этого? Добро бы минутка была, а ведь часами заседают. Небось, говорят, говорят... А что говорить-то, господа, с утра?

Анна Денисовна смолчала. По шуршанию бумаги и звяканью крышек она догадывалась, что Матвеевна второй раз за утро принимается завтракать. «Если бы мне хоть раз с таким аппетитом, я бы, наверное, выздоровела», — горько подумала она...

Сегодня ночью ей было особенно тяжело. С вечера до самой полночи она даже не забылась. Болело сердце. Болело и билось то торопясь, то захлебываясь и замирая. Неровные гулкие удары будто эхом отдавались в тяжелой больничной тишине. Анна Денисовна плотнее укрывалась, переваливаясь на правый бок. Теперь сердце казалось подвешенным на нитке. Оборвется нитка — оборвется жизнь. К утру приснился сон. Бежит она полем, молодая, нарядная. И хорошо ей, и весело! Вдруг ноги стали проваливаться в землю. Схватиться не за что. Кричать — голос пропал. А земля все выше и выше... Вот уже по грудь... Анна Денисовна застонала, дернула головой и — проснулась.

— ...А ты, милка, чижолый, видать, человек. — Матвеевна поплевала на яблоко, вытерла полотенцем и вонзила в него крепкие зубы. — Все молчишь, никому ничего не расскажешь.. Может, и сердце у тебя оттого так расходилось... По-первости я считала, что ты старе меня. А ты моложе, почитай, годов на десять. Вот как. Да. — Она насторожилась, вытянув шею, затем спешно сунула яблоко под подушку и, едва успев смахнуть с одеяла крошки, как дверь в палату отворилась.

— Доброе утро. — Голос у Татьяны Сергеевны мягкий, ласковый.

Анна Денисовна кивнула головой и улыбнулась одним запавшими глазами.

— Как вы сегодня чувствуете себя, Анна Денисовна? — Чуткие, тонкие пальцы мягко охватили запястье, прощупывая пульс.

— Хорошо. Вот только сердце... стучит сильно... и одышка. А так хорошо.

Глаза у докторши синие, как только что расцветшие колокольчики. Волосы в лучах солнца кажутся совсем светлыми. Какая-то внутренняя тревога едва коснулась ее лица и пропала.

Она дольше обычного вслушивалась в беспокойное сердце, осмотрела блестящие с синеватым оттенком отечные ноги.

— С кем вы живете, Анна Денисовна?

Было видно, как женщина сделала усилие, чтобы разжать ссохшиеся губы.

— Сынок у меня. А муж в войну погиб. — Она передохнула, виновато посмотрела вокруг. — А что не приходит он — так ему некогда... работа. Да и лежу я... чего там, четыре дня всего.

— Да, конечно, конечно. — Татьяна Сергеевна тихонько сжала ее холодные пальцы, что-то велела записать сестре Ольге Яковлевне.

— Ну, а как Ваши дела?

— Ох, хо-хо, — Матвеевна безнадежно махнула рукой, скорбно поджала губы. — Какие могут быть дела, дорогая Татьяна Сергеевна? Так — мучительство одно. — Она села. С помощью сестры освободилась от тесноватой для нее сорочки.

— А мне кажется, что вы теперь вполне здоровы.

— Оно бы и мне так казалось, милая, да только без таблетков невозможно обойтись.

Татьяна Сергеевна строго посмотрела на трясущуюся в беззвучном смехе сестру.

— Я уже вам объяснила, Федора Матвеевна, почему так получается. Главное — у вас нет режима в питании. Вы целый день жуете, а в вашем возрасте это вредно... Одевайтесь, пожалуйста. — Врач встала. — Ольга Яковлевна, готовьте на завтра Игнатову домой.

После обхода Татьяна Сергеевна не стала, как всегда, сразу записывать истории болезни.

— Где я могла видеть эти глаза?

Она отыскала папку второй палаты, открыла: — «Звягинцева Анна Денисовна, 50 лет. Луганская, 10. Инвалид второй группы». Нет. Это ничего не говорило. Но глаза, серые, с широким разрезом глаза...

За окном опять валил снег. Большими хлопьями он падал на сырую землю и тут же таял.

— Боже мой, когда же будет лето? Конец апреля — и такой холод. Неужели в Сибири всегда так?

Резкий телефонный звонок заставил ее вздрогнуть. На часах было ровно одиннадцать. Татьяна Сергеевна улыбнулась:

— «Какая точность!»

— Я слушаю.

— Таточка, это я. Как самочувствие, ты не простыла вчера?

— Нет. А ты откуда звонишь, Игорь?

— Из шахты. Из глубины двухсот пятнадцати метров.

— А чего хвастаешь?

— Нет, не хвастаю. А, так сказать, констатирую факты. И еще разрешите вас, Татьяна Сергеевна, пригласить в театр. Билеты в кармане. К семи часам вечера буду у ваших ног...

Достать в театр билеты на сегодняшний день

ИЗ ЗАПИСКОК МЕДСЕСТРЫ

было почти невозможно. Выступел известный московский композитор.

— Ты молодец. Ты... остальное скажу потом.— Она быстро положила трубку.

В театре Игорь делал все, чтобы Татьяне Сергеевне не было скучно. Но когда в антракте, рассказывая что-то забавное, он увидел в ее родниковых глазах грусть, не сдержался.

— Ты мне, сегодня, Татьяна, не нравишься. Если случилось что — Расскажи.

Она невесело улыбнулась:

— Знаешь что, Игорь, может я еще не приехала к нашей работе... Но вот есть у меня одна болящая Звягинцева — почти безнадежная.

— Звягинцева? — Игорь резко остановился.— Анна Денисовна?

Она кивнула головой.— Ты знаешь ее? — Потом посмотрела ему в глаза и шепотом добавила:

— Твоя мама?

Игорь прижал ладони к груди.

— Ничего не понимаю. Но ведь у тебя...

— Просто мамаша носит свою девичью фамилию.

— А почему ты ни разу не пришел? Не спросил меня? — Голос Татьяны Сергеевны гневно дрогнул.

— Нужно сейчас же поехать. Она тебя ждет. Сегодня Ольга Яковлевна нарочно придумала, что ты звонил. Как это жестоко...

На ходу поправляя платок, она, не оглядываясь, выбежала на улицу. Моросил дождь.

— В третью больницу, пожалуйста, — сказала она невесте откуда подоспевшему шоферу такси. Игорь еле успел проскользнуть на заднее сиденье.

К вечеру Анне Денисовне стало легче. Она попросила у сестры свежий номер газеты.

— Газетку читать будешь? — Матвеевна с большим бумажным кулком опустилась на кровать.

— А ко мне сын приходил. Прямо с работы, чуть только морду обмыл — и вот он. Каждый день так. — В голосе слышались горделивые нотки.

— А твой по телефону, Инженер.

Анна Денисовна промолчала. Осторожно свернула газету и закрыла глаза. Неужели ошибка? Ведь я ему все дала: жизнь, образование. Жила только для него.

Одного-одного, одного-одного — стучит сердце. Нестерпимая жара. Пляж. Манящее прохладой море. Анна Денисовна идет к воде. Ей легко. Она раскинула руки и поплыла. Как это я раньше не могла? Ведь это так просто... — Она опустила ноги в прохладную воду, но дна не было. Дна больше не было.

И в то самое мгновение дверь в палату широко распахнулась, и в ее зеленоватом проеме выросла фигура Игоря. Но Анна Денисовна уже не смогла увидеть сына — одного-единственного.

РАДИ ЛЕНКИ

— Как же это случилось? — спрашиваю. Агния Васильевна нервно дергает за уголки белоснежный носовой платочек. Дышит тяжело, с трудом. А когда

из горла вырывается странный свист, смотрит на меня виновато, страдальчески. Заострившиеся черты лица, желтоватая восковая кожа.

— Как, говорите, случилось?.. Поначалу не стал дома ночевать Николай. Ругала. Не слушал. Только сердце, оно ведь чувствует неладное. Из сна совсем выбился. Лежу, думаю: где сын бродит. Разбуду мужа: «Вася, — говорю, — что делать-то, нет Николая», — а сама ему на окно — светает, мол. «Так ты что, — отвечает, — думала, он век за материну юбку держаться будет? Спи. Парень ведь, в подоле не принесет». И так все лето до осени. Стали ночи длиннее, темнее, и горе мое — больше. Однажды сижу у окна, без света, смотрю в ночную темень. Слышу, калитка хлопнула. Так только Николай закрывает. Пригласелся: идет он с девушкой и прямо мимо окна, на сеновал. Ну, что тут? Васю разбудить — может в драку кинуться. А ведь мы, господа, мы ведь никогда пальцем его не касались. А уж я, так его берегла!

Последние слова я скорее угадала, чем расслышала. Силой сдерживаемый кашель прорвался, подхлестнутый волнением. В душе я негодовала на себя за то, что поставила перед Агнией Васильевной такой неосторожный вопрос. Но не выслушать ее до конца, прервать я сейчас не могла. В каждом движении женщины, в выражении ее глаз было столько стремления высказаться, освободиться от непосильной душевной ноши. Утерев слезы и испарину со лба, она продолжала:

— Самой, думаю, пойти, — нехорошо, неловко... Под утро явился. Собрала на стол, села напротив, гляжу на него и плачу. «Сынок, — говорю, — что ж ты целыми ночами пропадаешь? Чем так — женился был лучше». Молчит, косоротится, не по его, дескать. А я дальше: «Учиться, говорю, не захотел. Ладно, иди работай. Одумайся — догонишь. А ты и в головушке про учебу не держишь. Неужели всю жизнь думаешь быть чернорабочим?». Наелся. Спецковку надел и на завод. А Вася и договорить не дал. «Что ты, — говорит, — ошалела? В армию пусть сначала сходит». А до армии — год полный. За несколько дней чуть с ума не сошла. А потом враз решила со всем покончить.

Вот однажды, смотрю, начали они с сеновала спускаться по лестнице. Николай впереди, она за ним. Я, как была в легком платье, вышла на крыльцо и жду, пока слезут. Увидели меня — застыли. «Ну, подводи, сынок, ближе, говорю, свою жену, Показывай, кого выбрал». Он ее за руку, а она глаза в землю — стыдно, дескать, и идти не хочет. А меня такая дрожь колотит, что в челюстях больно стало — так я себя сдерживаю. «Нечего, говорю, стыдиться к матери подойти. А стыдиться чадо было на сеновал в потемках лазить».

Так я себе в дом сноху привела, Ольгу. Жила она до этого в городе, у сестры. Родители, даже вот и не знаю точно, где-то далеко в деревне были. Ну, что о ней сказать? Бывало, стыдно на люди показаться. Пришла один раз на водокачку, а мне соседка наша и говорит: «Васильевна, а молодуху-то твою, говорят, в прошлом годе из техникума выгнали за поведение. Парни, говорят, к ней через окно в общежитие лазили». А у меня ответ всем один: «Была плохая, а теперь может будет такой, что лучше и не надо».

Правда, учиться она не пошла. Недели две устраивалась на работу. А еще через месяц узнали, что Ольга не на работу ходит, а просто болтается где попало. Врет, значит, нам. Знаете, все могла я перенести, а это — отвернуло. Тут вдобавок не стало

у них жизни с Николаем. Регистрироваться сын не хочет, гонит ее. И все полбеды, да беременная Ольга, три месяца. Вскоре ушла она от нас, а Николай запил. И грех на моей душе, пошла в военкомат, попросила, чтоб пораньше в армию взяли. К весне призвали... Больше никакого выхода не видела, чтоб спасти сына.

Агния Васильевна откашлялась, помолчала, осторожно, словно крадучись, глотая воздух, будто вдохнуть его побольше, полной грудью, досыта ей было смертельно опасно.

— Может, вы куда торопитесь, а я вам...

— Нет, нет,— поспешила я ее заверить.— Никуда мне не нужно. Я слушаю вас.

— На этом бы и делу конец. Да нет.

Было лето. Как раз жара самая. Сажу я дома, шью. Глядь: Ольга заходит с ребеночком. А она, по совести вам сказать, Ольга-то, красавица, и ладная — и все... Ну, заходит, значит. В глазищи не дай бог смотреть: так и колет, так и колет, как стеклышками. «Пришла,— говорит,— договориться на счет помощи. Что мне ее выбрасывать что ли?» Я отвечаю: «Не знаю ничего. Не наш ребенок. Кто тебе его дал, с теми и договаривайся». Как закричит: «И тебе не стыдно! Посмотри, Ленка-то на тебя вся вылитая! В дом ребенка, говорит, отдам, если так». Я в ответ: «Хоть выбрасывай»,— и даже не обернулась, пока не ушла она.

Только покою мне не стало после этого. Загляну в платяной шкаф, а мне уже в голову: вот бы платье это и это можно бы Ленке перешить. Цежу молоко и думаю: хорошо бы ребенку молочка парного, а в огород и не гляди! — морковочку и потереть бы да сок: красота для девочки! Или так поглотать — зубки поточить, когда расти начнут.

И сны, сны — всякие. Будто нянчу, за ручку вожу, кашу варю. Посмотреть ребеночка захотелось до страсти. Болеть стала, задыхаться. А пойду к врачам — ничего не признают.

Приходит опять Ольга. Лена уже большенькая, полгодика. Худенькая, ну как цветочек без солнца. А та с порога: «Дай, говорит, воды, ребенок пить хочет». «Да, что воды! Вот молоко в духовке тепленькое». Налила, подаю, а девочка затряслась, ручки к стакану тянет. Пьет она молоко, а я слезу глотаю. Внутри у меня все кричит: «Наш ребенок! Наш». Проходи, говорю, Оля. Рассказывай, где живешь. «Нечего мне у вас делать. Ленку в дом ребенка привезла» — хлоп дверью и нету.

Я вечером Васе: — «Наша девочка, наша. И подбродочек остренький, и глазки, как васильки, сама беленькая — в нашу породу. Ты бы видел, как стаканхватила. Сердце у меня чуть не разорвалось». — «Не плачь, Агния,— говорит Вася,— не плачь. Ты бы себя пожалела. Посмотри, на кого походишь, сидеть стала, высохла, задыхаешься, а ведь тебе сорока нету». Ночью был со мной приступ. Думала, умру. Теперь знаю — поздно, врачи угадали. Выходит, астма меня давит. От переживания все.

Так вот на другой день я, после приступа, больная была. А потом, едва утра дождалась и в дом ребенка — Ленку посмотреть. Прихожу, спрашиваю: «Вам позавчера сдавали девочку... Лену?»... Это, говорят, Добрынину?». А я: «Да, бабушка я Ленке буду. Пришла забрать ее».

Подвели меня к кроватке. Спит моя деточка, свернулась калачиком, пеленку с себя сбросила и пальчик сосет. Взяла я ее. А потом удочерили. Ольга нам бумагу дала — отказалась от материнства. Вот так все и случилось, — кончила Агния Васильевна. — Теперь я долго жить буду, ради Ленки.

А. Суздальцев

Зинка

Что случилось? Ты ли это, Зинка,
С незнакомцем под руку вдвоем?
Стройная, прямая, как тростинка,
В платьице застенчивом своем.

Девочка, с которой по соседству
Прожил все шестнадцать лет и зим,
Прямо на глазах уносит детство
По ошибке вместе со своим.

Я гляжу, и кажется — впервые
Я тебя узнал и не узнал,
Будто к нам на улицы кривые
Вдруг вернулась в сентябре весна...

Ты идешь, мой календарь нарушив,
Распустив подснежники в лесу...
Угасают звездочки веснушек
На твоём задиристом носу.

По-хозяйски весна седины
Убирает со склонов гор
И, преследуя грузные льдины,
Расчищает реки простор.

И уже в ожидании лета
Голос пробуют петухи...
В адрес нашей районной газеты
Косяками идут стихи.

Его стихи не спутаешь с другими. Они надолго остаются в памяти, как встреча или интересный разговор с хорошим, умным человеком.

Вот одно из лучших стихотворений Игоря Киселева — «Осенью в синем вечернем пруду». Стихотворение о мечтательном мальчике, который решил исходить всю землю, чтобы найти «золотые следы... единственной ранней звезды», звучит гимном человеческому дерзанию, в нем воспеваются красота большой мечты. И даже трагическая концовка не снижает общего сильного впечатления. Это — стихотворение о сегодняшнем и завтрашнем дне нашей страны, патристическое и гражданственное.

К этой удаче молодого автора можно еще прибавить и другое его публицистическое стихотворение «Какого цвета Африка?»

Запоминаются его стихи «Старый дом», «Рыбачки», «Этой ночью не командовал тревогу...».

Темы лучших стихов Игоря Киселева не случайны, — они взяты из жизни. Школа, учеба в пединституте, затем военная служба в Тихоокеанском флоте и, наконец, работа в газете, частые встречи с героями наших трудовых будней — все это давало материал для будущих стихов молодого поэта.

Было бы ошибкой считать, что сейчас Игорь Киселев уже сформировавшийся поэт. Рядом с удачами в его творчестве можно найти массу недостатков, слабых стихов, неубедительных мыслей. Но очень хочется верить, что Игорю Киселеву удастся найти себя на трудных дорогах поэзии.

ИГОРЬ КИСЕЛЕВ

* * *

Осенью в синем вечернем пруду
Мальчик ловил золотую звезду.
Возле него на пологий откос
Падали желтые листья берез.
Тихо сиял на просторе воды
Свет от единственной ранней
звезды.

Мальчик упрямый, устав от
погони,
Долго ловил ее мокрой ладонью,
Но от ладони по глади пруда
В тысячи брызг разлеталась
звезда.

Пролетали бесшумные годы,
Мальчик рос, понемногу
взрослел.

Петь любил он в любую погоду.
Только грустные песни не пел.
И повсюду, скитаясь бессонно,
Он искал золотые следы
Той, счастливой, в воде
отраженной.

Разлетевшейся в брызги звезды.
Он искал ее в чащах таежных,
На страницах зачитанных книг,
Он к звучанию ветров дорожных
К холодам и тревогам привык.
Долгой жизни своей в завершение
Он постиг, от раздумий седой,
Что ему не догнать отраженья,
И отправился вверх, за звездой.
И когда он разбился о скалы,
Что как сталь холодны и тверды,
Люди в сердце его отыскали
Раскаленный осколок звезды.

Какого цвета Африка?

Африка!	в патронах —
Грозы твои горячи,	Черный!
Страшен твой первый гром!	Что с порохом долго
Долго,	шутить нельзя!
Долго свистели бичи	Белый всегда
Над черным материком.	Будет помнить о том, как
Пробковый шлем	Вышли из тьмы, не боясь
Ослепительно белый,	его злости.
Черен бич, как змея.	Республика Гана,
Белый смеется: из черного	Республика Конго,
тела	Республика Берг
Красной крови струя...	Слоновой кости!
Желтое золото	Много знамен над народом
Белому снится,	вольным.
Кованым звоном	Не счесть их расцветок,
В сердце поет.	Но в каждом — часть
Черному	Того, что в семнадцатом
С ним нелегко сравниться,—	билось над Смольным.
Его лихорадка желтая бьет.	Провозглашая Советскую
Считали, что черный —	власть.
Очень покорный.	Черная Африка, —
Что можно согнуть его,	Верно ли это?
Палкой грозя.	Новая Африка
Забыли, что порох	Цвета рассвета!

КЕМЕРОВО

ЛИТГРУППА ПРИ ГАЗЕТЕ „КОМСОМОЛЕЦ КУЗБАССА“

У родниковых истоков

Над этим стихотворением он работал очень упорно — искал строки звучные, рожденные жизнью. А задание у Геннадия Юрова было ответственное: литературная группа областной молодежной газеты «Комсомолец Кузбасса» доверила ему готовить стихи в номер, посвященный дню рождения Ленинского комсомола. И в блокноте начинающего поэта одна за другой появились странички из героической летописи строителей Запсиба, молодых сталеплавильщиков Кузнецкого металлургического гиганта...

Чтобы проверить, не сфальшивил ли в чем, парень отправился туда, где бьется пульс всесоюзной ударной комсомольской стройки, — к строителям комплекса капролактама на химкомбинате. Он почувствовал этот рабочий пульс и взволнованно сказал:

— Я прочту вам, что написал, судите строго...

...Родился со смертью рядом,
Спал на постели шинельной,
Была для него канонада
Песнею колыбельной.
А детства не было вовсе:
Для детства было не время...

Кажется, замерла, прислушиваясь к стиху, сама стройка, славные рабочие люди, простые ребята, комсомольцы-строители.

А молодой поэт читал:

...Есть у тебя призвание —
Быть у событий в гуще;
Есть почетное звание,
В будущее ведущее;
Есть мировая слава,
Есть большая дорога;
Есть великое право
Идти по ней
С партией в ногу.
Есть — завод вырастает
В гуле ударных строек;
Есть — девочка простая
Носит звезду героя...

Стихи пошли в печать. Путевку в жизнь они получили именно в тот день встречи с товарищами комсомольских будней.

Все члены литературной группы идут по жизни той же рабочей тропой, что и герои их стихов. Она, эта тропа, в разное время привела их в редакцию завода, что «вырастает в гуле ударных строек». У каждого из них «призвание» — быть у событий в гуще. Вот, к примеру, трудовая и политическая био-

графия помощника машиниста паровоза Кемеровского химкомбината Виктора Баянова.

Близ станции Топки есть маленькая деревенька Дедюево. Здесь прошли его детские годы. Может, вспоминая эти родные места, Баянов пишет:

Бор разлежся истари
Косматою медведицей,
Крики или выстрели —
Издали ответится.
Двигаешься боязно
Проголянами редкими,
Кланяешься поясню:
Не то исхлещет ветками.

Любовь к родному краю — вот первая отличительная особенность стихов начинающего поэта...

Когда появилась у него тяга к поэзии? Еще в первые дни Отечественной войны, прощаясь с семьей, отец-колхозник говорил семилетнему сыну: «За старшего остаешься. Помогай матери, поэт...»

Мать работала на свиноферме, а Виктор учился в школе, нянчился с малышкой-сестренкой и с увлечением писал стихи. Окончив семилетку, учился в Топках в железнодорожном училище и продолжал свои поэтические опыты.

Ушел в армию. Вернулся домой через два года и привез с собой блокнот, исписанный стихами. Друзья посоветовали отнести в «Комсомолец Кузбасса». Так Виктор Баянов стал членом литературной группы при областной молодежной газете.

В 1957 году появились в печати его первые стихи. Обращаясь к матери-Родине, Баянов говорит:

Я люблю эти дали и шири...
И за то лишь меня ты прости,
Что, как самое близкое в мире,
Я тебя называю на «ты»...

Стихи молодого поэта полюбились нашему читателю. Их душевная напевность, сдержанная нежность и чистота чувств нравятся многим. Баянов находит очень взволнованные и верные слова, и когда говорит о первой девичьей любви:

Родилась непрощено,
Как в стручке горошина...

И когда пишет о сибирской реке-труженице Томи:

Ну, а все ж моя река
Ленью не позорится —
Погляди: берега
Каменно-мозолисты...

Рядом с баяновской пролегла поэтическая тропа «ветерана» этой же литературной группы Геннадия Трухина, старшего агента почтамта. Как поэт он рос в литгруппе вместе с инженером Владимиром Речиным, преподавателем Маем Кухарским, архитектором Фельватовым, Борисом Кудашкиным, Валентиной Хмыровой... Нравилась литкружковцам пейзажные картинки Геннадия Трухина: в них были настроения, раздумье, человеческая мысль. Продолжает Геннадий писать стихи о природе и сейчас. С годами исчезает в них лишняя деталь, небрежный мазок. Стихи наполняются дыханием родных просторов, больших будней.

Вместе с Геннадием Трухиным пришел в литгруппу геолог Афанасий Гуковский. Его имя все чаще появляется на страницах «Комсомольца Кузбасса». От первых впечатлений о трудной жизни искателей, переданных риторическими стихами, без крепких рифм, Афанасий постепенно идет к проник-

новению в жизнь, к обобщению наблюдений, к про-
бе в жанре рассказа, очерка.

Участие в работе литературной группы — это не
только знакомство с литературой, с теорией худо-
жественной речи (литгрупповцы приглашают на
встречи опытных литературоведов, изучают на сво-
их занятиях язык и стиль произведений выдающихся
советских поэтов и писателей, обсуждают свои поэ-
тические опыты), но и школа воспитания человека.
В этой связи припоминается первый визит на за-
нятие литгруппы Ильи Клейнера.

— Вы учитесь, работаете?

— Да сам не пойму, кажется, я студент. Люблю
чистое искусство. Ни перед одним авторитетом го-
ловы не склоняю, но учусь у молодых западных
поэтов...

— У кого в частности?

— У Верхарна, например...

— Вот так молодой! — раздалось сразу несколько
голосов.

Клейнер вытащил из портфеля толстую тетрадь.
И — началось...

Она на снегу лежала,
Гадалка людских судеб,
И мертвые пальцы сжимали
Промерзший кровавый хлеб...

Тут были и «браслеты тугих запястий», и «рва-
ные тузы», и «красные розы в снегу»... Идеализм
чистой воды, образы-пустоцветы, но только не
романтика и суровая простота Верхарна. Однако
было в словесном хламе и что-то такое... Это «что-
то» — реалистически точные поэтические строки, ку-
сочки настоящей жизни. Суд товарищей и забота о
парне пошли Клейнеру на пользу: растет человек.
И мировоззрение его оттачивается, и стихи стано-
вятся более зрелыми — с хорошим настроением, без
метафорической зауми. Вот строки из его стихо-
творения «Бессмертие», написанного простыми, энер-
гичными словами о четверке отважных — Зиганши-
не, Поялавском, Федотове, Крючковском:

Берег! Берег! Я — «Т-36».
Ответь, иду на прием.
Есть море. Четыре солдата есть
И есть слова: «Не умрем!»
Волны ревели, и ветер хлестал
Снегом колючим в лицо,
Словно в бою, ураганный шквал
Холодным дышал свинцом.
Как будто пространство и время забыв,
Пределы границ земных
Смешались в один штормовой порыв
Клокочущих волн седых.
Последней капли воды не дано
Голод и жажду убить.
В упрямых глазах — желанье одно:
Жить, жить, жить...
И баржа без компаса и без огней,
Одетая в серый лед,
Как символ бесстрашья отважных
людей

В бессмертье свое плывет.

Немного хотелось бы сказать о рабочем парне
из треста «Сантехмонтаж» Алексее Томилове. Судь-
бы комсомольцев, их напряженные, захватывающие
будни — главная тема его стихов, пока еще несо-
вершенных, но искренних, лучистых.

Вот как он рассказывает о крановщице Галке:

Воздух пахнет
Оконной краской,
Пылью цементной

И смолой.
Кран огромный,
Как Джинн из сказки,
Достает до небес
Стрелой.
Как пушинки,
Стальные балки
Подает на седьмой этаж.
Он послушен
Плясуне Галке,
Как чертежнице
Карандаш...

Молодому автору зачастую недостает еще уме-
ния взять то, что поглубже, проникнуть в психологию
героев. Это все у него впереди, и в его успех хо-
чется верить.

Интересно творчество другого молодого поэта ли-
тературной группы — Владимира Матвеева. Его
призвание — сатирические миниатюры, заключаю-
щие афористичную емкую мысль. «Достается» от
него бюрократу и волокитчику, лицемерному служи-
телю культа, лжепатриоту и болтуну. Трудно (да и
не нужно) перечислять все те темные уголки, кото-
рые просматривает автор, куда вторгается со свои-
ми «колючими строками». У Матвеева есть много
поэтических удач, хорошее поэтическое видение,
вкус к слову. Но порой Матвеев работает небрежно,
строит стихотворение на мелком, пустяковом факте,
выдает на-гора породу. Плохую услугу оказывают
автору те, кто сейчас чрезмерно захваливает этого
одаренного молодого человека.

Второй год на занятия литгруппы ходит Ирина
Шухта. Студентка пединститута, отличница учебы,
чемпионка области по легкой атлетике, активистка
художественной самодеятельности, она пишет искрен-
ные стихи о том, что не может не волновать девушку
в девятнадцать лет. Бережное и строгое отноше-
ние к первому чувству, к товарищам, раздумье о
выборе настоящего друга — это пока единственная
тема начинающей поэтессы. Ей еще изучать и
изучать жизнь. Одаренность автора пока угадывает-
ся лишь по некоторым стихотворениям, строчкам,
деталям. Есть у нее такие неплохие строки.

Если ты меня разлюбишь,
Я... разлюблю... себя

Или:

Что мне до слов любви,
До обещаний —
Ты слов любви
Совсем не говорил —
Достаточно того,
Что на прощанье
Ты вдруг бессильно
Руки опустил.

Литературная группа считает «своими» и тех на-
чинающих авторов городов и районов Кузбасса, что
постоянно присылают произведения в газету и про-
сят обсудить их. Совет литгруппы, существующий
при газете, выносит стихи на суд товарищей, луч-
шие рекомендует в печать, ведет переписку с ав-
торами, встречается с ними. Активисты выезжали,
например, в г. Топки к своим собратьям по перу.
Тепло приняли топкинцы Виктора Баянова, Руслана
Лынева (сейчас он служит в армии, но продолжает
присылать в редакцию свои рассказы) и других.
Начинающие авторы Топок побывали у кемеровцев
с ответным визитом.

Литгруппа систематически выступает перед мо-
лодыми химиками и строителями областного центра,
частый гость у школьников. Прозвела литгрупповцы

городской вечер поэзии, принимали участие в «Устном журнале» горсада, нередко выступали по радио, готовят так называемые «воскресные страницы» для «Комсомольца Кузбасса», коллективно пишут дружеские шаржи, посвященные героям семилетки. И обязательно поддерживают новичков, пробующих перо. Так, в одном из номеров областной молодежной газеты появилось стихотворение «Мы простые шахтеры» киселевца Евгения Васильева. Над стихами авторская приписка: «Я работаю машинистом электровагона на шахте № 12, которая борется за право называться предприятием коммунистического труда. Поэтом себя не считаю, но не писать стихи не могу; в интересное время мы живем. По мере своих возможностей стараюсь передать мысли и настроение своих товарищей по труду. Может, что получает-

ся не так, зато от всей шахтерской души». Стихотворение Евгения Васильева увидело свет. Это — заслуга литгрупповцев. Они ждут от парня новых стихов и, конечно, помогут в его творческих поисках.

У родниковых истоков живут и трудятся начинающие поэты и прозаики. Образы героев великого семилетия, жизнь индустриального Кузбасса, крепкая дружба и большая любовь — вот основные темы их стихов. Каждый из них учится мастерству. Пусть не каждый станет поэтом, писателем, ну что ж — одни, знакомясь с литературой, отшлифуют свой язык, выработают в себе чувство прекрасного. Другие скажут свое слово в искусстве.

Родниковые истоки — это вечно, это молодо это — хорошо!

Ю. ТИТОВ.

Г. ЮРОВ

АКВАРИУМ

Вас от морей родных не увозили,
Вас развели искусственно, зимой.
Потом продали в зоомагазине,
Красных, с золотом чешуей,
Изящных, с голубыми плавниками,
С жемчужинами равнодушных глаз,
И кормит специальными жуками
Девчушка вас в определенный час.
А где-то волны стаскивают камни.
А где-то глубины голубизна
И остовы крушений очень давних...
Откуда вам про все про это знать?
Откуда знать про быстрые течения
Про чаек, непогоду и зарю?!
Вот почему с досадой, с сожаленьем
На безысходный ваш покой смотрю.
И вас, пожалуй, взять за жабры мне бы
И бросить в море, прямо в глубину,
Но знаю: вы всплывете брюхом к небу,
Простора неожиданно глотнув.

А. ГУКОВСКИЙ

ГЕОЛОГ

Всегда в пути...
С тобою компас, карта,
Мешок тяжелый
Редких образцов.
Скользят бесшумно
Легонькие нарты
В далекий край
Непуганых песцов.
И ты идешь
Средь скал обледенелых,
Где каждый шаг
Опасность стережет.
Но есть закон неписаный,
Что смелых
В пути сама
Отвага бережет.

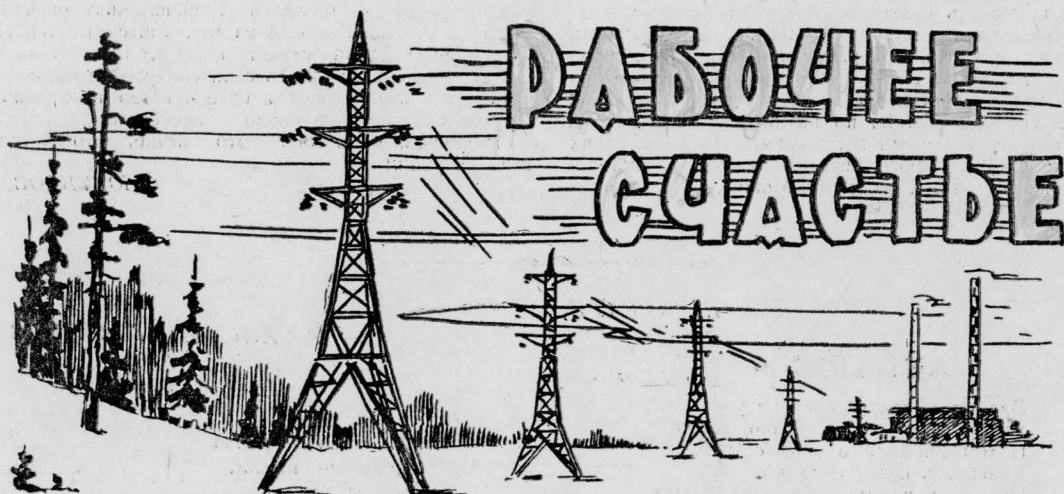
АЛЕКСЕЙ ТОМИЛОВ

АПРЕЛЬ

По краю карниза
Тяжелые капли,
Как жемчуг,
Развесил апрель.
Снега на полях
Посерели,
Ослабли
Под штурмом
Весенних недель.
И теплого ветра
Дыханье по крышам.
Кудлатей и ниже
Дымы.
Сегодня впервые
В деревне мальчишки
Не лепят
Хозяйку зимы.
Они по ручьям,
По околице синей
Ведут
Белопарусный флот,
Запахло парною
Оттаявшей глиной
У наших тесовых ворот.
Восторженно ивы
Шумят над рекою,
Сережки на них расцвели.
И кажется, трактор
За крайней избою
Прислушався к зову
Земли.

ТУЧА

Туча
Шла с океана
Черно-лилово-багряна,
Ухала,
И гремела,
Молниями горела,
А, вылившись водопадом,
Стала
Зеленым садом!

СВОИМИ РУКАМИ

(Из записной книжки
журналиста)

Включив вечером радиоприемник, я услышал из Москвы передачу для молодежи о поисках счастья. В числе других было письмо из Красноярского края. Таня Дубовец делилась своей радостью: она успешно закончила техникум и получила назначение на ударную стройку — Томусинскую ГРЭС. «Разве это не счастье — найти свое место в рабочем строю?» — спрашивала она.

«Хорошо ты говоришь, Таня, но знаешь ли, как тяжело тебе придется там, на рабочем месте?» — подумал я. И вот, уже осенью, приехав на эту стройку, я нашел Таню. Она работала штукатуром на первом участке, который возводит жилые дома. Вместе с Таней приехали подружки, тоже выпускницы Канского техникума — Люся Грахова, Галя Протасова, Лида Мукина, Фая Чернова. Двое сразу стали мастерами, да еще на главном корпусе! А вот Таня, Лида и Фая пока осваивали тайны отделочных работ. И даже не были там, где уже бился пульс двух турбин и заканчивался монтаж третьей.

Встречались они только поздно вечером в своей комнате в новом двухэтажном общежитии. Первое слово принадлежало, конечно, тем двум, «с переднего края». Правда, им поручили довольно скучную работу — заделывать огрехи в бетонном полу, приводить в порядок стены. Но зато — рядом с огромной третьей турбиной, похожей на уснувшего слона, который вот-вот вздохнет глубоко и издаст свой трубный клич. И, кроме того, — они уже командиры, у них есть подчиненные, за которых они отвечают и стаж у которых куда больше, чем у вчерашних учащихся.

Но сами мастера готовы были реветь хоть каждый вечер: девчата в бригадах смотрят на новичков настороженно, словно примериваются, а тут еще — предпосылка горячка, все торопят: скорей, скорей. Не знаешь, за что браться, как сделать, чтобы было и быстро, и красиво...

А станция и правда огромная — и, говорят, мощность ее будет почти в два раза больше, чем сначала думали проектировщики.

— Девочки, а у меня сегодня карниз получился, — сообщала,

счастливо улыбаясь, Таня. — Сама сделала!

Не думала она раньше, что штукатурка — это тоже большое искусство. Даже самая простая. Попробуй стать настоящим мастером, если не усвоил всех премудростей отделки карниза! И поэтому каждая победа — пусть маленькая, пусть незаметная для постороннего — так радовала Таню, а вместе с ней и ее подруг. И ничего, что заработка пока хватало только на питание и кино, что на руках — жесткие мозоли и нет маникюра...

Может быть, Таня уже в сотый раз пожалела о своем письме в редакцию Всесоюзного радио?

— Нет, я от своих слов не отказываюсь, — говорит она. — Ведь к счастью надо идти через трудности, я так думаю.

Перед этим разговором она написала своим родителям, которые работают на другой ударной стройке — Иркутской ГЭС. «Здесь мне нравится. Остаюсь надолго...»

Прошло полгода. В мае мне снова довелось побывать на этой стройке. Вместе с Сашей Гелеткой, секретарем комитета комсомола, мы зашли в общежитие. И первой, кого встретили, была Люся Грахова, одна из пяти канских подружек.

— Тани Дубовец в общежитии нет: она вышла замуж и полу-

чила квартиру вон в том новом доме, — Люся показала на дом напротив и, лукаво улыбаясь, добавила: «Сама строила». И она, и Лида Мукина, и Фая Чернова уже мастерами работают.

Я вспомнил, что осенью Люся тоже просила квартиру у начальника стройки Василия Федоровича Балихина: думала, приедет мать.

— Раздумала пока, — смеется сейчас Люся. — Кончится стройка — все равно на другую перебираться надо...

Значит, и ее увлекла кочевая профессия строителя? А Люся между тем строго наказывала Саше Гелетка (она член комитета комсомола, страстный спортсмен):

— Не забудь, что сегодня мы сажаем у общежития деревья — явка и тебе обязательна. А потом уже на тренировку.

И она пояснила:

— Саша — наш тренер по волейболу, только очень уж строгий...

А назавтра я видел, как эта маленькая, крепкая девушка с золотистыми колечками волос вокруг головы, но теперь уже в рабочей куртке, а не в спортивных отутуженных брючках, как вчера на спортплощадке, разыскав Сашу у главного корпуса, сердито выговаривала ему:

— Разве это работа? Опять стоим — пенобетона нет. И никак не могу ни от кого толку добиться. Два дня одними обещаниями кормят. И штаб бездельничает, и ты...

— Что же, — вздохнув и пряча улыбку, посоветовал секретарь, — придется контрольному посту слово дать...

Через час на двери управления висела «Молния»: «Тов. Волков! Пенобетон сдерживает перекрытие корпуса. До каких пор вы будете отделываться обещаниями?».

КРЕПЫШ

Они подошли к столу, за которым я сидел.

— У вас свободно?

— Садитесь, пожалуйста.

Сначала на стул взобрался крепкий бутуз лет пяти и исподлобья глянул на незнакомого человека.

Отец поставил перед ним алюминиевую тарелку с борщом и сельдереем. Они были удивительно похожи — сын почти точная копия отца: те же русые редкие

волосы, густые рыжеватые брови, та же застенчивая улыбка. Заметив, что я с любопытством смотрю на них, отец доверительно пояснил:

— Мать в гости к бабушке уехала. Вот мы вдвоем и хозяйничаем.

Мы как-то быстро разговорились, и вскоре я уже знал, что он — шофер, жена — штукатур, оба старожилы стройки, и сын здесь же родился.

— Когда мы приехали — поселка не было. Вот за этой столовой, посреди болота, палатки стояли, — рассказывал мой новый знакомый. — Весной, осенью — грязь непролазная. Да и неполадок разных хоть отбавляй — и на стройке, и со снабжением. Кто послабее — не выдерживал. Ну, и летуны были: повертятся, видит, что здесь не столица, и — ходу.

А мы привыкли. Вчера вот только один «друг» предлагал мне: давай, мол, махнем куда-нибудь отсюда, в Среднюю Азию, что ли...

Ну что я ему мог ответить? Я ведь знал, куда ехал: когда комсомольскую путевку давали, предупреждали. Сначала, правда, чуть не скис: и заработки не те, и неразберихи много. Ругались, воевали... А потом врос. Ведь на своем МАЗе и железобетон, и гравий, и чего только не возили! — и для главного корпуса, и почти для всех домов в поселке. Сейчас он во как вырос!

Он кивнул на окно.

— А теперь как живете? — спросил я.

— Пришло время — и нам с женой дали квартиру в новом доме. Она ее отделывала, а я раствор подвозил.

Прошлой осенью наш сын заболел воспалением легких. Мечется, температура — сорок. Я его к себе в кабину — и в больницу (видели, какой у нас больничный городок? Любой позавидует!). «Доктор, спасите сына. Я этот городок своими руками строил. Все делал, чтобы больным хорошо было. И жена в детском отделении стены штукатурила. Вид у меня, наверное, был глуповатый, потому что доктор, представительный такой, с седinou, посмотрел на меня и усмехнулся: «Не беспокойтесь. Все будет в порядке. В родном доме и стены помогают. Ну, и мы постараемся...» Но хоть и успокоил он, а все равно каждый день по нескольку раз к сыну наведывался. Еду мимо — и заверну на минут-

ку. Доктор всегда сам объяснял: температура такая-то, аппетит появился; уже бегаёт. Когда выписывали сына, я от радости не знал что делать. «Доктор, — говорю, — на всю жизнь мы у вас в долгу. Поедьте сейчас к нам (я прямо на МАЗе за сыном-то, приехал), у меня на этот случай припасено кое-что». И опять он рассмеялся. «Спасибо. Но не могу: небось, ты на работе не выпьешь? А мне предлагаешь...» Но, молодец — хорошо «починил» сына. Видите, какой крепыш.

Он взъерошил волосы малыша. А тот невозмутимо улетал котлету, как будто разговор шел совсем не о нем.

— Вот так и живем. И никуда со стройки не собираемся.

Покончив с обедом, мы вышли на улицу. Щедрое весеннее солнце играло в окнах больничного городка. По асфальту взад и вперед развезжали юные велосипедисты: в воскресенье улицы были в их распоряжении. Со спортплощадки доносились крики болельщиков и свистки судьи. А там, за поселком, на фоне гор, гордо дымили две трубы строящейся ГРЭС. Похоже было, что это гигантский корабль разводит пары, готовясь в дальний рейс.

— Приезжайте к нам почаще, — подавая на прощанье руку, сказал отец. — Вот скоро еще одну турбину пустим, детсад новый сдадим, школу. А дома видели, как быстро стали строить? Растем!

ЗАДИРА

В комитет комсомола порывисто вошла девушка лет восемнадцати.

— Ты ко мне, Люда? — улыбаясь, спросил Саша Гелетка.

— К тебе, — зло ответила девушка, не глядя на секретаря. Она подошла к окну и стала ногой ковырять замазку. Упрямое скуластое лицо обветрено, но даже густой загар не может скрыть щедрую россыпь веснушек.

Саша наморщил лоб и, пытаясь спрятать улыбку, повернулся к Люде:

— Ну, что там такое случилось?

— А вот то... Не буду я так работать, понял?

— Да ты подожди. Давай по порядку.

— «По порядку»... Субботник мы хотели провести?

— Хотели, — кивнул Саша.

— И ты одобрил?

— Одобрил. Очень хорошо — первыми начнете сбор металлолома, да и порядок на промплощадке наводить надо. За вами и другие потянутся.*

— «Потянутся», — повторила, не оборачиваясь, Люда и вскрикнула. — Ребята наши сразу согласились. И с крановщиками договорились. Пошла к Санталову. А он спрашивает: «А куда деньги пойдут?» «В комсомольскую копилку, — отвечаю. — Вот скоро свадьба на участке комсомольская будет — подарок молодым купим». Он сразу и хлопнул по столу карандашом: «У нас есть свой план, мы его сами и выполним». А потом начал вилить: «А вдруг ваши комсомольцы не соберутся, за простой платформы платить придется. Да и не дадут нам платформы». В общем спорили, спорили и ничего у меня не вышло. Санталов на своем стоит. Не верит он в людей, вот что!

— Но, может, Санталов тебя просто не понял?

Люда резко повернулась к секретарю и, смахнув огромным рукавом коварную слезинку, выпалила:

— Не понял? Нет, он очень хорошо понял. Бойтся, что его авторитет подкосится: ведь столько металла кругом ржавеет, а он и не думал его убирать, а как мы взялись — он сразу про план вспомнил. Вот если комсомольцы соберут лом, а запишется все участку, чтобы начальник в победителях ходил, тогда — пожалуйста, платформы найдутся... Вот не уйду отсюда, пока ты на этого... не воздействуешь, — неожиданно закончила Люда и опять отвернулась к окну.

Саша связался с начальником участка «Сибтепломонтажа».

— Санталов? Что-то комсорг участка на вас в обиде...

А комсорг, продолжая еще изредка шмыгать носом, осторожно прислушивалась к телефонному спору и время от времени вставляла свои замечания:

— Пусть он не выкручивается — ребята все останутся... И за кран нечего беспокоиться, — успеют отремонтировать, они слово мне дали.

А когда Саша, переговорив с железнодорожниками, спросил:

— Ну, все теперь?

Люда поправила косынку и облегченно вздохнула:

— Это другое дело. Спасибо. Приходите с нами поработать.

А секретарь, все улыбаясь, приторно развел руками:

— Ведь вчера еще за партой сидела. Теперь — монтажница! Комсорг! Но — задира. Никому спуска не дает — ни ребятам, ни комитету. А вот слушают же ее. Да как!

ИНЖЕНЕРЫ

Раскомандировка первого участка прилепилась у массивных коробок жилых домов. Маленькая деревянная будочка-временка.

— Где начальник участка?

— На объектах. Когда будет? Гм... Трудно сказать. Лучше всего приходите завтра к восьми утра, не ошибетесь.

На огромном пустыре — вчерашнем болоте, среди гор вздыбленной земли растет новый жилой квартал тридцатистиквартирных домов. Стройплощадка, как поле боя: тут и там торчат полуразвалившиеся железобетонные панели и блоки; кучи битого кир-

пича; и — непролазная весенняя томусинская грязь, от которой нет спасенья, особенно шоферам. Хаос? Да. Но тот, кто был здесь год-два назад, не может не отметить, что поселок сейчас растет гораздо быстрее. И порядка стало больше. И люди выросли.

Тот же начальник участка, в поисках которого я дважды обошел стройплощадку и слышал один и тот же ответ: «Только что был и ушел, наверное, на восьмой дом... на детсад... на четырнадцатый...»

Познакомились мы сразу же после Нового года, когда не улеглась еще горячка пускового периода на втором блоке. Готовикась комсомольская конференция. В комитете комсомола, похитившем в те дни на теплушку, которую давно не топили, стучала пишущая машинка, низко стлался табачный дым. Я просматривал журнал пускового комсомольского штаба и тексты радиогозет. В них то и дело встречались грозные обращения: «Мастер участка тов. Беляков! По Вашей вине...», «Мастер Аксенов! Вы срываете...», «Механик Майзель! Когда...» Реже их хвалили. Скупно, но, видимо, тоже за дело.

А потом оказалось, что все они — специалисты «со студенческим стажем», комсомольцы. Беляков ведал в комитете производственными делами, а Аксенов — лекционным. Оказалось, что Толя Беляков — не по годам солидной комплекции («Сколько ни мотаешь, никак похудеть не могу»), а у Гены Аксенова — красивое, нежное лицо (ну, совсем десятиклассник!) и большие, загорелые рабочие руки. Саша Майзель был крайне удивлен и смущен, получив письмо от болгарской девушки (фотографии его и Аксенова были напечатаны в журнале «Советский Союз»). Он написал ей ответ, рассказал о стройке, о друзьях, а вот отправить никак не решался: удобно ли?

Осенью, когда шло опробование третьей турбины, мы, как старые знакомые, встретились и долго говорили обо всем на свете с начальником второго участка Геннадием Аксеновым. На верхней площадке котельного зала почти все уже было готово к пуску седьмого котла. Рабочие убрали мусор, монтажники довинчивали последние болты. В незаделанные проемы дул сырой ветер, а с головок окружительной высоты, почти из-под самой крыши, лил синий дождь электросварки.

Геннадий, в помятой зеленой шляпе и в легком щеголеватом плаще, из-под которого, впрочем, торчал ворот фуфайки, совсем не походил на грозного начальника. Он шутил, расспрашивал о Кемерове, подсмеивался над нашим братом, «газетчиками». И только красные, опухшие глаза да дрожь в руке, когда он прикуривал от моей папиросы, выдавали его крайнее переутомление.

— Когда ты спал?

Он машинально посмотрел на часы: было около часа ночи.

— Вчера часа четыре удалось. Пустим, тогда отоспимся.

И лукаво улыбнулся:

— Хорошо Белякову дома строить: днем накрутится, зато ночью спит.

Но я-то знал эту аксеновскую зависть! Когда зимой его хотели забрать на другую работу, где «поспать ночью можно», он отбилась и руками и ногами. Никакие уговоры не помогли!

И вот сейчас я ищу того самого «счастливчика» — Анатолия Белякова, начальника первого участка. Наконец, в третий раз выйдя к исходному пункту — недавно заселенному, но еще не отделанному снаружи дому, вижу знакомую фигуру в конце площадки, на фундаменте будущего здания.

Беляков злится. Тыча пальцем под ноги прорабу пятого участка, он возмущенно бросает ему в лицо фразу за фразой:

— Кто же так фундамент готовит? Какая это, к черту, работа?

— Нам блоки шире, чем нужно, дали, — оправдывается прораб.

— Так неужели трудно сообразить, как их в таком случае укладывать? А посмотри, как искривили с фасада, фасад-то, как пьяный. И чему тебя только учили — не пойму!..

И даже позже, знакомя с обширным «хозяйством», он не мог успокоиться.

— Своих-то крючков хоть отбавляй, а тут еще и чужие... Вот дом — почти готов под отделку — лестничных маршей нет. Пришлось переводить рабочих на другой. А кирпич? Плохая кухарка хлеб и то лучше выпекает. И Майзель — он теперь начальник базы механизации — подвел с кранами... Но ты заметил: теперь лес у нас не валяется где попало. Раньше за него отвечали все мастера, а по существу никто. А сейчас один принимает и выдает, сколько положено; остальные

Анатолий Беляков, заместитель главного инженера строительства Томусинской ГРЭС

отчитываются. В общем централизация и контроль.

Мы поднялись на третий этаж восьмого дома, осмотрели сверху разгрузочную площадку, на четвертом доме Анатолий показал лебедку для подъема раствора, изготовленную из разных отходов тут же, своими силами. Он объяснял, настороженно выслушивал замечания, соглашался («ну, это сделаем», «верно, пожалуй, так лучше») или, покачивая головой, отвергал их и сам подсказывал, что плохо. И в то же время успевал поговорить с рабочими, мастерами, комсоргом.

Вечером, перед отъездом, я еще раз прошел к раскомандировке первого участка. Рабочий день кончился. Увидев Белякова, в светлом плаще, при галстуке, я удивился.

— В горком партии ездил, — просто ответил инженер. — Партийный билет получал, — и он бережно похлопал по груди, там, где бьется сердце.

ЗАВИДНЫЕ СУДЬБЫ

У края строительной площадки, в конце огромного машинного зала электростанции, стоял худенький паренек. Он казался совсем мальчишкой.

— Валентин! — неожиданно услышал паренек и с удивлением оглянулся. На него смотрела девушка в вишневом берете, в мужских рабочих штанах.

— Аня! Какими судьбами?

— Приехала третью турбину монтировать. Ну, а твои дела как? Где побывал? Ведь три года почти не виделись... В комсомоле, наверное, верховодишь?

— Нет, видишь ли... Не успел еще, не вступил, — Валентин застенчиво улыбнулся и сделал неопределенный жест рукой.

В самом деле, в ремесленном училище он просто не задумывался над этим. А дальше — работа, которая поглощала все время, все мысли. Она пришлась ему по душе, захватила его. Монтировал турбины электростанций в Липецке и Пензе, Барабинске и Курске, Калуге и Фергане.

Жизнь монтажников-строителей кочевая. Поставил на ноги одну станцию — и уже другая зовет, торопит. Уезжаешь на новое место, а за тобой остается море огней. С Аней Киреевой они работали вместе на Пензенской ТЭЦ. Построили, разъехались, думали — и не увидятся. И вот встретились здесь, на Томусинской. Монтировать им предстояло турбину в несколько раз мощнее, чем та, в Пензе. Но и они сами выросли, возмужали. Не у каждого в двадцать лет такой солидный

стаж и такая беззаветная влюбленность в свою профессию.

— Ну, что ж, поработаем и здесь вместе, — кивнула Аня в сторону, где закладывался фундамент под третий агрегат.

...Народ на участке бывалый, с опытом. И начальник, инженер Юрий Семенович Медведев, молодой, горячий, подстать своим подчиненным. Комсомольцев оказалось восемнадцать: семнадцать ребят и одна девушка — Аня Киреева. Ее-то и избрали комсоргом.

Шли обычные строительные будни. Становились на место опоры, генератор... И чем ближе был день пуска, тем больше увеличивалась напряженность в работе. Осенний ветер уже врывается в незастекленные рамы. Спать уходишь глубокой ночью, а рано утром — снова у турбины.

У генератора мелькала майка Валентина Козлова.

— Козлов, опять правило нарушаешь? Сейчас же оденься! — кричит Медведев.

— Некогда, — виновато улыбается паренек. — И удобнее так-то.

Он весь, как пружина, — собран, ловко орудует ключами. Рядом с ним — техник-монтажник. Аня Киреева, бригадиры Александр Новиков, Александр Сидорин, монтажники...

А внизу, у паропроводов, хлопчут девчата — изолировщицы комсомольско-молодежной бригады Михаила Озерянского. Они одевают огромные паропроводы защитными плитами, потом покрывают их штукатуркой. Их судьба такая же, как и у Валентина Козлова. Многие строили Южно-Кузбасскую ГРЭС, а для Михаила, недавно окончившего техникум, третья турбина стала боевым крещением.

Последнюю неделю работали по полторы, а то и по две смены без отдыха, но все закончили в срок.

...И вот вечер 28 сентября 1959 года. У трибуны собрались члены государственной приемной комиссии, руководители стройки, монтажники. Аня и Валентин еще раз осматривают генератор. С лесов, переходных мостиков — ото всюду на турбину устремлены сотни глаз.

Начинается набор вакуума, прогрев паропроводов. Все идет нормально. «По науке», — говорит Валентин Козлов.

Час ночи. В турбину дан пар. Толчок!

Генератор набирает первые 300 оборотов. Инженеры напряженно следят за приборами, отмечают малейшие отклонения от нормы.

И вдруг неприятность: паровые трубки не заизолировали, а рядом оказался кабель. Когда дали пар, оплетенка кабеля от температуры стала плавиться. Срочно вызвали изолировщиц — бригадира Валу Костицину, Саастомайнен, Дусю Протасову, Люду Русайкину. Они только что отработали по две смены, но, узнав о случившемся, вернулись на стройку и не ушли, пока не закончили изолировку труб...

8 часов утра. Приборы показывают 2200 оборотов.

9 часов. Турбина выведена на полные 3000! Начинается испытание автоматов безопасности. «Все идет, как по науке», — повторяет Козлов и радостно улыбается. Еще один агрегат смонтирован и опробован. Еще один рубеж взят. Теперь можно подумать и о другом, тоже волнующем. И как будто прочитал мысли монтажника Юрий Семенович:

— Готовься, Валья: поставим третью под промышленную нагрузку — на шестой разряд сдавать будешь.

Валентин кивает головой. Да, теперь он смело пойдет на любой экзамен: семь строек, семь турбин — хорошая школа. А впереди — четвертая стотысячная...

Валентин проводит ладонью по лицу и невольно отдергивает руку: совсем зарос. И тут же чувствует, что больше всего на свете он хочет спать.

Минула зима, неустойчивая, вьюжная. Много неприятностей принесла она томусинцам. И весна, казалось, никак не могла набрать силы, капризничала: то солнышко припечет, как летом, то вдруг небо нахмурится, дохнет мелким дождем и холодом.

Монтаж четвертого агрегата был закончен, но опробовать его еще нельзя, — трансформатор не прибыл, недоделки разные не ликвидированы, — и Юрий Семелович Медведев нервничал, шу-

мел, требовал: срок командировки кончился, его участок ждали другие стройки.

В комитете комсомола я встретил Аню Кирееву.

— Валентина нет уже на стройке, — ответила она на мой вопрос, и в голосе девушки прозвучала нотка грусти. — Его послали на курсы бригадиров. И остальные почти все разъехались. А меня вот пока не отпускают, назначили инженером ПТО, хожу, сижу, бумажки подписываю.

Скоро в отпуск. Поеду к маме, буду читать, потом в Крым, на Кавказ подамся, по горам лазить, — в общем, туристом стану. Еще без содержания месяц возьму, чтобы ни о чем не думать.

— Не выдержишь ведь, Аня. Потянет на стройку.

Девушка рассмеялась:

— Это верно. Я уже пыталась так, отшельником пожить — ничего не получается.

— И не надоела тебе кочевая жизнь?

Аня глянула искоса:

— Меня силой на монтаж никто не тянул.

И тут же широко улыбнулась:

— Пойдемте завтра на рыбалку, если дождя не будет. Мы уже ходили — тут недалеко. Правда, ничего не поймали, но зато напелись вдоволь, и сейчас вот еще хрипим...

☆☆☆

Жизнь на стройке ни минуты не стоит на месте. В буднях ее растут и мужают люди. Томь-Усы. Когда осенью второго года семилетки я еще раз приехал сюда, оказалось, что Анатолий Беляков уже заместитель главного инженера строительства, а Александр Майзель — главный механик. И «задира» Люда Новик больше не комсорг участка, а секретарь комитета комсомола управления.

Монтажники, штукатуры, шоферы, изолировщицы... Нет, они не говорят красивых слов о счастье — они строят его. И нет ничего выше счастья тех, кто своими руками кладет кирпич к кирпичу в великое здание нашего завтра. Ничего нет на свете выше рабочего счастья.

Артисты те,
кто в рабочем ряду
строить коммуны
с песней идут

В. Маяковский

ИСТОКИ

Из родниковых горных ручьев берут истоки таежные реки. Бежит, журчит, хрустально-чистый ручей. Навстречу ему спешит другой, а вот и третий, четвертый, пятый... Они сливаются вместе, прокладывая себе широкую дорогу. И вот уже мощная речная быстрина влечет вас за собой в далекие и манящие дали, туда, где безбрежные океанские просторы, подвластные воле и разуму человека, открывают широкие горизонты нехоженых еще путей. Истоки таежных рек удивительно схожи с истоками народных театров, подобно стремительным горным ручьям, вливающимся в широкий океан советского театрального искусства.

В этот океан сегодня влился и еще один родниковый ручей — народный театр кузнецких металлургов. Не одно поколение кузнецов строило, создавало, цементировало этот творческий коллектив, удостоенный на рубеже своего двадцатипятилетнего юбилея высокого звания — народный театр.

Старожилы Сталинска помнят, как почти одновременно с сооружением Кузнецкого металлургического комбината закладывался фундамент и его цеха культуры — Дворца кузнецких металлургов. Вдвигались ввысь коксовые батареи, росли домны, вырисовывались контуры мартенов, а неподалеку, в самом центре будущего города металлургов — Сталинска, все явственнее вписывался в общий архитектурный ансамбль Дворец культуры. И вот уже четверть века, как в его учебных комнатах, уютных гостиных, просторных фойе не умолкает, бурлит, бьет родниковым ключом жизнь.

Л. ХАЗАНОВ,
главный режиссер
народного театра
кузнецких металлургов

НЕТ ПРЕКРАСНЕЙ НАЗНАЧЕНИЯ

Более пяти тысяч человек насчитывают коллективы художественной самодеятельности Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина. Многие из них широко известны в Кузбассе и за его пределами. Добрая слава сопутствует мужскому хору сортопрокатчиков, руководимому опытным педагогом и хормейстером Петром Филипповичем Маципуло. Любят в Кузбассе и ансамбль народной песни и пляски кузнецких металлургов, возглавляемый страстным собирателем народного песенного фольклора, воспитанником Кемеровской областной музыкальной школы Николаем Дерюшевым. Ценят кузнецкие и свой народный театр.

От «Женитьбы» Гоголя до «Иркутской истории» Арбузова, от пьес Островского до драматургии Вишневского — вот творческий диапазон нашего народного театра за 25 лет. И когда оглядываешься на пройденный кол-

лективным путь, когда работаешь, беседуешь, творчески споришь с его ветеранами — пенсионером Алексеем Степановичем Масевичем, работником Абагурской аглофабрики Евгением Перфильевичем Шишовым, домохозяйкой Антониной Дмитриевной Черновой, ощущаешь неиссякаемую молодость коллектива. Нет! Мы не оговорились. Именно молодость! Молодежь, пришедшая в творческий состав народного театра из детского сектора Дворца культуры, вместе со средним поколением коллектива — кадровыми рабочими, инженерами, служащими Кузнецкого металлургического комбината — ищет своих приемов сценической выразительности. Мы стремимся разговаривать с нашим зрителем языком страстным и эмоциональным. Мы хотим, чтобы в каждом нашем новом спектакле звучал голос современника. Чтобы истоки, породившие наш коллектив, вечно творчески питали его. А истоки эти в гуще народной. В жизни народной, в труде нашего заводского коллектива.

Народность, близость и постоянная связь с народом — ориентир нашего народного театра.

НЕСКОЛЬКО СТРАНИЦ ИЗ ДНЕВНИКА

20 апреля 1960 года. Премьера «Иркутской истории».

Сутки смешались. Сцену городского театра нам дали только вчера ночью. По существу уже сегодня, 29 апреля, в 0 часов. Монтировка затянулась. В половине первого ночи начал прогон в фойе. Нет, никогда еще за все двадцать лет работы в театре не видел такой творческой самоотдачи, как сегодня. В 4 часа 30 минут ночи вышли на сцену. Началась генеральная. Единственная генеральная перед премьерой. Спасибо электрикам городского театра имени Орджоникидзе и главному художнику этого театра Сергею Павловичу Александрову.

Сцена из спектакля «Иркутская история»

Семь часов утра. Смонтировали и «прогнали» первый акт.

Молодость! Молодость! Какая немеркнущая, неумная сила в тебе! Все бодры, веселы, но...

— Леонид Яковлевич, и вы верите в спектакль?

— Я верю в коллектив. Чудес не бывает. Пьеса нами сделана, прочувствована, выношена. Мы уж не раз проиграли «иркутскую» в репетиционном зале.

— А свет? Монтровка, частые перемены?

— Сергей Павлович не подведет!

Рядом вырастает коренастая фигура Юры Гуляева — разлищика стали с мартена-2.

— Монтровочная бригада за первый акт отвечает! Полный порядок.

— Слыхали!?

В 8-30 начинаем второй акт. В одиннадцатом часу появляются артисты городского театра. У них свои репетиции, свои дела. Но любопытные заглядывают в зал.

Три часа дня. Опустился занавес. Звучат позывные иркутского радио. Финал спектакля.

Собираю коллектив. Что сказать им сейчас?

Раскрываю папку. В руках старая потертая, пожелтевшая от времени афиша. Я показываю ее своим друзьям.

... Это было давно. Июнь 1934

года. Руководимая так рано ушедшим из жизни и так много отдавшим народному творчеству режиссером Сергеем Петровичем Трусовым, вечерняя театральная мастерская московских профсоюз выпускала свой первый спектакль.

На пожелтевшей афише не померкли алые буквы — Александра Бруштейн «Продолжение следует». А ниже значились имена тех, кто создал этот спектакль.

И я рассказал притихшему, настороженному коллективу, как в годы первых пятилеток мы, комсомольцы тридцатых годов, так же, как вот и сейчас отдавали себя без остатка искусству театра. Рассказал о первой премьере в своей жизни. О том, как трудно, вдохновенно она рождалась. Слово эстафеты времени вошло в залитую ярким весенним сибирским солнцем комнату.

Рассказал я своим друзьям о времени, проведенном в московской молодежной «Арбузовской» студии. О том, как мы все вместе под руководством Алексея Николаевича Арбузова создавали пьесу «Город на заре» — такую близкую нашей любимице «Иркутской истории».

Решили написать письмо Алексею Николаевичу и пригласить его вместе с актрисой Юлией Борисовой, исполняющей роль Вали в спектакле «Иркутская история»

у вахтанговцев, приехать к нам в гости в Сталинск.

... Премьера прошла с подъемом. Нет, это не то слово. Нашу «Иркутскую» приняли как праздник. Городские руководящие органы предложили показать спектакль и на общегородском первомайском торжественном заседании.

30 апреля. По окончании второго спектакля на сцену поднялся председатель Сталинского исполкома городского Совета депутатов трудящихся. Ф. Мальцев. От имени общественности города он поблагодарил нас.

4 мая. Не давать разнаваться. Уж очень много корреспондентов приходит в коллектив. Спектакль поставить в самодеятельном театре трудно. Но сохранить его еще труднее. Очень трудно.

5 мая. Правление Дворца культуры приняло решение показать «Иркутскую историю» всем цехам комбината. Горком комсомола просит спектакль для строителей. Отлично! Часто играть — нам в данный период очень важно.

ПОИСКИ И РАЗДУМЬЯ

Те же волнения, творческие споры и раздумья, что присущи театру профессиональному, волнуют и театр народный. Да и не может быть иначе. В подавляющем большинстве люди нашего коллектива много знают, еще больше читают, пытливы, вглядываются в жизнь, вдумываются в явления искусства. Дискуссия «Режиссура и современность», развернувшаяся на страницах журнала «Театр», вызвала и в нашем коллективе много раздумий. Как-то сами собой отпали разговоры о неоспоримости наших пристрастий к современной теме.

Еще совсем недавно, после выпуска комедии Н. Винникова «Когда цветет акация», раздавались отдельные голоса

— Опять современная пьеса...

А один из наших активистов так и сказал:

— Сутками готов работать над образом Незнамова. Всего себя наизнанку выверну!

— Почему Незнамова?

— Что тебе близко в нем? — спрашивали К. товарищи по коллективу. И оказалось, что в образе Незнамова К. волнует вечное, общечеловеческое, неумирное никогда.

Так давайте искать это вечное стремление человека к лучшей жизни, борьбу человека за справедливость и гуманизм в сегодняшнем нашем, — говорили К. товарищи.

Бессмертие Островского и героев его лучших пьес зиждется на огромном чувстве современности, на огромном проникновении в жизнь, в ту эпоху, когда творил великий мастер русской драматической литературы.

А разве не вошла в фонд классики драматургия Арбузова? А разве не классика тренева Яровая?

— О Яровой, о Трениве споруют. Но вот как быть с Аркадием Коротковым?

— Как быть с Зинаидой Чигаревой? — спрашивали иные товарищи по театру.

Коротков и Чигарева — наши кузбасские журналисты. Оба испытывали свои силы в драматургии. Первый написал романтическую хронику в стихах «Кузнецкострой», волнующий, порою сбивчивый, но увлекательный, искренний и эмоциональный рассказ о молодежи конца двадцатых, — начала тридцатых годов. О тех, кто строил первые кузнецкие домны, кто врубался в тайгу, осушал болота, возводя наш родной город.

Чигарева написала пьесу «Шахтерская поэма». Ростки коммунистического труда, взошедшие на шахтах Кузбасса, живые жизненные наблюдения легли в основу пьесы молодого драматурга, несколько лет проработавшего в прокопьевской газете.

Три раза читали мы пьесу Короткова. Три раза читали пьесу Чигаревой. Спорили до хрипоты. Волновались. Одни доказывали драматургическое несовершенство пьес. Другие говорили о их жизненности, о близости материала, об «узнаваемости». Но все сходилось на том — надо ставить пьесы не «местные», а «повсеместные». Надо поднимать вопросы, волнующие сегодня весь народ, независимо от географической точки, в которой живет и работает наш театр. Вспоминались дни, предшествовавшие постановке «Иркутской истории». Эту, ставшую нам такой дорогой пьесу, этот спектакль, сыгравший столь значительную решающую роль в становлении коллектива народного театра, приняли, полюбили, ощутили своим далеко не сразу.

Вот что записал наш летописец Валерий Волков в своей

тетради о первой читке «Иркутской истории».

«...Пьесу читал инженер Иван Квасов. Хазанов в этот вечер был занят в городском театре.

— Посмотрим, что это за пьеса, — сказал Иван.

Мы рассаживаемся за столом.

— Арбузов. «Иркутская история». Пьеса в двух частях. Действующие лица: хор...

— Хор!.. О! Хор?

После многозначительной паузы Иван читает перечень действующих лиц.

Часть первая.

Хор (Вале) — «А правда ли, что, полюбив, человек распрямляется, как цветок, на свету?»

Мы все переглядываемся.

— Что это значит?

— Что такое хор?

Квасов читает дальше. Но пьеса, видимо, и его не увлекает. Он читает монотонно, многого не понимая. Не взволновала пьеса и нас.

Первым заговорил Коля Иванов. Резкий, порывистый, прямой и честный парень, топографический рабочий заводоуправления.

— Ну ее подальше, с хором, да хорами! Пошли на танцы.

Квасов молчал и думал. Наступила пауза.

— Да подожди ты. Тут вроде интересно. Пусть кто-нибудь почитает еще.

Пьесу взяла Антонина Дмитриевна Чернова. Женщина степенная, рассудительная. Влюбленная в наш театр безраздельно.

— Я дома прочитаю. В пятницу принесу.

А впоследствии, — пишет Валерий Волков, — эта пьеса стала и нашей «историей». Вошла в нашу судьбу. С ней мы связали долгие зимние вечера. Отдали ей пламень своих сердец.

Как точно это сказано: «пламень сердец»!

Пламень сердец, увлеченность, бескорыстная самоотдача — тысячами невидимых нитей связывают на спектаклях народного театра сцену и зрительный зал. Так было и в Кемерове, куда коллектив выезжал с творческим отчетом перед трудящимися областного центра. Посланцы кузнецких металлургов показывали свои спектакли со сцены областного драматического театра имени Луначарского. В фойе была развернута выставка, отображающая творческий путь коллектива. Многолюдно бывало в антрактах и у столика, что стоял подле одного из стендов. Тут лежала книга отзывов, несколько экземпляров

устава коллектива, альбомы. Волнующие слова зрительских откликов заполняли страницы книги отзывов. Искренние, бесхитростные записи согревали сердца, вдохновляли на новые искания.

— «Молодцы кузнечане, приезжайте еще», и подписи: Комсомольцы «Карболита».

...Найти современную хорошую пьесу — еще только половина дела. Надо ее доходчиво и по-современному поставить. Надо найти такое сценическое решение, чтобы оно возможно точнее выражало замысел данного драматурга, чтобы оно возможно доходчивее было для зрителя, чтобы творческий коллектив народного театра взмолился еще на одну ступеньку своего трудного пути исканий. Как хорошо, как смело и глубоко говорил об этом великий Станиславский.

Константин Сергеевич писал: «...Лучше всего, когда в искусстве живут, чего-то домогаются, что-то отстаивают, за что-то борются, спорят, побеждают или, напротив, остаются побежденными».

Оставаясь верными основным непреложным законам драматического искусства, разработанным Станиславским, мы, коллектив одного из многих рядовых народных театров Сибири, позволяем себе искать свои неповторимые творческие пути. Нам близки искания Николая Павловича Охлопкова. Близки потому, что Охлопков, на наш взгляд, ближе других мастеров советской режиссуры сумел ощутить сценический ритм нашего времени. Сумел зарезать, зажечь этим ритмом актеров и силой актерского мастерства воспеть нашу действительность. Ритм, найденный Охлопковым, порождает в актере эмоции, созвучные времени, раскрывает душевные сдвиги и чувствования, близкие тем, кто строит сегодня поточные автоматические линии, кто завоевывает космос, покоряет целину. Видимо, проникновение во внутренний мир человека дней сегодняшних не может, не должно оставаться таким, каким оно было пятьдесят лет назад. На конке не утонишься за вертолетом. И не постигнуть, не ощутить размаха времени, влекущего за собой людей. Не понять и внутреннего мира современников. Людей концентрированной воли, людей разума и мысли, людей, помыслы которых устремлены в будущее. Им, нашим людям, не свойственна «интеллигентская раздвоенность». Уверенность в завтрашнем дне порождает в человеке оптимизм, так точно найденный и воспетый

в спектаклях Охлопкова. Оптимистическое начало мы пытаемся раскрывать и в своих порою еще незрелых работах нашего народного театра. Мы говорим — нет прекрасней назначения, чем воспеть нашу неповторимую эпоху.

...В спорах, горячих дискуссиях принял коллектив к постановке две пьесы наших местных авторов — «Кузнецкстрой» и «Шахтерскую поэму». Единодушно поставили мы свои подписи и под письмом коллективу Московского театра имени Вл. Маяковского и его руководителю Н. П. Охлопкову. В этом письме написали о своем стремлении стать сибирским театром — спутником Московского театра имени Вл. Маяковского.

— Мы верим, — говорилось в письме, — что наше творческое содружество, взаимное общение обогатят наши коллективы, а форма этого общения будет так же действительна и многообразна, как яркие спектакли вашего театра, зовущие советский народ к победе коммунизма.

ТЕАТР — НЕ ЗАБАВА

Разные люди приходят в коллектив театра. Иные отдают ему жизнь. Другие ищут развлечения.

У Щепкина есть такое изречение: «...Театр — храм. Священнодействуй или убоишься вон!»

У нас в коллективе народного театра бытует такая фраза: «Артистом можешь ты не стать, но человеком быть обязан».

Мы говорим: «Всякому, кто любит искусство театра, в театре найдется дело. Что может быть прекраснее влюбленного в искусство театра электроосветителя или рабочего сцены? Только с ними, с людьми, творчески относящимися к любой, самой, на первый взгляд, незаметной работе в театре и делающими эту работу с удовольствием, добровольно, можно построить полноценный народный театр. Театр, основанный на равенстве. Театр без «первых» и «вторых». Служение такому театру действительно должно быть священным».

Высокая идейность, бескорыстие, преданность делу, огромная самодисциплина, сознательное отношение к своим обязанностям, стремление к творческому поиску, к эксперименту и непрестанная, повседневная учеба — вот те качества, которые мы подразумеваем под словом человек. Воспитание этих качеств делает щепкинское изречение совсем не страш-

ным, делает его нормой поведения, без которой немислима планомерная и налаженная работа народного театра.

В коллектив театра люди приходят добровольно. Но вот подчинение уставу театра, соблюдение выработанных самим коллективом и определенных уставом морально-этических норм поведения становится обязательным.

Так появляются ростки сознательной самодисциплины, столь необходимой строителям коммунистического общества. Так творчество артистов из народа обобщается еще одной своей не менее яркой гранью — воспитательной силой, которая помогает формированию человеческих характеров. Пожалуй, эта сторона деятельности народных театров не менее значительна, чем творческий процесс, чем результат этого процесса — спектакль, во имя участия в котором (будем честны) и приходят на первых порах в коллектив люди. Сколько такта, чуткости, педагогического дара, любви к людям, сколько желания бороться за человека должны проявлять мы, режиссеры и одновременно воспитатели.

До боли грустно и обидно становится, когда чувствуешь, что ты не разглядел в человеке хорошего. Когда понимаешь, что в повседневности больших и малых дел ты перестал быть на какое-то время педагогом, когда ощущаешь, что процесс подготовки выпуска спектакля (пусть даже хороший профессионализм) заслонила дорогу индивидуальному подходу к подчас сложным, человеческим характерам.

...Шли напряженные дни подготовки творческого отчета нашего коллектива в областном центре. До глубокой ночи мы не уходили из своей репетиционной комнаты. Некоторые разрабатывали экспозицию выставки. Другие обсуждали план газеты, специально выпускаемой к нашей поездке в Кемерово, совместно с редакцией заводской многотиражки «Металлург». Иные занимались хозяйственными делами, связанными с выездом. Работали весело, дружно, увлеченно. Но вот как-то на одно из очень важных предвыездных мероприятий коллектива не пришло несколько человек. Их было немного. Трое. Коллектив возмутился. Я, достаточно не разобравшись, подогрел это возмущение. В целях «профилактики» перед очень ответственными спектаклями в областном центре «разъярился». Ушел. Ос-

тавил за коллективом право самим навести в своем доме порядок.

Борясь за дисциплину, артисты театра тут же выпустили «молнию», в которой клеймили позором провинившихся. «Молнию» вывесили у входа в репетиционный зал, на виду всех, кто был в тот вечер во Дворце культуры. Двоим из нарушителей дисциплины досталось по заслугам. Они это поняли, и столь жесткая мера возымела действие. Но вот третий И. Он столько сил, энергии, вдохновения отдал нашему театру. Он так бескорыстно служил ему. Что же случилось?

И пришел с опозданием. Увидел «молнию» и ушел. Ушел рассерженный, взвинченный, обиженный. Если подходить формально, И. был неправ. Но в том-то и сила коллективного воздействия на человека, что должно это воздействие быть индивидуальным.

Личные, семейные дела, обстановка, сложившаяся дома, вынудили нашего товарища опоздать на полтора часа. Как впоследствии выяснилось, ту тучку, что набежала на добрые и чистые отношения в семье И., принес порывистый буйный ветер, что волновал наш театр в дни подготовки к поездке в Кемерово. И. попросту несколько дней не видел семью. Днем завод, вечером театр. А между этими двумя равноценно значимыми для И. делами — собрания в цехе, производственные совещания, срочные оперативные задания, связанные со строительством новой домы.

Но И. не подвел коллектив. Он нашел в себе мужество понять нашу общую неосмотрительность, нечуткость. Он достойно защитил творческую честь театра в отчетном спектакле.

Человек! Только человек со всеми его сложностями, с индивидуальными чертами характера, с неповторимой особенностью эмоций должен всегда оставаться в центре общей коллективной заботы всего коллектива театра и его руководителей. Это отнюдь не значит, что мы за взаимные амнистии. За коллектив, идущий «без руля и без ветрил». Нет! Железная дисциплина, требовательный коллективный разум художественного совета, волевая рука руководителя — необходимы. Игра в театре несовместима со строительством подлинно народного театра, который в едином строю всего советского многонационального искусства дарит людям духовные богатства.

воспитывает, учит их. И какими нелепыми, ненужными, беспринципными кажутся споры, к сожалению, ныне возникающие в среде иных театральных деятелей, о назначении, месте и роли народных театров. Речь идет не о подмене народными театрами профессиональных. Пусть народный театр вырастает до уровня профессионального. Пусть театр профессиональный поищет что-то ценное для себя в деятельности народного театра. Без сомнения и тому и другому есть что взять друг от друга на творческое вооружение. В результате выигрывает наше советское театральное искусство в целом. Пусть будет больше театров разных и неповторимых, но всегда стоящих на единых позициях партийности в искусстве. Такой подход к вопросу, на наш взгляд, поднимает творческую ответственность и театра народного, и театра профессионального, которые неминуемо станут единым театром коммунистического завтра.

...СТРОИТЬ КОММУНУ С ПЕСНЕЙ ИДУТ

(Путевые заметки)

«...Россия вольная, страна прекрасная, чудесный край, земля моя!» — так поется в песне. А песню эту любят у нас в коллективе. С ней мы и выехали в свою вторую гастрольную поездку. Эта поездка была необычной и не менее значительной, чем творческий отчет в Кемерове.

В Кузбассе не только плавят сталь и добывают уголь. Кузбасс, как и вся страна, как и вся Россия, борется за изобилие продуктов сельского хозяйства. Трудники колхозов и совхозов Кузбасса выращивают пшеницу, картофель, овощи. Пришла на колхозные нивы Кузбасса и королева полей — кукуруза.

Колхозы Кузбасса становятся все мощнее и зажиточнее. Растет производительность совхозных хозяйств. Но вот культурно-просветительная работа на селе, к сожалению, во многих случаях отстает от задач дня.

Посоветовались, подумали активисты народного театра и решили: поедem на село. Туда, где сегодня мы всего нужнее.

Так возникло решение выехать в поездку по колхозам и совхозам Кузнецкого сельского района. Дирекция комбината изыскала возможность освободить на

9 дней от работы в цехах участников этой поездки. Нас обеспечили транспортом, средствами. Мы, в свою очередь, изготовили малогабаритное, легко транспортируемое оформление для спектакля «Когда цветет акация». Агитбригада «Прокат», являющаяся составной частью народного театра, разработала мобильную, острую и жизнерадостную программу, посвященную сельской теме. И вот погожим днем от Дворца культуры металлургического комбината отошли две автомашины. Красочно оформленный агитавтобус и полупортка со сценическим оборудованием и книгами, которые мы везли в подарок подшефному колхозу «Вперед».

Заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Кузнецкого РК КПСС Анфиса Николаевна Сосолатина в который уж раз рассказывала нам о специфике колхозов и совхозов Кузнецкого района, о людях села и их делах. Мы очень интересовались теми селами, где еще никогда не бывал театр — ни профессиональный, ни самодеятельный. Мы не ставили себе задачей ограничивать работу показом спектаклей и концертными выступлениями. Итогом нашей поездки должно было стать общее оживление культурно-просветительной работы на селе, возникновение новых самодеятельных сельских коллективов, активизация работы уже давно созданных агитбригад, хоров, драматических кружков. В конечном итоге мы стремились к взаимно-

му, внутреннему, духовному обогащению заводской и сельской молодежи.

Пожалуй, никакие цифры о количестве сыгранных спектаклей, выступлений агитбригады, лекций и бесед по вопросам искусства не раскроют существа дней, проведенных на селе. Дело не в цифрах. И те восемь спектаклей, одиннадцать концертов агитбригады, те четырнадцать лекций о международном положении и четырнадцать бесед по вопросам искусства не поведают об удивительной силе взаимного контакта, что возник между рабочими города и тружениками села.

Разве можно забыть, как после одного из концертов, что состоялся среди живописных зеленых березок, неподалеку от полевого стана, к нашему автобусу подошла семидесятилетняя колхозница Анна Григорьевна Астафьева из деревни Бараба. Она долго молчала. Молчали и мы. Потом очень негромко Анна Григорьевна сказала: «Спасибо, детки! Приезжайте еще. Растревожили душу...»

Устами этой женщины с натруженными руками, казалось, каждого из нас благодарила мать. Мать, одобряющая твой труд, твои дела, раз и навсегда избранный путь — служить народу. Нет прекрасней назначения, чем идти по этому пути.

Этот путь и привел нас в село Усково, расположенное примерно в 70 километрах от железной дороги. Мы знали, что в этом селе еще ни разу не ставились театральные постановки. Сцена два

Сцена из спектакля «Когда цветет акация». И. Шатилов — В. Таначев, А. Цветкова — В. Михайлова.

метра в высоту и около трех — по зеркалу.

— Да тут нельзя играть! — раздавались отдельные голоса. Даже наше походное оформление не «влезло» на крошечную сцену. Посоветовались и решили.

— Спектакль состоится.

Монтировочная бригада, вооружившись пилами, «безжалостно» укорачивает на 15 сантиметров нашу конструкцию. Девушки пристроились на ящиках и глядят костюмы. Все подчинено единому стремлению — пусть в самых трудных условиях, но спектакль состоится.

И он состоялся, этот спектакль. И принес он нам ни с чем не сравнимую радость. Но сначала об огорчениях...

Еще только взвился шелковый занавес с эмблемой родного завода, как в зале поднялся невообразимый шум. Кто-то скандалил, сквернословил. Кто-то кому-то грозил. Спектакль продолжался, а шум в зале нарастал. Пришлось опустить занавес и спросить:

— В чем дело, товарищи? Вы не хотите смотреть спектакль?! В мгновенно наступившей тишине раздался хор голосов.

— Хотим! Хотим! Вы уж извините нас!

...И сами колхозники навели в зале порядок. Спектакль шел с небывалым успехом. Исполнители забыли о неспособностях сцены, о трудностях необычных условий, когда на ходу приходилось менять мизансцены и выходы, пристраиваться к необжитым деталям оформления. Зритель реагировал на события пьесы горячо, заинтересованно, непосредственно.

А после спектакля секретарь партийной организации колхоза Виктор Михайлович Булгаков рассказывал: «Да вы и сами не знаете, что сегодня произошло на селе. Великое дело вы сделали, друзья. «Градская» сегодня была. Престольный праздник. Наш бич. Вот уж сколько лет в этот день «празднуют». Пьянствуют, по чести говоря. А сегодня народ пошел в клуб, на спектакль, смотрели, как вы играете, и о «праздничке» забыли. А тех, кто помянул «градскую» и «разгулялся», вывели из клуба.

— А что такое «градская»? Вроде и не слышали никогда.

— Да и не услышите! — засмеялся Булгаков. — Много лет на-

зад, как рассказывают старики, над селом Усково выпал град. Погибли посевы. Вот с той поры и воздают иные дань «боженьке». Сколько вреда ежегодно наносит этот «праздничек» и производству, и людям. Теперь понимаете, друзья, какое большое дело свершилось сегодня. Почти все село было в клубе...

Большое, воистину большое дело оказывается на практике под силу коллективам народных театров. Быть достойным больших дел — наш священный долг.

Перед народными театрами открыты широкие творческие горизонты. Недалеко то время, когда наряду с профессиональным театром зрители ежевечерне станут заполнять залы театров народных. Когда на сценические подмостки будут подниматься вместе с профессиональными артистами артисты из народа. И мы обязаны уже сегодня быть готовыми к этому времени.

Народный театр вступает в пору расцвета. Ему цвести — века! Вот почему мне хотелось откровенно рассказать о том, чем живет, за что борется коллектив народного театра кузнецких металлургов.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

«Теперь вы уже немолодые люди, мои товарищи и ровесники, те, что в морозную зиму тридцатого года пришли сюда — в пустынную, заснеженную кузнечскую котловину — строить будущее. Бывшие кузнечестроевские землекопы, арматурщики, трубоклады, такелажники и клепальщики, вы теперь стали мастерами, инженерами, учеными, деятелями нашего государства, но вы, наверное, не забыли той суровой и горячей зимы... Эшелон за эшелонам прибывали в Кузнецк добровольцы комсомола, будущие строители, парни и девушки из сел и городов Сибири, Поволжья, из Москвы и Ленинграда...»

Так начиналась первая глава моей книги о Стране Темира — о чудесном, полном юношеской романтики и неизведанных испытаний крае, который, как первая большая любовь, стал незаменимо близким и дорогим душе на всю жизнь. Страной Темира — Железа издревле называли этот край в своих легендах и песнях шорцы — исконные жители тайги и гор, называвшие и себя темирзуями — кузнецами; Землей Кузнечкой он именовался на старинных картах Сибири и в путевых описаниях русских землепроходцев. В поэтических этих названиях были выражены не столько подлинные знания и реальные представления людей о своей земле, сколько мечта народная о далеком и великом будущем этого дивно богатого всеми природными кладами, но малоизвестного, глухого угла сибирских просторств...

В ту памятную, небывало морозную и бурную зиму тридцатого, — первого года первой пятилетки, по призыву партии Ленина со всех концов советской земли на берег заледневшей Томи, в сугробы и кряжи Кузнечского Алатау хлынули армии будущих строителей и металлургов — разведывать, открывать и строить настоящую, живую социалистическую страну Темира. Владимир Маяковский напутствовал ее строителей своим гулким, устремленным в зримое уже поэту светлое завтра, маршевым стихом:

Сливеют
губы
с холода,
но губы
шепчут в лад:
«Через четыре
года
здесь
будет
город-сад!»
Здесь
встанут стройки стенами,
Гудками,
пар,
синим

Мы
в сотню солнц
воспламеним
мартенами
Сибирь...

Так начиналась суровая и вдохновенная, будничная и героическая поэма нашей юности — юности страны Темира, поэма о рождении первенца будущей индустриальной Сибири, могучего брата Магнитки — Кузнечского металлургического гиганта...

Книга о стране Темира писалась уже в годы, когда широкое зарево плавок и мощный грохот прокатных станов Кузнечка, слава кузнечских металлургов и кузнечкой стали сверкали и гремели далеко за пределами необъятной Сибири; когда Горная Шория с каждым днем все щедрей и глубже раскрывала перед народом рудные залежи, угольные пласты своих недр. За стремительным шагом и гулом пятилеток, в кипучей буче новых дел и замыслов уже казался невозвратно отдаленным, но неизгладимо и неугасимо запечатлевшимся в памяти и сердце незабываемый тридцатый год; отходила все дальше и наша юность. И мне захотелось в задуманной книге как бы вернуться к этой неповторимой и незабываемой волнующей поныне порою нашей юности, совершить путешествие из сегодняшней страны Темира к первым дням ее открытия и новой жизни — в легендарные тридцатые годы. Но такова уж наша необычайно быстротекущая, захватывающе увлекательная жизнь: на первых же шагах этого путешествия она внесла непререкаемые поправки в мои замыслы, круто повернула намеченный мною маршрут. Путь мой теперь лежал через горные кряжи и долины, озаренные пламенем домен и мартенов Сталинска, по земле, одетой в леса многих новостроек, сотрясаемой подземным гулом новых рудников и шахт; по железным и бетонным дорогам, по которым туда и обратно мчались электропоезда и автоколонны, груженные земными богатствами страны Темира. Передо мною раскрывались в людях, в облике страны Темира картины такой новизны, таких разительных перемен и такого устремления всей жизни в завтрашний день, что глаза уже не могли оторваться от этого мощного и кипучего потока горячей, сегодняшней действительности. И мои путевые впечатления, записи, все больше отклоняясь от первоначальных своих истоков, были целиком поглощены и увлечены этим потоком живой жизни. На пути мне повстречалось столько новых интересных людей — старожилов и новоселов, разведчиков и строителей страны Темира, со многими из них я

так крепко и надолго подружился, что уже не мог от них уйти в воспоминания о милых и близких сердцу днях и спутниках отдаленной юности. Да и сама страна Темира все более становилась для меня уже не только местом наблюдения и познания жизни, но самым родным и любимым краем Родины. Нити сыновней привязанности к этой земле уже не могли оборваться никогда, как бы далеко от нее и где бы я ни был, каким бы испытаниям жизни ни подвергался. Книга о стране Темира, о моих кузнецких, горношорских земляках, друзьях и спутниках, занятая в моей жизни, в рабочих планах и раздумьях какое-то особое, главное место, стала как бы самым задушевным моим дневником, в котором наслаивалось и накапливалось самое значительное и волнующее из увиденного и пережитого. Спеша и не поспевая за стремительным потоком жизни, я старался в своих путевых, дневниковых записях как-то запечатлеть и отразить хотя бы какую-то долю, наиболее выразительные черты, события, встречи из того огромного, неохватного и многообразного, что совершалось, раскрывалось и вырастало с каждым новым днем в стране Темира — так и складывалась книга о ней. Работа эта растянулась на десятилетия, не прерывалась и в годы Великой Отечественной войны, заняла первые послевоенные дни, а конца ей все еще не предвиделось, хотя жизнь на моих глазах уже далеко опередила то, что казалось мне еще самым новым и необыкновенным...

...«Вероятно, и сейчас ее (книгу) нельзя считать завершенной, потому что продолжается сама жизнь, продолжается и наше путешествие по Стране Темира» — таким заключением пришлось мне закончить и последнее издание своих очерков («Камень на ладони»), вышедшее три года назад.

Перечитывая книгу, я сегодня с большей, чем прежде, неудовлетворенностью и смущением вижу незавершенность, незаконченность своей работы над самой для меня важной, близкой и поныне самой увлекательной темой нашей жизни. Не говоря уже о том, что за годы, минувшие с того времени, которым оборвалось мое повествование и путешествие, в стране Темира произошло столько поистине необычайного, раскрылось и возникло столько нового, особенно в дни великого семилетия, что сразу этого и не охватишь глазом, а многого просто и не знаешь в обlique заветного края. Юный, богатырски растущий город Междуреченск, громадные угольные, рудные разрезы и вскрытия Томь-Усы, сплошные строительные леса и дым, стрелы кранов и экскаваторов, простирающиеся на Абакан, к Саянам, и много еще такого, что я видел только в самом зарождении или в проектных наметках и замыслах, и такого, о чем не мог даже и предполагать или слышать от самых знающих и прозорливых строителей и проектировщиков большого будущего страны Темира. А мои давнишние славные друзья и спутники, горячие трудолубы в пламенных цехах Сталинска, в гулких лавах и светлых штреках Осинников и Таштагола, — сколько за эти короткие годы в жизни вашей свершилось знаменательных и будничных событий, глубоких перемен, какими блистательными подвигами и трудовыми победами увенчали вы себя, свои бригады и коллективы на героической вахте семилетки?! Да ведь рядом с вами, вокруг вас в эти дни, богатырски расправив плечи, смело и пылливо устремив глаза на восход нашего завтра, поднялась такая молодая поросль, такая могучая рать ударников коммунистического труда, что среди нее, может, вас не скоро найдешь и увидишь...

Словом, когда я обо всем этом пораздумал, то и показался мне, что едва ли сейчас возможно и по-сильно продолжать дальше незаконченное повествование мое, да и само путешествие по нынешней стране Темира. Настолько далеко вперед ушла она от тех рубежей, на которых прервались мои записи, на такие новые, недостижимые высоты поднялась, что и пытаться нечего подступиться, приблизиться к ней по своей прежней, малозаметной и робкой тропинке. Новую, более проникновенную, широкоохватную и полнокрасочную книгу о стране Темира и ее героях удастся написать лишь другому, молодому автору, выросшему вместе с этой чудесной землей и всем своим существом крепко слившемуся с нею. Такая книга, конечно, уже создается моими кузбасскими земляками, собратьями по перу...

Однако жизнь снова с присущей ей мудрой настойчивостью и неотразимой силой притяжения вскоре же напомнила мне о незавершенном, но непрестанно влекущем душу путешествии и о моем далеко еще не оплаченном долге перед нею. Находясь далеко за пределами Родины — в великом народном Китае и оттуда с понятным каждому советскому человеку волнением и вниманием следя за всем, что происходит на родной земле, с особым чувством я услышал и воспринял радостную весть о начале еще одной величественной новостройки семилетнего плана на сибирской земле, а именно в стране Темира. Это было сообщение о развертывании строительства на берегу быстроводной Томи, в отрогах Кузнецкого Алатау, второго и еще более могущественного и прекрасного индустриального города — Западно-Сибирского металлургического завода. Особенно взволновало меня известие о том, что возводиться этот громадный огнеликий город стали будет так же, как и его старший — кузнецкий брат, как Комсомольск-на-Амуре, нынешние Братск на Ангаре и Дивногорск на Енисее, как многие зерноградцы и житницы на сибирской целине, — молодыми, порывистыми и неутомимыми руками, на высоковольтной энергии молодого поколения нашего народа — Ленинской комсомолки, новой молодежной армией добровольцев и призванников всенародной коммунистической стройки. На стройплощадку будущей металлургической базы, по Транссибирской, Кузбасской электромагистралям, по сибирскому воздушному океану, в целнометаллических экспрессах, на серебристокрылых кораблях, с партийными и комсомольскими путевками в руках двинулись тысячи молодых энтузиастов семилетки, в том числе целые батальоны и полки демобилизованных воинов, рвущихся на передний край великой мирной битвы за счастье — не с автоматами и не на танках, а с электросварочными аппаратами в руках, за пульты и рулями экскаваторов и бульдозеров...

Когда я живо и зримо представил себе панораму громадной новостройки, разворачивающуюся на берегу Томи, близ возмужалого, сверкающего всеми своими огнями, грохочущего горячими цехами Сталинска, когда мысленно взгляделся, вслушался в размах и гул нарастающего изо дня в день приступа многотысячной армии строителей к великим работам, — словно дохнул мне в лицо из страны Темира морозный и жаркий, порывистый и неотступный ветер нашей далекой, незабвенной юности, штормовых кузнецкостроевских дней и ночей, легендарных лет первой пятилетки! Одна за другой в памяти вставали картины, а в сердце с необычайной силой вспыхивали переживания тех далеких дней — закуренные палатки, дощатые бараки Нижней колонии, в которых поселились первые кузнецкостроевцы, кост-

ры в котлованах, которыми мы обогревали коченевающие руки и оттаивали каменеющий от стужи грунт, ударные пятidineвки в самые трудные и напряженные будни стройки и многие обветренные, обожженные морозом и зноем веселоглазые лица парней и девочек — моих ровесников и однокашников, незабытые и поныне... И так потянуло меня снова в родной край, в страну Темира, к моим землякам — старожилам и новоселам, в шумную и кипучую жизнь новой стройки, словно и сам я вновь стал молодым, ощутив комсомольский горячий задор в руках и сердце...

Нет, не миновала безвозвратно наша юность, не миновала бесследно трудная и вдохновенная кузнечкостроевская пора! Вот она снова гремит маршем ударных бригад, боевыми комсомольскими лозунгами, смелыми социалистическими обязательствами, высоким накалом трудового соревнования и новаторской инициативы, — в котлованах, на поднимающихся фундаментах гигантских домен и мартенов, на лесах и металлоконструкциях будущих цехов и многоэтажных жилых кварталов нового центра сибирской металлургии, столицы коммунистической страны Темира. Значит, продолжается, должно быть продолжено и наше путешествие по этой как бы заново переживающей свою молодость, богатырский рост и расцвет чудесной стране железа и садов, неисчерпаемых земных богатств и солнечной энергии.

Конечно, это уже иная, чем тогда, неизведанная новизна, завтрашней мощи и красоты страна Темира. Иная и молодость, пришедшая сегодня на стройплощадку нового города-сада, во всеоружии величайшего сорокалетнего опыта социалистического строительства, самой совершенной в мире техники и новаторской инженерной мысли, молодость, идущая сегодня в могучем строю ударников коммунистического труда, разведчиков будущего. Но где же еще место в жизни для каждого советского человека, живущего одними порывами и одними желаниями со своим великим народом-строителем нового мира на земле, как не в этом строю, как не на этом переднем крае великого созидания?!

С того дня, как я узнал о начале больших стро-

ительных работ на площадке будущего металлургического гиганта в моем родном крае, меня уже не покидала беспокойно радостная думка — поскорее бы вернуться домой и тотчас отправиться туда — в страну Темира, чтобы успеть увидеть все происходящее там в процессе рождения и становления, то есть встретиться с этой новой юностью, и с головою окунуться в ее горячий и бурлящий поток. Еще в Китае мне посчастливилось среди наших советских специалистов, которых Родина направила в КНР для оказания братской помощи и передачи нашего передового опыта китайским друзьям в строительстве социализма, на индустриальных новостройках Уханя, Баотоу и других, встретить и своих земляков из страны Темира — выдающихся кузнечных сталеваров и прокатчиков. От них я услышал столько волнующих новостей о жизни, о славных делах, замыслах и начинаниях замечательных моих земляков, что захотелось, еще сильнее и нетерпеливее захотелось поскорей вернуться на эту чудесную землю, встретиться с моими давнишними и новыми, еще неизвестными героями...

И вот, наконец, я возвратился в родную Сибирь, в Новосибирск. Разные неотложные дела и заботы, связанные с двухлетним пребыванием в Китае, в частности, книга китайских впечатлений и записок, потребовавшая немало времени и сил, несколько отодвинули исполнение самого заветного моего желания — отправиться снова в путь по стране Темира. Но совсем недавно я услышал отсюда новую весть, которая прямо-таки подхлестывает меня: из Сталинска через Томь к стройплощадке Западно-Сибирского завода перекинут новый широкий мост, как бы соединяющий сегодняшний и завтрашний день страны Темира, вчерашнюю и новую ее юность. И теперь уж просто нельзя дальше откладывать давно и неотступно влекущее меня путешествие по пламенной земле нашей непреходящей, как сама жизнь, юности. По этому мосту и хочется мне в наступающем новом году продолжить и свое путешествие по славной молодой стране Темира, и свое путевое повествование о ней, о ее замечательных строителях.

ПО СЛЕДАМ ЛЕГЕНД И ПРЕДАНИЙ

(К 50-летию
со дня рождения
А. И. Смердова)

Далеко в тайге Кузнецкого Алатау затерялся улус Чувашка. Жил в нем четверть века тому назад охотник и рыбак Николай Александрович Напасаков, по прозвищу Морошка. И не выделялся бы ничем шорец-старик, если б не был он прекрасным ныбакчи — сказочником, умным и наблюдательным человеком.

Однажды на исходе лета рыбачил Морошка на берегу горной речки Мрас-Су. И вот, узнав об этом, потянулись под вечер к его костру плотовщики, рыбаки из улуса, охотники. Морошка встречал всех приветливо, угощал ухой, пересылая свою речь поговорками и прибаутками. Люди же молча поглядывали на сказителя и чего-то ожидали.

— Ладно, так и быть, буду маленько кайларить, — наконец проговорил старик.

Затем он направился в свой шалаш и вернулся оттуда с комысом — музыкальным инструментом, похожим на домру. Люди раздвинулись и дали старику лучшее место у костра. Глуховато загудел комыс, зашевелились губы кайчи. Пел он старинную шорскую легенду о богатыре Ай-Толае.

* В древние, очень далекие времена стоял у подножия таежных гор высокий шатер. Жил в нем молодой силач Ай-Толай со своей сестрой Пий-Коок и красавцем-конем Ак-Кулатом. Однажды, находясь в пути, заметил Ай-Толай, как всадник на черном коне гонит стада и на аркане тащит пленника — плачущего девятилетнего мальчика. Нагнав разбойника, вступил храбрый богатырь с ним в бой. Девять дней бился Ай-Толай с Кара-Салыном — великим господином тайги. Наконец, «кедр столетний в тайге упал, черный наездник с земли не встал». Забрав с собою мальчика и стада, Ай-Толай вернулся обратно. Стал с тех пор девятилетний Кюрен-Кылыш младшим братом Ай-Толаю.

Но не заканчиваются на этом подвиги храброго богатыря. Приходится биться ему еще и с ханами Пергенами (что в переводе означает — «меткими стрелками»). Те обложили окрестные пле-

мена непосильной данью, угоняли их стада, жен и дочерей. Семь дней и семь ночей бился Ай-Толай с Пергенами. И не вытер он свой меч до тех пор, пока не изрубил последнего из врагов.

С тех пор мир воцарился среди народов. На землях Алтая и Горной Шории уже не гремели войны, не наезжали ханы облагать данью мирные племена...

* Умолк Морошка, закончив сказание о богатыре Ай-Толае. Долго, не произнося ни слова, сидели слушатели под впечатлением старинной легенды, и потухшие трубки не дымили в их руках...

Кто знает, может, и не дошло бы до многих читателей это поэтическое сказание о богатыре шорского народа, если бы среди слушавших в тот вечер Морошку у таежного костра не находился один человек. Молодой поэт решил литературно обработать сказки и легенды народов Шории. Не в старых книгах и журналах начал он поиски этих легенд и песен. Одев просторный брезентовый плащ, высокие охотничьи сапоги, закинув за плечи рюкзак, пошел он по таежным тропинкам, горным перевалам. Не раз спускался любознательный исследователь на плато и лодчонках по горным порожистым рекам. Ночами у дымных костров слушал он песни и легенды замечательных шорских сказителей — кайчи и ныбакчи.

Имя этому поэту и пытливому исследователю народного эпоса — Александр Иванович Смердов.

Десятки поэм, переводов, стихов и очерков создал писатель за тридцать лет большого литературного труда. Он был свидетелем того, как в 30-е годы комсомольцы-энтузиасты рыли котлованы для первых доменных печей, видел, как поднимались терриконы первых угольных шахт Кузнецкого бассейна. Писателю вспоминается и та морозная зима 1930 года, когда в заснеженную котловину пришли строители: землекопы, арматурщики, каменщики.

Эшелон за эшелонам прибывали со всех концов Советского Союза на строительство металлургического комбината первые землепроходцы.

«Там, где сейчас стоит завод, — вспоминает писатель, — была деревня Бессоново; я видел, как ее сносили, когда в Кузнецкую котловину пришли планировщики и строители. На противоположном берегу Томи лежал старинный глуховатый Кузнецк, сибирский острожный городок с каменной тюрьмой, разрушенной во время гражданской войны, церковью на площади и старыми, почерневшими от времени и осевшими в землю деревянными домиками. По этим улицам когда-то бродил в задумчивости и тоске сутуловатый прапорщик из ссыльных — писатель Федор Михайлович Достоевский».¹⁾

Когда перечитываешь произведения Александра Смердова, то внимание больше всего останавливают те из них, материалом для которых послужил шорский эпос. Именно здесь, в поисках легенд, сказок, песен, в их литературной обработке автор наиболее своеобразен, наиболее поэтичен.

Как и когда обратился он внимание на легенды и сказки Горной Шории, что натолкнуло его на глубокое изучение народной мудрости, воплощенной в старинных преданиях алтайцев и шорцев?

Тот, кто познакомится с шорскими сказками и легендами, собранными и переложенными в стихи Александром Смердовым, как будто посетит таинственный, доселе ему неизвестный своеобразный мир, с особенным бытом, культурой, поэзией. О чем бы ни говорилось в песнях и легендах этого небольшого народа, всегда в них торжествует справедливость. Герои сказаний, богатыри, всегда защищают слабого, побуждают сильного, но злого. Мир воцаряется на земле, не враждуют больше один народ с другим — вот основная мысль, которая объединяет шорские сказания. Чувство любви к своей родине руково-

¹⁾ Смердов А. «Камень на ладони». СП. М., 1957, стр. 13.

дит поступками шорских богатырей. Недаром Ай-Толай заявляет: Кто землю родную любит,
как мать,
Тот будет по ней всегда
тосковать.
Кто пил из речки родной
однажды,
В чужом краю ощущает
жажду...¹⁾

В переводах и стихах, написанных по шорским мотивам, Александр Смердову очень хорошо удается передать философскую глубину мысли, раздумья о жизни, о предназначении человека. И едва ли не лучшим из таких произведений являются три строфы, которые Александр Смердов переложил с шорского:

В дни, когда ветер горячий веет,
Листьев роса не смочит.
В дни, когда разум твой, юноша,
зреет,
Бессонны бывают ночи.
Много растет в темнотесях
хвойных
Сосен — прямую найдешь
без труда.
Много в народе людей
достойных —
Верного друга найдешь всегда.

Горной реки широко течение,
Без лодки потока не переплыть.
Юноша, помни, что без ученья
Счастливым в жизни не быть...²⁾

Старые шорцы зачастую бывают наивны и любознательны. И это не мудрено: что могли видеть они, дети тайги, прожившие всю свою жизнь, не зная ни железных дорог, ни больших городов, ни могучих заводов. Александр Смердов очень хорошо передал в своих очерках эту наивность старого шорца, его безграничное удивление при взгляде на новый быт, на новый труд своих молодых соплеменников.

В очерке «Охотник Карол» автор рассказывает о том, как встретил старика-шорца. «Седые длинные волосы падали ему на плечи. Старик был одет в белый холщовый шабур (кафтан из домашнего полотна), подпоясанный широким, потрескавшимся от времени ремнем, украшенным медными бляшками. На ремне висели нож в грубых деревянных ножнах, кожаный мешочек с табаком». Это — Карол — охотник

с верховьев Мрас-Су, всю жизнь проживший в тайге. Теперь он спустился в салике вниз по реке, чтоб своими глазами увидеть город Сталинск, о котором так много рассказывают в горах. Автор описывает, как, попав на металлургический комбинат, старый шорец при виде всего приходит в неопределимое удивление. Доменная печь кажется ему клеткой огромного огненного чудовища. «Люди суют железные палки в пасть чудовищу, а потом выпускают на волю реку огня», — рассуждает он. Старый Карол боязливо отступает к выходу, опасаясь, как бы страшная печь не взбесилась и не перестала слушаться людей. А потом Карол едет впервые по железной дороге и гадает: не то ли время наступило, когда «изпод земли выползет серебряный многоголовый змей, обовьет Мустага, и из пасти змея будет вылетать пламя...»

Так Александр Смердов передает наивное удивление старика-шорца при виде всего нового, что тот встречает на металлургическом заводе и на железной дороге. Писатель при этом подмечает характерную черту: факты действительности в сознании старика-шорца тесно переплетаются с образами народных сказаний, легенд и поверий, так близких ему.

В очерках Александра Смердова образно раскрывается особый мир, своеобразная экзотика старой Горной Шории. Здесь встречаем мы и шорские предания, и обычаи, сохранившиеся с прадедовских времен, и остатки суеверий. Хорошо зная обычаи шорцев, писатель в своих произведениях создает очень яркие, запоминающиеся картины их быта.

Вот он описывает, как два старика-охотника Шулбай и Карол убивают медведя, задравшего колхозного бычка. Следуя старинному обычаю, они спешат «обезвредить» душу «азыга» — медведя. Для этого один из охотников выбивает зверю клыки и выкалывает глаза. Делается это для того, чтоб душа медведя, переселившись в другого зверя, не вздумала больше нападать на колхозных телят. Далее А. Смердов с мягким юмором описывает, как суеверные охотники начинают свежевать медведя:

«Вспоров шкуру медведя вдоль живота, старики снова затаили скорбную песню и причитания, возобновили хитрые разговоры с душой покойного и стали уверять Ульгена (бога тайги) в своей полной непричастности к смерти азы-

га. В то время, как Шулбай продолжал снимать шкуру с медведя, Карол стегал обнаженное розовое тело азыга прутником и, всхлиывая, давал напутственные инструкции его душе:

За черемухой лазил-де,
свалившись, умер — скажи,
За шишками лазил на кедр и,
упав, разбился — скажи,
За косулей погнавшись, с утеса
свалился и умер — скажи,
Смородиной лакомясь, в трясине
увяз — скажи...

Так должна была отвечать душа азыга, представ перед Ульгеном. Шулбай между тем продолжал ловко свежевать зверя».¹⁾

Читаешь очерки Александра Смердова о шорцах и их эпосе и видишь перед собою писателя не бесстрастным коллекционером, с протокольной точностью регистрирующим факты жизни. Поэт живет своим материалом; глубоко чувствуя его, он улавливает самые тончайшие оттенки психического склада того народа, который описывает. И совершенно прав исследователь творчества писателя А. Никольков, когда заметил в одной из своих статей, что не по заказу взялся Смердов за перо, а лишь тогда, когда «открытый им жизненный материал застучал в сердце, требуя своего воплощения».

Искусство создания художественного образа — нелегкое дело. Десятки прототипов, сотни различных портретов пройдет перед глазами и в сознании писателя, прежде чем его перо выпишет последний, законченный вариант. И часто не ярко расцвеченный внешний портрет, не детальное и скрупулезное описание героя поражает читателя, а всего-навсего один небольшой эпизод, яркая и меткая деталь. Александру Смердову как раз и удается рассказать о человеке всего-навсего в двух-трех эпизодах и так раскрыть его характер. Лучшее всего это удается ему в изображении шорцев-охотников и сказителей.

Вот автор со своим попутчиком разыскивает ботаника Гайворона. Старые охотники говорят, что о нем надо спросить Капчигая: «Капчигай все знает». Следуя совету, они отправляются на поиски. И вот вместо старого опытного охотника — таежного следопыта, они встречают четырнадцатилетнего мальчика-шорца. Это и есть всезнающий Капчигай.

¹⁾ Смердов А. «Камень на ладоши», стр. 121—122.

¹⁾ «Полнолуние». Новосибирское книжное изд-во, 1955, стр. 40.

²⁾ Смердов А. «Пушкинские горы». Новосибир. книжное изд-во, 1948, стр. 73.

Удивлен и читатель. Действительно, сможет ли этот мальчик провести путников через дремучую тайгу, буреломы, бесчисленные речушки?

Все трое отправляются на поиски ботаника Гайворона. И тут-то автор рассказывает в нескольких небольших эпизодах об умении и находчивости мальчика-шорца, знающего тайгу, как свои пять пальцев. Уже с девяти лет ходит Капчигай самостоятельно на охоту; ему ничего не стоит поймать живым бурундучка, развести в сырую погоду костер, добыть дикий мед; он знает в тайге каждую тропинку, каждый перевал. И все это описывается Смердовым образно, ярко.

Так из отдельных «частностей», небольших эпизодов автор создает запоминающийся образ молодого шорца — трудолюбивого, знающего тайгу охотника.

Сердцу и разуму автора близка Горная Шория и своими людьми, и своей природой. Александр Смердов мастерски владеет искусством диалога, умело вплетает в речь шорцев пословицы, поговорки.

«Наклони голову на север — ныбак услышишь, повернись на юг — шор-сарыни услышишь», — так говорили автору шорцы, когда речь заходила о сказках и песнях, за которыми он ехал в Шорию. Этим изречением он и начинает цикл очерков — «Высокий перевал». А вот, как образно спрашивает автора один из старых шорцев: «Как звать-то его?.. Кожа шерсть имеет, у человека имя есть». Такие пословицы, поговорки, меткие выражения оживляют стиль очерков, придают им яркость и неповторимое языковое своеобразие.

Особенно хорошо описывает

А. Смердов красоту природы Шории. Ведь эти богатые, полные таинственной прелести места как нельзя лучше перекликаются с теми сказаниями и легендами, которые записал исследователь, странствуя по тайге, встречаясь с певцами и сказителями. Вот как описывает он наступление утра в тайге:

«Я вышел на улицу и присел на крыльце. Показалось солнце. Золотистый его круг поднялся из-за вершин пихтача на взгорье, и лучи заиграли на снегу.

И началось великое таяние. Деревья отряхивались от снега, расправляя ветви. Зеленела хвоя. Как ни в чем не бывало золотилась листва на березах, стоявших неподалеку. Зеленые пики травы прокалывали пухлый снег, и по стеблям серебристыми каплями скатывалась вода. Зажурчали ручьи, их было так много, что в воздухе стоял приглушенный гул воды. Ручьи ринулись с горы к речке, затерянной в густом кустарнике. Засвистели, защебетали в недалеком лесу птицы.

Через час все уже зеленело и золотилось вокруг. Неизвестно откуда появилась и пролетела мимо оранжевая бабочка, в траве заиграл на своей скрипучке кузнечик... Невиданно быстрая весна мгновенно и красиво возродила землю и все живущее на ней, прогнав зиму и снег»¹⁾

Такую пейзажную зарисовку мог создать только поэт, всем сердцем любящий свой край.

Есть в сборнике очерков Александра Смердова «Камень на ладони» рассказ о том, как четырнадцатилетний мальчик Аркаша

Огородников решил начать самостоятельную жизнь. Захотел он испытать свои силы и волю где-нибудь на Крайнем Севере, хотя бы в полярном порту Игарке. Пятидесятиградусные морозы, горы голубоватого льда, озаренного северным сиянием. Охота на белых медведей — это ли не романтика!

Но случайно Аркаше пришлось побывать в Горной Шории и поработать среди исследователей — ботаников и геологов. Мальчику так понравилась тайга с ее дремучими лесами, горными перевалами и порожистыми, бешено несущимися реками, что он невольно полюбил этот край, полный своей романтики, своей прелести.

«В книге не одно прошедшее — она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящим... она — программа будущего».¹⁾ Эти слова принадлежат выдающемуся русскому писателю и мыслителю А. И. Герцену. Они вспомнились нам, когда прочитали мы книгу очерков «Камень на ладони», переводы шорских легенд и преданий. Читая их, задумываешься: а сколько юношей, познакомившись с интересными очерками Александра Смердова о таежных охотниках, о геологах, о шорцах-сказителях — последних могиканах устного народного эпоса, не воспламенятся желанием поехать на Алтай, в Горную Шорию, на освоение новых земель, на розыски золота, железной руды.

Живое слово писателя обогащает юное сознание, юные сердца!

¹⁾ Смердов А. «Камень на ладони», стр. 60—61.

¹⁾ Сб. «Русские писатели о литературном труде», т. 2, стр. 14.

П. БУРДОВИЦИН

ПОЭТ И ВОИН СИБИРСКОЙ ДИВИЗИИ

С Милицей Николаевной, молодой женщиной, мы встретились в добрый зимний полдень. Пригласив нас присесть за стол, она вышла в соседнюю комнату и вскоре принесла коробочку, перевязанную ленточкой, осторожно положила ее перед собой. Вздыхнув, хозяйка квартиры взяла в руки письма и начала беседу о самом близком ей человеке, с которым она долгие годы делила радость и горести нелегких житейских дорог.

Письма приходили часто. Как и сотни тысяч, миллионы других советских женщин, проводивших в армию мужей, сыновей, братьев, она внимательно перечитывала листки, исписанные знакомым почерком. Нередко ее муж, Георгий Антонович Доронин, вместе с короткими скупыми посланиями о своем житье-бытье вкладывал в конверт стихотворения, опубликованные в газете «Боевая красноармейская». Эти вести, прилетевшие за тысячи километров, радовали и вместе с тем вызвали тревогу. Из сводок Советского информбюро и газет она знала, что на полях Смоленщины, под стенами Ленинграда, на степных просторах Украины идут жестокие бои с фашистскими войсками.

С каждым месяцем стопка с письмами и стихотворениями мужа росла. Милица Николаевна аккуратно складывала их как самые ценные документы, бережно хранила. И когда было очень тяжело, она снова и снова перечитывала затуманенными глазами то, что присылал муж, хотя знала все почти наизусть.

Трудно оторваться от стихотворений Доронина, созданных по горячим следам событий. Герой стихотворений Саша Сибиряков, самый бесстрашный боец, подобно Василию Теркину, с честью выполняет свою священную обязанность, мужает в боях, переходах.

Почти в каждом номере своей газеты солдаты и офицеры Сибирской добровольческой дивизии читали короткие доходчивые строки стихотворений: «Саша Сибиряков получил винтовку», «Саша Сибиряков принял присягу», «Саша Сибиряков в Москве». Эти и многие другие произведения Доронина, правдиво рассказывающие о мужестве, подвигах земляков, были близки, находили отклик в сердцах сибирских колхозников, охотников, горняков, металлургов, строителей, поднявшихся на защиту Родины. Строки стихов были согреты теплом неутомимого автора, «приравнявшего перо к штыку», дышали ненавистью к фашистам, нарушившим мирный созидательный труд советских людей. Поэт был летописцем дивизии, откликался на все события их жизни, богатой различными эпизодами.

Крылатой птицей однажды облетела полки весть о том, что в дивизию прибыли из Сталинска автоматы, на прикладах которых блестела металлическая табличка: «Фронтовику-сибиряку от Чалкова».

Советское правительство высоко оценило творческий труд на благо Родины кузнецкого сталевара Александра Чалкова, присудив ему почетное звание лауреата Сталинской премии. На денежную премию патриот-металлург приобрел автоматы и направил их в действующую армию. Каждому из бойцов хотелось получить этот почетный подарок. И вот в Кузбасс идет письмо Саши-гвардейца, говорящее о неразрывной дружбе фронта и тыла.

Устами поэта Саша горячо благодарит Чалкова за подарок, дает твердое слово гвардейца выполнять боевую присягу, данную матери-Родине. Стихотворения Доронина свидетельствуют о душевной теплоте, о его любви к лю-

Г. А. ДОРОНИН

дям, одетым в защитные гимнастерки. Автор находит точные слова, яркие рифмы, чтобы раскрыть свои чувства, мысли, настроения.

Читателям газеты понравилось стихотворение «Саша Сибиряков в шалаше».

Только скрыла ночь избушки
Шалью черною своей,
Мы шалашик на опушке
Смастерили из ветвей.
Неказистый дом, быть может,
Мы срубили топором,
Но в лесу шалаш дороже
Нам избушек и хором.
Под его зеленой крышей
Мы глотали дым до слез.
И мерцали звезды выше
Длинных елок и берез.

В один из июльских знойных дней 1942 года, когда озверелые фашистские орды, истекая кровью, рвались к Волге, к Сталинграду, редактор городской газеты «Большевистская сталь» Доронин вступил в ряды Сибирской добровольческой дивизии. Назначенный заместителем редактора армейской газеты, он выполнял различные задания: организовывал материалы, правил заметки, статьи, вместе со своими товарищами обдумывал каждый очередной номер, «шапку», писал стихотворения.

О боевом крещении дивизии, о сокрушительных ударах, которые наносили земляки врагу, о подвигах кузнецов, их бесстрашии До-

Доронин рассказал в «Письмах с фронта», напечатанных в «Большевистской стали». Он сообщил о том, что бойцы-сибиряки, не щадя своей жизни, идут вперед, освобождая священную русскую землю, дерутся на каждой улице, на каждом переулке. В этом сражении погиб ветеран Кузнецкстроя заместитель командира по политической Михаил Роганов.

11 июля 1943 года в «Большевистской стали» опубликовано большое стихотворение «Письмо друзьям далеким с фронта» — правдивый рассказ о героизме и мужестве воинов-сибиряков.

Как самого дорогого, желанного гостя встречали земляки капитана, любовно называя его Сашей Сибиряковым, делились с ним сокровенными думами, просили чаще навещать их. Здесь, в окопах, блиндажах, рождались темы стихотворений, заметок, очерков. Блокнот журналиста пополнялся все новыми и новыми фактами, впечатлениями, яркими словами, образами.

В наградном листе командования было записано:

«В дни наступательных боев капитан Доронин не выходил из боя, все время находился в частях, вместе с бойцами и командирами. Он давал из номера в номер стихи «Саша Сибиряков», в которых показывал боевые дела и успехи десятков бойцов и командиров. Доронина знает вся часть, его любит весь красноармейский состав. За большую работу в газете и личное участие в наступательных операциях Доронин достоин правительственной награды».

Вскоре на гимнастерке, плотно

облегавшей высокую фигуру капитана, засияла медаль «За боевые заслуги». Поэт еще упорнее продолжал трудиться. В стихотворении «Аня Мензорова», посвященном бесстрашной комсомолке, он пишет:

Летит, как сокол, сердцем
гордый,
И знак отваги — Красный
орден —
Горит звездой на груди.
Но выше той награды нет,
Что ей оставил день вчерашний:
Вручили девушке отважной
Великой партии билет.

В августе 1943 года Доронин отправился в одно из подразделений дивизии, чтобы подготовить материал для очередного номера газеты. Поэт попал под огонь фашистских минометов, был смертельно ранен в грудь.

Сибиряки жестоко отомстили за гибель товарища, который вместе с ними шел по дорогам войны, правдиво отражая ратные подвиги верных сыновей Сибири.

*
*
*

— А что еще сохранилось у вас из произведений Георгия Антоновича?

Отложив в сторону учебники, из-за стола поднялся сын поэта, Станислав — высокий широкоплечий юноша с неторопливыми движениями. Он нашел в книжном шкафу пухлую папку, в которой собрана часть рукописей отца, начавшего трудиться в газете еще юношей в 1925 году. В руках у меня инсценировка из

жизни рабочих мельницы Сибкрайсоюза «Дело рабочих рук». Так же осторожно перелистываю другую работу — «Интеллигенция одного села».

— Эта рукопись вышла отдельной книжкой, — сообщает Милица Николаевна.

Затем мы внимательно рассматриваем наброски труда по истории партизанского движения в Сибири и публицистический труд Г. А. Доронина «В тылу Колчака», подготовленный к печати. Здесь же, в папке, лежит пожелтевшая от времени рукопись неоконченной повести, отпечатанная в трех экземплярах.

Я узнаю о том, что первая поэма Доронина «Земля подшефная» опубликована в 1928 году в журнале «Сибирские огни».

Отдельно, как самую дорогую реликвию, в этой простой советской семье хранят орден Отечественной войны, которым был отмечен скромный труд военного журналиста.

Наша сердечная беседа длилась долго. Хозяйка квартиры взволнована воспоминаниями о муже.

Станислав спешил на смену, он мастер ремонтного цеха Кузнецкого металлургического комбината. После работы Станислав раскрывает учебники по высшей математике, физике, механике, другим дисциплинам. Он студент вечернего отделения Сибирского металлургического института.

— Он тоже пишет стихи, мечтает стать журналистом, — говорит Милица Николаевна, гордясь тем, что Станислав, напоминая своим обликом, характером, духовными стремлениями отца, идет верной дорогой, живет и трудится по-коммунистически.

С. РОДИОНОВ

КУЗБАСС ПОСЛЕ РАЗГРОМА КОЛЧАКОВЩИНЫ (1920 год)

В декабре 1919 года, когда сокрушительными ударами Красной Армии и народных мстителей — партизан завершился разгром основных полчищ Деникина и подходило к концу освобождение Западной Сибири от колчаковцев, В. И. Ленин с трибуны VII съезда Советов вдохновенно говорил: «Позади лежит главная полоса гражданских войн, которые мы вели, и впереди главная полоса того мирного строительства, которое всех нас привлекает, которого мы хотим, которое мы должны творить и которому мы посвятим все свои усилия и всю свою жизнь».¹⁾ Первым успехам созидательного труда народа по возрождению освобожденного от колчаковщины Кузбасса и посвящается настоящая статья.

Сибирь относилась к числу тех районов страны, где последствия хозяйничанья интервентов и внутренней контрреволюции были особенно тяжелыми. В борьбе с молодой Советской Республикой контрреволюция хищнически растрачивала ресурсы Сибири. За время хозяйничанья колчаковцев в Сибири не было построено ни одного промышленного предприятия. Правительство Колчака расходовало на ведение контрреволюционной войны 95,6 проц. своего бюджета, а на нужды, например, сельского хозяйства, где была занята основная масса населения Сибири, расходовалось всего лишь 1,6 проц. бюджета. Отступавшие колчаковцы стремились вывезти из Сибири все, что успевали и могли вывезти, и разрушали все, что успевали и могли разрушить.

В результате промышленное производство Сибири в 1920 году

составляло лишь 20—25 проц. довоенного уровня. Даже по сравнению с 1917 годом добыча угля в Кузбассе в 1919 году сократилась на 56 проц. Кемеровский рудник ввиду расхищения живого и мертвого инвентаря находился в хаотическом состоянии. На Томской железной дороге было разрушено 117 мостов, из строя выведено 70 проц. паровозов. Колчаковцы разрешили вывезти за границу 943 вагона сырья огромнейшей ценности (пушнина и др.). Из Сибири вывозили мясо, хлеб, лен. В Сибирь же только за первые три месяца 1919 года из-за границы было вывезено 336 тыс. пудов таких товаров, как пудра, шпильки, шляпки, кружева. В качестве платы за помощь в борьбе с молодой Советской Республикой колчаковцы передали интервентам Японии, США, Англии и Франции около 10 тыс. пудов русского золота. По данным, собранным волисполкомом в 1920 году, только в уездах Мариинском, Щегловском и Кузнецком за время интервенции уничтожено и расхищено: хлебофуража — на сумму (в довоенных золотых рублях) 3 322 125 рублей, инвентаря — на сумму 314 400 рублей, скота — на сумму 1 184 265 рублей, а всего на сумму 5 767 380 рублей. В целом по Сибири во время колчаковщины было уничтожено 56 тыс. крестьянских хозяйств, сожжено 20 тыс. построек, угнано 40 тыс. голов скота.

От рук карателей погибли тысячи советских людей. Один из активных деятелей существовавшего в свое время «Общества содействия жертвам интервенции», народный комиссар здравоохранения РСФСР (1918—1930 годы) Н. А. Семашко в специальной статье «Интервенция и культура» убедительно показал исключительную жестокость контрреволюции в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции.

Вспоминая в связи с этим, «как изящные парижские дамы кончиками своих зонтиков выкалывали глаза поверженным на землю и связанным борцам Парижской Коммуны 1871 года», Н. А. Семашко справедливо подчеркивал, что ужасы расправы с парижскими коммунарами бледнеют перед гнусностями и зверствами интервентов.¹⁾ В подтверждение справедливости этого вывода приведем лишь отдельные факты, взятые из приговора Томского губернского суда по делу бывшего подполковника Сурова, возглавлявшего в 1919 году карательные отряды в Томском и Мариинском уездах. «По приказанию Сурова, — говорится в приговоре суда от 29 апреля 1924 года, — были расстреляны организаторы и члены Ново-Кузнецкого Совдепа в количестве 35 человек. В селе Шестаковском Алчедатской волости избито шомполами и прикладами ружей 200 человек, в селе Боготоле расстреляно 12 человек; в районе станции Ижморка вдоль полотна железной дороги повешены десятки рабочих и крестьян, причем трупы повешенных не снимались по целым месяцам. Имели место случаи повешения старух и малолетних. Кровавым репрессиям Сурова не было предела, о чем свидетельствует факт варварской пытки, имевшей место в мае 1919 года на разъезде Каштак над семьей красноармейцами, кои после жестокой троекратной порки плетью и шомполами, налитыми на концах свинцом, от которого летели клочки мяса, а глаза выходили из орбит и висели на жилках, были заживо брошены и зарыты в ими же самими вырытую могилу».²⁾

1) К десятилетию интервенции. Сборник статей. ГИЗ. 1929, стр. 19—21.

2) ТОПА (Томский областной партийный архив), ф. 1, оп. 1 д. 66, л. 183.

1) Ленин В. И. Сочинения. Т. 30. стр. 203.

Огнем и мечом опустошались села и деревни. Порка, массовые избиения, расстрелы были бытовыми явлениями, а беззаветные борцы за рабоче-крестьянское дело умирали в страшнейших пытках и мучениях. По далеко не полным данным, общая сумма убытков по Сибири выражается суммой в 542 млн. 360 тыс. золотых рублей¹⁾. Империалистические государства, говорил В. И. Ленин, сделали все возможное, чтобы «использовать элементы гражданской войны в России для возможно большего разорения страны»²⁾.

Коммунистическая партия явилась вдохновителем и организатором самоотверженной борьбы трудящихся Сибири за быструю ликвидацию тяжелых последствий интервенции. В принятом ВЦИК и Совнаркомом Республики и подписанном В. И. Лениным и М. И. Калининым обращении «К рабочим, крестьянам, инородческому населению и трудовому казачеству Сибири» была четко сформулирована программа приступа к восстановлению общественно-политической и хозяйственной жизни Сибири. На территории Сибири воссоздавались органы советского самоуправления трудящихся на основании Конституции РСФСР, излагались меры материальной помощи рабочим и крестьянству, устанавливались принципы урегулирования земельных отношений. «Рабочие, крестьяне и все трудящиеся Сибири! — говорилось в обращении. — Вам российский пролетариат вручает... защиту завоеваний революции и интересов труда в освобожденной Сибири».

Под непосредственным руководством Сиббюро ЦК РКП(б) в первой половине 1920 года оформляются партийные организации в волостях, уездах и губерниях. Вышедшие из подполья партийные организации численно быстро возросли. Если в течение 1918—1919 годов в Томской губернии было принято в партию 693 человека, то за один 1920 год принято 4592 человека. В июле 1920 года в партийных организациях Анжеро-Судженских копей насчитывалось до 3000 коммунистов, в Марининском уезде — 750, в Кузнецком — около 1000, в Кольчу-

гинской организации — свыше 2000, в городе Тайге — до 200 коммунистов. В 19 волостях Кузнецкого уезда насчитывалось до 100 сельских и волостных партийных ячеек.

В мае—июне 1920 года в Кузбассе проходили районные и уездные партийные конференции, а в июле 1920 года состоялась Первая Томская губернская партийная конференция. Наряду с вопросами хозяйственного строительства решались здесь и многие вопросы организационно-партийной работы. Губернская конференция отметила, что многие партийные организации возникли «не в порядке строгого соблюдения принципов и организационных начал партийного строительства», а стихийно, что «в партию проникло много элементов из корыстных целей». Учитывая это, конференция постановила: «Принять экстренные меры по укреплению комячеек и упрочению через них советского аппарата в деревне», — и признала необходимым провести перерегистрацию всех партийных организаций губернии¹⁾.

В партийных организациях Кузбасса перерегистрация проходила в июле—ноябре 1920 года. В результате перерегистрации численный состав партийных организаций уменьшился на 27—30 проц., но выросли их авторитет и влияние на трудящихся. Одновременно под руководством партийных организаций на местах шло оформление комсомольских организаций. К моменту созыва первого Томского губернского съезда РКСМ (август 1920 года) в Кузбассе насчитывалось около 7 тысяч комсомольцев.

Первоначально в освобожденных районах Сибири создавались революционные комитеты (губернские, уездные, волостные). Это диктовалось сложностью обстановки. Многие из ревкомов создавались непосредственно частями Красной Армии. Например, Щегловский уездный ревком был назначен 26 декабря 1919 года командованием 35-й дивизии, освобождавшей этот район Кузбасса. Ревкомы повсеместно в короткий срок проделали большую работу по очищению освобожденных районов от контрреволюции и утверждению революционного порядка. Щегловский ревком в апреле 1920 года докладывал губревкому, что «работа по укреплению

Советской власти идет успешно и дело налаживается»²⁾. Разносторонняя плодотворная деятельность ревкомов сделала возможным уже в мае 1920 года провести в Кузбассе выборы сельских, волостных и уездных Советов.

К проведению первых после разгрома колчаковщины выборов в Советы партийные организации готовились тщательно. Были выпущены специальные листовки: «Что такое Коммунистическая партия», «Кого выбирать?» и др. «Крестьяне! — писалось в одной из таких листовок. — Советская власть избавила вас от колчаковских шомполов, нагаек и мордобития. Отдайте ваши голоса тем, которые всеми силами боролись с белогвардейцами, с белыми грабителями и насильниками»³⁾. Только в одном Кузнецком уезде подготовкой и проведением выборов занимались 50 инструкторов. 20 мая 1920 года Кузнецкий ревком телеграфировал в Томск, что «в уезде выборы проходят планомерно». Как свидетельствуют сохранившиеся материалы Щегловской избирательной комиссии, в выборах в городской Совет приняло участие 58,5 проц. избирателей, в выборах в сельсоветы по 19 волостям уезда — 33,2 проц., что для того времени было сравнительно высоким показателем активности избирателей (следует учитывать, что выборы тогда производились на общих собраниях избирателей). Членами сельсоветов Щегловского уезда были избраны 1421 человек, в том числе членов РКП(б) — 432, сочувствующих — 585, беспартийных — 404, из них бедняков — 988, середняков — 433.

Революционная перестройка жизни миллионов людей требовала значительного количества кадров, способных руководить этой перестройкой во всех областях жизни. Центральный Комитет помогал партийным организациям Сибири кадрами. Только в мае—августе 1920 года ЦК прислал в Сибирь на ответственную партийную и советскую работу 68 человек, в том числе члена ЦК т. Ярославского, который вошел в состав Сиббюро ЦК РКП(б). В ноябре—декабре 1920 года многие города Западной Сибири, в том числе Томск, Тайгу и Анжерку, посетил М. И. Калинин, давший

1) Любимов Н. Н. Баланс взаимных требований СССР и держав согласия. М.-Л. 1924, стр. 98.

2) Ленин В. И. Сочинения. Т. 33, стр. 456.

1) ТОПА, ф. 1, д. 15, л. 22—23; ТОГА, ф. Р-173, оп. 1, д. 10, л. 83.

1) ТОГА (Томский областной государственный архив), ф. Р-53, оп. 7, д. 39-а, л. 10.

2) ТОГА, ф. Р-53, оп. 1, д. 20, л. 3.

много ценных указаний и советов местным партийным и советским органам.

Естественно, что большевики-подпольщики, активные участники партизанского движения стали и активными участниками и организаторами восстановления хозяйства на местах. Рабочий-подпольщик И. Г. Ковалев возглавил Щегловский уездный комитет РКП(б), партизан М. А. Лоскутов был избран председателем волисполкома в Топкинском районе, а И. А. Трофимов — секретарем Зарубинского волкома, Е. С. Турболев — членом Усть-Сосновского сельсовета, В. Е. Перевалов — членом Щегловского уездного комитета партии и т. д.¹⁾ В деятельности партийных организаций много уделялось внимания воспитанию и обучению выдвинутых на руководящую работу кадров. В 1920—1921 годах в Анжеро-Судженске, Кузнецке, Кольчугине и Мариинске периодически открывались школы и курсы для подготовки и переподготовки партийных и советских работников, в которых занималось от 40 до 100 человек. 5 октября 1920 года в Томске открывалась губернская партийно-советская школа со сроком обучения три месяца, в которую Мариинский уезд направил 25 человек, Щегловский и Кузнецкий уезды — по 16.

Трудны были первые шаги восстановления Советской власти. В материалах Сиббюро ЦК РКП(б) для докладчиков к ноябрьским торжествам 1920 года подчеркивалось, что в Сибири не доставало против потребностей: мануфактуры — 90 проц., ниток — 80 проц., мыла — 70 проц., спичек — 70 проц., табака — 58 проц., сахара — 100 проц., керосина — 100 проц. Стоимость товаров, находившихся в распоряжении сибирских продорганов на 1 августа 1920 года, составляла лишь 3,5 проц. стоимости сельскохозяйственных продуктов, которые предстояло заготовить в Сибири.

Война против помещичье-буржуазной Польши и Врангеля отвлечала из Сибири значительные массы людей и продовольственные ресурсы. Партийные и комсомольские организации Томской губернии послали на фронт 559 коммунистов и 500 комсомольцев. Повсеместно шло формирование

добровольческих отрядов. В четырех волостях Крапивинского района записалось около 300 добровольцев. В селе Шевели крестьяне сдали для фронта 40 голов скота. В селе Сарапки записалось 25 добровольцев. Военком Щегловского уезда доложил второму уездному съезду Советов (октябрь 1920 года), что уезд отправил на фронт 352 пеших и 44 конных добровольца и произвел закупку 142 кавалерийских, 47 артиллерийских и 17 обозных лошадей.

Письмо из села Усть-Сосновского (Щегловский уезд) так рисует картину проводов добровольцев на фронт. «...12 сентября (1920 год) были проводы добровольцев — коммунистов и комсомольцев в числе 18 человек. В честь их отправки комсомолом был поставлен спектакль «Облава» — комедия в двух действиях из жизни русских революционных деятелей. После спектакля... состоялся митинг, причем присутствовавшими гражданами была вынесена словесная резолюция: «Всецело отдаться работе красного тыла». После речей и приветствий предложено было собрать пожертвования в пользу отправляющихся на фронт. Собрано было 5 101 рубль 5 копеек, каковые при отправке были вручены добровольцам, но таковые отказались, предложили отправить эти деньги на фронт тем товарищам, которые борются уже два года и больше за наше освобождение. Предложение было принято, но деньги все-таки были отданы добровольцам, каковые должны, будучи на фронте, передать эти жертвования товарищам фронтовикам. После чего с пением «Смело, товарищи, в ногу» вышли из Народного дома и двинулись по селу. Народу было очень много, и было очень грустно, а в то же время и радостно смотреть на это шествие»¹⁾.

Воины-сибиряки, ушедшие на фронты для разгрома третьего похода Антанты, с честью выполняли свой долг перед Родиной. Об этом убедительно свидетельствует, например, следующая телеграмма, полученная 2 ноября 1920 года Сибревкомом с Южного фронта Республики: «...В течение последнего времени... — говорилось в телеграмме, — дивизия пополнялась молодыми сибиряками.

Несмотря на введение противником в бой танков и большого числа бронемашин, красноармейцы не дрогнули, небывало спокойно расступили ряды перед ползучими танками, дали дорогу последним и снова сомкнулись для отпора пехоте противника. Неустрашимыми красными сибиряками с исключительным революционным подъемом были отбиты атаки пехоты противника. Юные, не бывавшие в боях сибиряки, руководствуясь революционным долгом, рядом штыковых атак захватили танки. В результате боя нами захвачено 8 танков — небывалая в гражданской войне добыча. Мужество и храбрость, проявленные красноармейцами, отношу к исключительным качествам героев-сибиряков. Отмечая изложенное, считаю долгом благодарить за посылку стойкого пополнения и твердое проведение идей коммуны. Начдив Блюхер»¹⁾.

Определяя конкретные пути восстановления народного хозяйства, Коммунистическая партия, как известно, придавала перво-степенное значение борьбе за восстановление сельского хозяйства. «...без практического массового улучшения хозяйства мелкого крестьянства, — говорил В. И. Ленин в декабре 1920 года, — нам спасения нет: без этой базы невозможно никакое хозяйственное строительство, и какие бы то ни было великие планы — ничто»²⁾. По постановлению Сибревкома в губерниях были созданы специальные комиссии по ликвидации тяжелых последствий интервенции. Правительство для этих нужд выделило кредит (Томской губернии — 30 млн. 200 тыс. рублей). Уже в сентябре 1920 года в сибирскую деревню поступило плугов — 6951, сеялок — 369, сенокосилок — 886, жаток — 1935 и много другого сельскохозяйственного инвентаря.

Восстановленная Советская власть за неполный год своего существования дала в 10 раз больше инвентаря, чем это было сделано при Колчаке в течение полутора лет, не говоря уже о том, что только при Советской власти этот инвентарь по доступным ценам смог приобрести крестьянин-труженик. Государство оказало помощь крестьянству и семенами для посева. Например, крестьяне

¹⁾ КОГА (Кемеровский областной государственный архив). Ф. 326, оп. 2, д. 112, л. 3; д. 95, л. 6—7; д. 73, л. 1—12; «Кузбасс», 1959, 22 октября.

¹⁾ Пугачев А. Первые годы комсомола Сибири. Томск, 1947, стр. 89—90.

¹⁾ «Знамя революции», 1920, 4 ноября.

²⁾ Ленин В. И. Сочинения. Т. 31, стр. 474.

Кузнецкого уезда получили в 1920 году около 10 тыс. пудов семсуды и свыше 97 тыс. пудов — в 1921 году.

Известно, что движение за колхозы, развернувшееся в первые годы Советской власти, охватило многие сотни тысяч крестьянских хозяйств. М. И. Калинин назвал это движение «великим массовым порывом к коммунистическому строительству»¹⁾. Этим порывом было охвачено и сибирское крестьянство. Первые 20 колхозов

возникли в Сибири еще в 1918 году. Все они были разгромлены контрреволюцией. Но уже в 1920 году в освобожденной от колчаковцев Сибири насчитывалось 1800, а в 1921 году — 2600 коллективных хозяйств. Это был действительно массовый порыв трудящегося крестьянства к коммунистическому строительству. Общее представление о размахе коллективного строительства в Кузбассе в 1920—1921 годах дают следующие данные:

Уезды	На ноябрь 1920 г.		На июнь 1921 г.	
	коммуны	артели	коммуны	артели
Марининский	6	5	22	17
Кузнецкий	13	3	27	12
Щегловский	12	12	56	21
Всего . . .	31	20	105	50

В числе первых коллективных хозяйств в Кузбассе были: коммуны «Боевая» (село Борочаты), «Труд» (деревня Боерок), «Зародыш» (около села Зарубино), «Коминтерн» (Краснинский район), «Красная поляна» (Зарубинский сельсовет), «Марсель» (около села Ягуново).

Большинство из них, пройдя через суровые испытания временем, превратились к 1927—1929 годам в сравнительно крупные слаженные хозяйства и явились опорными пунктами Советской власти при проведении сплошной коллективизации.

В январе 1920 года в Кузбассе был создан первый совхоз «Поломшное» (в 6 километрах от станции Юрга), которому было передано национализированное в январе 1920 года частновладельческое хозяйство. Постройки этого хозяйства были сожжены, сено и овес увезены колчаковской грабь-армией. К концу 1920 года хозяйство удалось привести в надлежащее состояние. Вскоре в Кузбассе было организовано несколько ведомственных совхозов — «Камышино», «Каменский совхоз» и др. Совхозы содействовали повышению общей культуры земледелия, увеличивали, по выражению М. И. Калинина, «... степень влияния социалистической мысли среди крестьян»¹⁾.

Активными строителями и орга-

низаторами жизни на коллективных началах были прежде всего коммунисты. Об этом свидетельствует сравнительно высокий процент членов партии среди колхозного актива. Из 149 делегатов Второго губернского съезда колхозов (июнь 1921 год) 110 (73 проц.) были членами партии.

В восстановлении сельского хозяйства самое непосредственное и активное участие принимали рабочие промышленных предприятий Кузбасса. По инициативе и под руководством партийных организаций в марте—апреле 1920 года была проведена Неделя постройки и ремонта сельскохозяйственного инвентаря, а в июле—августе 1920 года — Неделя помощи крестьянину. Только во время Недели помощи крестьянину приняли участие в оказании самой разносторонней помощи деревне 600 рабочих химического завода и Кемеровского рудника и 200 человек служащих города Щегловска. За это же время кольчугинские горняки добыли сверх плана 87 957 пудов угля, что позволило им выделить рабочих для ремонта 275 сельскохозяйственных машин в селах района. В отчетном докладе Томского губкома партии II губернской партийной конференции подчеркивалось, что «посылка отрядов (речь идет об отрядах рабочих — автор) в деревню произвела на

крестьян огромное впечатление»¹⁾.

Усилиями рабочего класса возрождалась и промышленность Кузбасса. Особую заботу партия и Советское правительство проявляли о быстрейшем восстановлении и дальнейшем развитии угольной промышленности. В речи на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих (апрель 1920 года), на котором присутствовали и делегаты Анжеро-Судженского, Кузнецкого и Кемеровского рудников, В. И. Ленин говорил, что уголь — это настоящий хлеб промышленности, что без него транспорт осужден на самое жалкое положение, что стране нужно больше угля. Кузбасс же после изгнания колчаковских полчищ не только не в состоянии был поставлять уголь за пределы Сибири, но и не удовлетворял потребности в угле Томской железной дороги и Гурьевского завода.

Подлинный героизм проявили шахтеры Кузбасса, восстанавливая и развивая угольную промышленность. Уже к маю 1920 года производительность труда на шахтах возросла по сравнению с 1919 годом на 30 проц. Широкое распространение получили субботники, в которых В. И. Ленин прозорливо увидел зародыш нового, коммунистического отношения к труду. Первомайские празднества 1920 года вылились во всекузбасский субботник. Анжерские копи погрузили в этот день 165 тыс. пудов угля вместо обычной погрузки 55—60 тыс. пудов. «Энтузиазм был так велик, — докладывал делегат анжеро-судженских горняков Второй губернской партийной конференции, — что производительность на копах повысилась на 150 проц. К октябрю 1920 года на шахтах Анжеро-Судженска во время субботников добыто 200 тыс. пудов угля. Самоотверженный труд шахтеров явился решающим условием выдающейся трудовой победы Кузбасса: в первый же год после освобождения Кузбасс дал угля 53 229 тыс. пудов, превзойдя уровень добычи 1913 года (47 212 тыс. пудов)»²⁾.

С целью ускорить освоение южных районов Кузбасса в 1920 году было начато строительство железной дороги от Кольчугина до Прокопьевска. В тяжелейших условиях разрухи, преодолевая эпидемию тифа, нехватку самых

1) Калинин М. И. За эти годы. Кн. 2-я. М. Госиздат, 1926, стр. 279.

1) Калинин М. И. За эти годы. Кн. 2-я. М., Госиздат, 1926, стр. 277.

1) «Знамя революции», 1920, 26 октября.

2) «Жизнь Сибири», 1922, №1, стр. 42.

необходимых материалов, коллектив строителей под руководством партийной организации сумел в декабре 1920 года в основном закончить строительство этой линии. Оценивая ее значение для развития Кузбасса, газета «Красное Знамя», орган Губкома партии и Губисполкома, писала: «Дорога имеет несомненно огромное государственное значение, и сооружение ее составляло одно из первых ударных заданий Республики. С окончанием дороги мы получили возможность разработки колоссальных пластов, содержащих миллиарды пудов каменного угля. В ближайшее время Прокопьевско-Киселевский рудник может увеличить свое производство по сравнению с настоящим чуть ли не в десять раз»¹⁾.

Освобожденным районам Сибири, в том числе и Кузбассу, принадлежала важная роль и в преодолении продовольственного кризиса в стране. К июлю 1920 года крестьяне Сибири добровольно сдали государству 19 миллионов пудов хлеба. С середины 1920 года продразверстка была распространена и на Сибирь. Щегловский уездный исполком Советов, характеризуя отношение населения к продразверстке, отмечал, что оно «относится с сознанием важности этой меры». Практические усилия крестьянства по выполнению разверстки подтверждали этот вывод. Крестьяне Усть-Катской волости (Кузнецкий уезд) сдали государству 27 210 пудов пшеницы (предполагалось собрать по разверстке 16 150 пудов), 13 686 пудов овса (предполагалось — 11 375 пудов), 4 022 пуда мяса (предполагалось — 2 375 пудов). Кроме того, сверх плана волость сдала муки пшеничной 483 пуда, ржаной 22 пуда, масла сливочного 28 пудов²⁾.

Все волости Щегловского уезда уже в августе 1920 года полностью выполнили продразверстку, сдав государству свыше 433 тыс. пудов пшеницы и ржи и 189 тыс. пудов овса и ячменя. 30 октября 1920 года газета «Знамя революции» посвятила уезду передовую статью «Щегловский уезд», в которой писала: «Щегловский уезд Томской губернии дважды доказал, как должна сибирская деревня отзываться на призывы Советской власти. Когда Западный

фронт потребовал от страны новых пополнений и Томская губерния послала своих добровольцев на Запад, на первом месте по количеству красных бойцов был Щегловский уезд. Оттуда ушло большое количество добровольцев, почти все одетые и обутые, многие со своими лошадьми. Оставшиеся в деревнях приносили свои пожертвования и подарки. Красная Армия и голодный центр России потребовали от Сибири хлеба, и потянулись немедленно возы с хлебом и фуражом из деревень Щегловского уезда на сыпные пункты... Щегловцы — отныне пример для всех уездов Томской губернии, как и для всех крестьян Сибири».

Борьба за выполнение продразверстки потребовала огромного напряжения сил крестьянства, партийных и советских органов. Уже осенью 1920 года в Сибири, освобожденной почти год тому назад от колчаковцев, начала сказываться недостаточность военно-политической формы союза рабочего класса и крестьянства. Трудностями перехода от войны к мирному строительству стремились воспользоваться многочисленные остатки контрреволюции. Они развернули лихорадочную деятельность против Советской власти. В ряде мест контрреволюции удалось привлечь для борьбы против Советской власти часть крестьянства, у которого зарождалось недовольство системой продразверстки. Банды полковников Олиферова и Зиновьева, банда Рогова и других терроризировали население, пытаясь помешать упрочению Советской власти. Так, бандитами были разгромлены Томский и Кондомский волсполкомы. Дела этих волсполкомов сожжены, а работники зверски убиты.

В конце января 1921 года в деревню Змеинка (Крапивинская волость) ворвалась банда Олиферова. Прикрывая отступление населения из деревни, будучи тяжело ранеными, в плен к бандитам попали секретарь комсомольской ячейки, коммунист учитель Василий Венедиктович Ушаков и секретарь сельсовета коммунист Алексей Павлович Винокуров. Раненых коммунистов бандиты подвергли зверским истязаниям. У Ушакова было обнаружено две надгробия ран. У него было изрублена голова, шея, грудь проколота штыком насквозь. Очевидцы оставили свидетельство, что Ушаков и Винокуров приняли смерть с редким мужеством. Коммунист и вожак сельской молодежи Уша-

ков в последний момент зашел «Интернационал». На могиле героев односельчане установили памятник с надписью: «Герои! Ваш пример будет всегда памятен в сердцах лучших борцов за свободу»¹⁾.

Из-за разгула бандитизма семь южных волостей Кузнецкого уезда (Терентьевская, Краснознаменная, Караканская, Кондомская, Верх-Кондомская, Кузедеевская и Мрасская) длительное время находились на военном положении.

Бандитизм осложнил, но не остановил созидательной деятельности трудящихся Кузбасса по восстановлению хозяйства.

В. И. Ленин прозорливо разглядел опасность сложившегося в стране положения и гениально открыл пути перехода от политики, пригодной для периода гражданской войны, к новой политике, на основе которой могло успешно осуществляться мирное социалистическое строительство. Исторический X съезд партии определил этот крутой поворот от политики военного коммунизма к новой экономической политике. Трудящиеся Кузбасса, как и всей страны, восторженно встретили решения X съезда партии. В постановлениях, принятых крестьянами на своих волостных собраниях, говорилось: «Да здравствует новая продполитика!» (Итатская волость), «Да здравствует Советская власть и продналог» (Юрьевская волость), «Приветствуем Совет Народных Комиссаров и изданный им декрет от 21 марта 1921 года о натурналоге» (Усть-Катская волость) и т. д. На путях новой экономической политики Кузбасс быстро набирал темпы экономического развития.

* * *

В. И. Ленин еще в 1907 году, делая своими впечатлениями о Сибири, говорил: «Чудесный край. С большим будущим»²⁾. Выполняя прямое указание В. И. Ленина о приближении промышленности к источникам сырья, о создании единой хозяйственной организации, охватывающей область горноталлургической промышленности Урала и Кузнецкого бассейна, советские люди превратили Кузбасс в один из ведущих промышленных районов страны.

1) «Красное Знамя», 1921, 25 октября.

2) «Знамя революции», 1920, 21 сентября.

1) «Знамя революции», 1921, 31 марта.

2) Воспоминания о Ленине. Т. I, 1956, стр. 356.

КОРОТКО О КНИГАХ

Хороший почин идет по стране

В областной типографии висит плакат-молния:

«Товарищи, полиграфисты! Эту книгу ждут железнодорожники всей страны. Ускорьте ее выпуск!»

От яркой обложки лучами протянулись линии к Иркутску и Красноярску, Киеву и Сочи, Челябинску и Свердловску и многим другим городам. Что же это за книжка, связавшая Кемерово, Кузбасс со всей страной? Она называется «За комсомольский состав семилетки».

...Это было в конце 1959 года. Комсомольцы железнодорожного

брались в Кемерово, чтобы обсудить важный государственный вопрос: как сократить простои грузов семилетки на подъездных путях, как высвободить для дополнительных перевозок десятки, сотни, тысячи железнодорожных вагонов?

Но почему же они собрались именно в Кемерово? Да потому, что комсомольцы Кузбасса первыми в стране подняли тревогу, первыми начали поход за экономии времени и средств на транспорте.

Комсомольцы подсчитали, что только в одном Кемеровском экономическом районе ежегодно простаивает 154 тысячи железнодорожных вагонов. Предприятия выплачивают за это железнодорожному транспорту миллионы рублей штрафов. Оказалось далее, что, ликвидировав простои, только в Кузбассе можно дополнительно перевезти 200 миллионов тонн грузов.

Вот они — резервы семилетки! И комсомольцы Кемерово, Сталинска, Осинников и других городов Кузбасса взялись за мобилизацию этих резервов. С поднятым забралом ринулись в бой против бесхозяйственности отряды «легкой кавалерии». Контрольные посты били тревогу по каждому случаю простоя вагонов. Плакат, призыв, листовка, острое слово сатиры — все взяли комсомольцы на вооружение в борьбе с простоями.

ЦК ВЛКСМ одобрил начинание комсомольцев Кузбасса и обратился с призывом к комсомольским организациям страны создать за счет сокращения простоев вагонов «Комсомольский железнодорожный состав семилетки», который бы давал дополнительно железнодорожному транспорту не менее 1 миллиона вагонов в год.

Этот призыв подхватили комсомольцы Москвы, Красноярска, Новосибирска, Барнаула, Омска, Нижнего Тагила, Златоуста... К комсомольскому составу семилетки уже «прицеплены» сотни, ты-

сячи вагонов. Весть о почине кузбассовцев разнеслась повсюду. Вот почему первоначальный тираж книги, рассказывающей о важном почине, пришлось увеличить в пять раз.

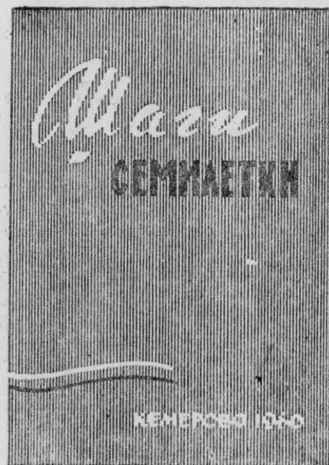
Летопись трудовых дел семилетки

Маленькая, скромная книжечка карманного формата. Только факты и цифры. Лаконичным языком фактов и цифр повествуется о том, к чему стремились, чего достигли труженики Кузбасса в первом году семилетки.

транспорта Урала и Сибири, руководители крупных предприятий, представители министерства со-

За комсомольский состав семилетки. Кемеровское книжное издательство, 1960.

С интересом раскроет ее пропагандист, агитатор, партийный и комсомольский работник, педагог — все, кому близки и дороги каждый наш шаг вперед, каждое наше достижение, каждая победа на пути к коммунизму.

Небольшая вводная статья

«Край Кузнецкий» дает читателю общее представление о Кемеровской области.

Природа щедро наградила наш край углем, цветными и редкими металлами, запасами марганца, нефелина и других ценнейших руд. У нас есть все виды нерудного сырья — от известняков до чудесного мрамора. Огромные средства вкладывает страна в развитие производительных сил Кузбасса. На карте крупнейших новостроек вы найдете самую мощную тепловую электростанцию в нашей стране и в Западной Европе — Томусинскую ГРЭС, Западно-Сибирский металлургический завод, Беловскую ГРЭС.

25 экономических районов пяти союзных республик получают из Кузбасса уголь.

Около 40 зарубежных стран являются потребителями различной продукции кузбасских предприятий.

Семилетка сделает наш экономический район еще более богатым и процветающим.

Что же принес труженикам Кузбасса первый год семилетки? На этот вопрос читатель найдет ответ в брошюре «Шаги семилетки».

Славно потрудились шахтеры. Они добились за год прироста угледобычи на 4,5 млн. тонн и сэкономили при этом от снижения себестоимости угля 20 миллионов рублей. Такие итоги — результат внедрения новой горной техники, новых, более прогрессивных методов организации труда.

Шахтеры бассейна возглавили соревнование трудящихся за высокое звание ударников и коллективов коммунистического труда.

Досрочно выполнили годовое задание кузнецкие и гурьевские металлургии, алюминщики Сталинска, на 9 процентов прироста продукции дали химии. Не отстали от передовиков и энергетики, машиностроители и труженики других отраслей промышленности.

В разделе «Все для советского человека» приводятся факты и цифры развития народного образования, здравоохранения, торговли и культуры. Новые школы, больницы, клубы, библиотеки получили трудящиеся Кузбасса в первом году семилетки.

Шаги семилетки. Факты и цифры. Итоги работы тружеников Кузбасса в первом году семилетки и задачи на 1960 год. Кемеровское книжное издательство. 1960.

6 Огни Кузбасса

С интересом читается раздел «Дела и люди семилетки». Это короткие рассказы о героях наших дней — вожаках коллективов коммунистического труда, новаторах промышленности и сельского хозяйства.

Книжка заканчивается разделом «Рубежи 1960 года». Здесь помещены обязательства, взятые трудящимися Кемеровского экономического района во втором году семилетки.

Читатель с интересом будет ждать очередных выпусков «Шагов семилетки».

Библиотечка строителя

Создадим мощную строительную индустрию! Этот лозунг один из популярнейших сейчас в Кузбассе. Еще бы, ведь строителям предстоит освоить за семилетку огромные капиталовложения — свыше 50 миллиардов рублей! По объему капиталовложений Кузбас занимает одно из первых мест в Российской Федерации.

Создание крупной промышленности строительных материалов, внедрение передовых промышленных методов — одна из главнейших задач строителей Кузбасса.

Помочь быстрее решить эти задачи и призвана «Библиотечка строителя», выпускаемая Кемеровским книжным издательством. К созданию «Библиотечки» привлечены инженеры-строители, работники научно-исследовательских институтов, передовики строек.

Серия открылась брошюрой «Новые конструкции жилых домов». В ней инженер В. Миловидов рассказывает об опыте строителей Юргинского треста № 144, которые первыми в области начали сооружать дома из крупных элементов заводского изготовления. Крупные панели дали возможность возводить жилые дома в невиданно короткий срок. Так, один этаж 48-квартирного здания можно собрать за шесть дней.

Инженер В. Смирнов посвящает свою статью сотовпанельному 40-квартирному дому, впервые в стране сооруженному в городе Сталинске по проекту, разработанному конструкторской группой треста «Сталинскпромстрой».

Сущность конструкции сотовпанельного дома состоит в том, что,

в отличие от крупнопанельного, он собирается не из отдельных плоских элементов, а из сотовблоков, образующих готовые комнаты, или отдельные их части. Производительность труда бригад, использующих сотовпанели, вдвое выше, чем при обычном методе строительства. Так, например, бригада коммунистического труда Ближняку при трехсменной работе собрала 5-этажный сотовпанельный дом за 14 дней.

Немало ценного и полезного найдут для себя строители и в брошюре «Передовые методы труда на стройках».

Бригада коммунистического труда, возглавляемая Филиппом Григорьевичем Горцеску, обязалась свою семилетку выполнить за пять лет. Это значит, что коллектив должен ежедневно выполнять полторы нормы. В первом году семилетки бригада выполнила задание на 160 процентов, а в 1960 году завоевала первенство в соревновании строителей Сталинска. Каждый месяц бригада маляров Горцеску отделяет в среднем 80-квартирный дом.

О том, как этот прославленный коллектив добивается успехов в труде, и рассказывает В. Слюсарев в статье «Опыт малярно-отделочных работ». Читатель узнает об организации труда в бригаде, о внедрении механизации на шпаклевке и покраске поверхностей, о хозяйственном расчете.

Бригада Горцеску ежегодно экономит столько белил, краски, извести и других материалов, что ими можно отделать сверх плана еще один многоквартирный дом.

В этой же брошюре описан опыт кемеровских строителей, при-

меняющих тонкослойную беззатирочную штукатурку.

Очередная брошюра из серии «Библиотечка строителя» посвящена новым строительным материалам Кузбасса. Оказывается, отходы шахт и углеобогажительных фабрик, золы и шлаки тепловых электростанций, металлургические шлаки, отходы горнообогажительных фабрик и деревообработки могут служить отличным строительным материалом. Запасами такого сырья Кузбасс обладает в неограниченном количестве, и его правильное использование во многом удовлетворит нужды строительства в прочных и дешевых материалах.

В Сталинском отделении Западно-сибирского филиала Академии строительства и архитектуры СССР из местного сырья получен новый легкий строительный материал «селикат-органик». Он может быть использован для производства крупных стеновых блоков и панелей, а также перекрытий.

Читатель «Библиотечки строителя» узнает также о «мраморном» бетоне, об известково-золевой пасте и других новых строительных материалах, уже применяющихся в практике на стройках нашей области.

Дела и люди семилетки

Для себя, для общества.

«Дела и люди семилетки» — так называло Кемеровское книжное издательство новую серию брошюр. Вышли первые два выпуска. Авторы серии — сами новаторы промышленности и сельского хозяйства, те, кто самоотверженно трудится во имя славной цели — досрочного выполнения семилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны.

Брошюра «Для себя, для общества» повествует о трудовом пути знатного строителя Кузбасса Николая Роя.

Этот путь не легок. Не сразу понял Николай Рой, что счастье человека в труде для блага общества, что личное благо неотделимо в нашей стране от блага всего народа. Коллектив, товарищи помогли молодому строителю избавиться от многих ошибок, найти верную дорогу в жизни.

И вот рядовой рабочий становится вожаком бригады коммунистического труда. А потом Рой переходит в отстающий коллектив, поступившись личными интересами. Николай Рой один из тех, кто помогает Кузбассу вы-

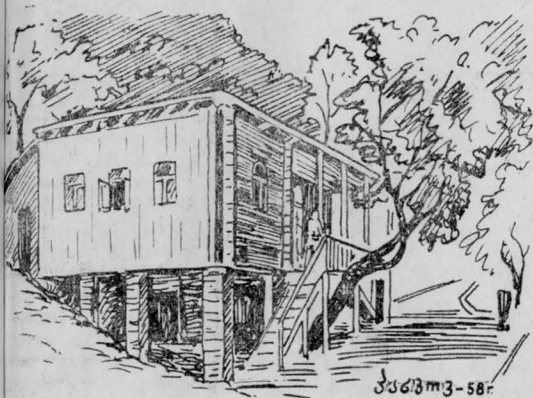
полнять огромную программу капитального строительства.

Центнер свинины в час

Семь лет работает свиноводом Ольга Федоровна Шупаковская. За эти годы она накопила немалый опыт. Но главная ее черта — умение сердцем откликаться на все новое, передовое, что рождается в науке и практике сельского хозяйства. Она была среди тех, кто первыми смело стали внедрять в свиноводстве сухое кормление и бесстаночное содержание животных. На ее глазах при ее активном участии осваивалась в совхозе «Щегловский» новая техника, вводилась механизация, опробовались новые системы содержания свиней. Годы труда увенчались успехом. В 8—10 раз увеличилось количество животных, закрепленное за свиноводом, а труд стал намного легче и результаты его куда лучше, чем несколько лет назад.

Центнер свинины в час! — вот последнее достижение лучшего свиновода области. Но Ольга Федоровна считает, что это далеко не предел. В своей брошюре «Центнер свинины в час» она критикует руководство совхоза за недостаточное внимание к производству кормов, вносит ценные предложения, которые позволяют снизить себестоимость мяса.

ПАМЯТНЫЕ МЕСТА

Домик Маяковских в селе Багдади (Маяковское) Грузинской ССР

Мы помещаем три рисунка кемеровского художника М. Панькова из серии «Памятные места»

Гора Чехова на о. Сахалине

Дом С. Н. Сергеева-Ценского в г. Алуште, где он прожил около 50 лет. Здесь он скончался 3 декабря 1958 года. В этом доме писателем создан роман «Севастопольская страда», «Преображение России» и много других произведений

В РАЙКОМЕ КОМСОМОЛА

Бюро
без дел, не бывало:
без сна
по суткам заседало.
Зря только времечко летело:
вперед
не подвигалось дело.
Все быть могло б иначе, но...
бюро обюрокрачено.

ЛИТКОНСУЛЬТАЦИЯ

— Вы
рукопись
читали, очевидно?
Как мой роман
«Волшебное кольцо»?
— Труд машинистки
налицо,
труда же автора
не видно.

БРАТСТВО ПО-УДАВЬИ

Удав Овце:
— Мы сестры все
и братья...
Дай заключу тебя
в объятья.

ПРЯМАЯ ЗАВИСИМОСТЬ

Мысль
не нова, конечно, для читателя,
но повторять
готов я без конца:
от степени обвеса
покупателя
зависит вес
инного продавца.

ОПРАВДАНИЕ

На фабрике
я бракоделом слышу.
В быту
Я другой однако:
с четвертой женой,
слава богу, живу
и все
без законного брака.

ИЗ БЛОКНОТА ПОЭТА МЛАДЕНЦЕВА

В пеленках
стих создал я этот.
Теперь
на суд его несу.
Хочу воспеть
подсосный метод,
поскольку соску
сам сосу.

ПРОПОВЕДНИК

Я предлагаю
бизнес интересный.
На сделку
кто идет со мной?
Меняю
райский дом,
небесный,
на захудалый,
но земной.

МЫСЛИТЕЛЬ ИЗ НОРЫ

Крот рассудил
на склоне лет:
— Напрасно создан
белый свет.
...А не живи он
в темноте,
и мысли были бы
не те.

Биография Владимира Матвеева коротка и обычна. Ему 28 лет. После десятилетки он закончил историко-филологический факультет Сталинского педагогического института и работал учителем русского языка и литературы в г. Прокопьевске.

Сейчас Владимир Матвеев — литературный сотрудник областной молодежной газеты «Комсомолец Кузбасса».

Его басни и сатирические миниатюры были опубликованы на страницах сначала прокопьевской городской газеты «Шахтерская правда», потом в «Кузнецком рабочем» и в областных газетах. Наш альманах предоставлял не раз ему свои страницы.

Лучшие произведения В. Матвеева были опубликованы в «Комсомольской правде».

Голос молодого поэта крепнет год от года. Своим наставником в литературном поприще он считает литгруппу г. Сталинска, а Александра Ефимовича Пичаева — первым критиком своих произведений.

мир
Ток
за
илю
ьте
сти
лох
ите
ьва
Али
си
мо
Сон

иче
ьли
ти
оан
ва
ра
ко
ни
ана
ем

ани
пуд
оли

оан
оди
и
иш
пп
лен
Гл
ит
едя

